

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

КНИГА ПЯТАЯ

ТЕРПСИХОРА

БИБЛИОТЕКА «СКИТ ОТШЕЛЬНИКА»

THE
HISTORIES

HERODOTUS
OF HALICARNASSUS

ГЕРОДОТ

ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Перевод и примечания
Г.А.Стратановского

Под общей редакцией
С.Л.Утченко

Редактор перевода
Н.А.Мещерский

Издательство «НАУКА»
Историческое отделение
ГОРА «ОЛИМП»

2017

Редакционная коллегия серии
«Памятники исторической мысли»

П.М.Баткин (учёный секретарь), Б.Г.Вебер, М.Я.Гефтер,
А.А.Губер (председатель), А.В.Гулыга, В.М.Далин,
А.И.Данилов, И.С.Кан, М.В.Нечкина, С.А.Токарев,
С.О.Шмидт, Е.М.Штаерман.

Секретарь серии:
Е.М.Михина

Ответственный редактор
С.Л.Утченко

От редакционной коллегии

Настоящим изданием открывается новая академическая серия, в которой будут представлены труды, сыгравшие существенную роль в развитии исторической мысли.

Перевод «Истории» Геродота был подготовлен для «Литературных памятников», а затем перешел «по наследству» в нашу серию. Мы принимаем его с большой признательностью, так как получили возможность начать наши издания с «отца истории» и с труда, лежащего еще на трудноразличимой грани между мифом и историческим повествованием.

В дальнейшем, однако, мы не предполагаем придерживаться строгой хронологической последовательности. Так, за Геродотом последует сочинение, которое сразу перенесет нас вперед через два тысячелетия – в эпоху Ренессанса: это «История Флоренции» Макиавелли. Готовятся к изданию исторические статьи из «Энциклопедии» Дидро и Даламбера, книга Петра Кропоткина «Великая французская революция 1789–1793 гг.», работа французского историка Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Далее на очереди «Идеи философии истории человечества» Гердера, философско-исторические труды Гегеля, «Письма об изучении истории» Боллингброка, «Первобытное

общество» Моргана, сочинения Саллюстия, Августина и Пселла.

Таков наш план на ближайшее время.

Естественно, мы считаем необходимым и переиздание ставших библиографической редкостью некоторых марксистских работ, начиная с Франца Меринга и кончая первыми шагами советской исторической науки.

Подготавливая к изданию труды, отражающие движение западноевропейской и русской исторической мысли, мы надеемся в дальнейшем достойно представить в серии историческую мысль и народов других континентов.

В серии найдут место книги, уже известные читателю, но давно ставшие малодоступными или нуждающиеся в новых переводах, а также произведения, впервые переводимые на русский язык.

Подготовка текста, построение научного аппарата будут аналогичны тем, которые приняты и с успехом испытаны в серии «Литературные памятники». Однако принципы отбора произведений в нашей серии, естественно, иные.

Некогда историческое повествование было частью литературы в широком смысле слова (поэтому, кстати, сочинения Плутарха, Ксенофона, Светония, на которые может претендовать наша серия, с неменьшим правом уже нашли себе место среди изданий серии «Литературные памятники»). Да и после того, как произошло четкое разделение разных сфер творчества и мысли, многие историки и философы, размышлявшие над проблемами истории, умели писать с поистине художественным блеском. Однако литературные достоинства могут послужить лишь дополнительным аргументом в пользу включения того или иного сочинения в нашу серию. Не исходим мы и из тех качеств, которые делают произведение, принадлежащее прошлому, ценным источником

исторических сведений. В названии «Памятники исторической мысли» акцент делается на последнем слове.

Наша серия призвана развернуть перед читателем многовековую панораму раздумий над соотношением прошлого, настоящего и будущего – над «связью времен», над движением истории. Не всегда это было теоретизирование в прямом значении слова: то, как люди ощущали историю и свою включенность в нее, могло найти выражение как в хронике или эпическом описании, так и в философском трактате или в публицистическом произведении на злобу дня. В том же свете, как необходимая часть исторической мысли, должна быть представлена в серии и профессиональная историческая наука, произведения, принадлежащие к её важнейшим школам и направлениям.

Нелегко, конечно, отделить историческую мысль от историографии в собственном смысле. Критерии такого отделения довольно условны. Очевидно всё же, что понятие «Историческая мысль» шире понятия «историческое исследование». Пытается ли тот или другой автор охватить ту или иную эпоху и даже всю историю человечества, или он занят изучением сравнительно частного, специального вопроса, его в этом случае отличает в первую очередь интерес к смыслу истории в целом.

С этих позиций только и может решаться вопрос о «современности» или «устарелости» того или иного произведения. Своеобразие и самостоятельность мышления автора, целостность и масштабность его миропонимания, связь рассматриваемых им проблем с теми, к которым и в наше время вновь обращается историческая мысль, являются здесь главными критериями.

Очевидно, что задачи серии не могут не быть воспитательными, связанными с борьбой мировоззрений и в этом смысле остро современными. Именно поэтому и круг отбираемых трудов для серии

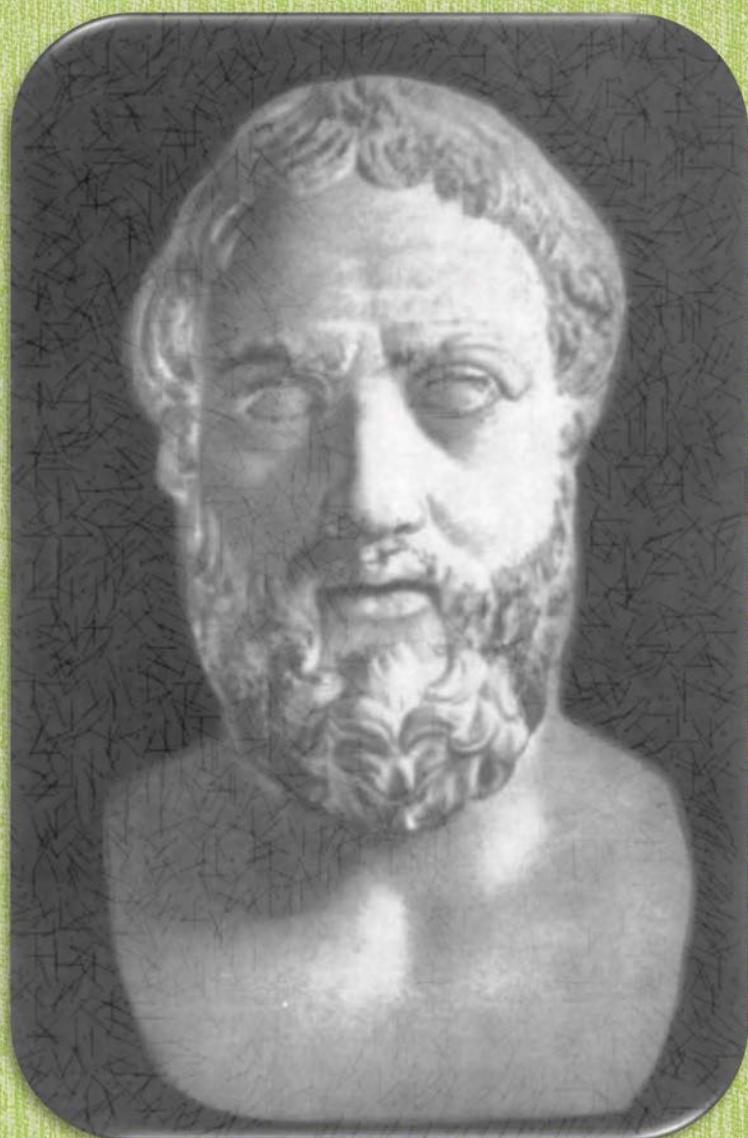
должен быть максимально объективен и широк. Собираясь и в будущем издавать классические сочинения, отбор которых надежно произведен историей, мы не хотели бы ограничиться только этими призванными вехами развития исторической мысли. Без Геродота нет историографии античности, без Августина нет всей тысячелетней христианской историографии; однако нечто сходное можно сказать и о некоторых сочинениях философов и историков конца XIX-первой половины XX в., подчас противоречивых и требующих весьма критических комментариев, но также необходимых тому, кто хочет самостоятельно судить по первоисточникам о современном положении в мировой исторической науке.

Таким образом, мы широко понимаем, как рамки нашей серии, так и её будущую читательскую аудиторию. Настоящий памятник исторической мысли – это нечто живое, не оставляющее нас безразличными, неустранимо присутствующее в памяти каждого человека, думающего в наши дни над проблемами истории. К этому – то читателю, независимо от его профессии, и обращена наша серия.

Первому тому нашей серии суждено увидеть свет уже после внезапной и горестной для всей советской исторической науки кончины председателя редколлегии «Памятников исторической мысли» Александра Андреевича Губера. Без усилий и поддержки Александра Андреевича серия вряд ли могла бы начать свое существование. Пусть настоящее издание останется связанным в сознании читателей с его именем.

Редколлегия серии
«Памятники исторической мысли»

БЮСТ ГЕРОДОТА

МУЗЕЙ В НЕАПОЛЕ

484 до н.э. - 426 до н.э.

ИСТОРИЯ

В ДЕВЯТИ КНИГАХ

Терпсихора — в древнегреческой мифологии муз танца. Одна из девяти дочерей Зевса и Мнемосины. Персонаж древнегреческих мифов, популярный образ и символ в искусстве. Изображалась в виде молодой женщины с улыбкой на лице, иногда в позе танцовщицы, чаще сидящей и играющей на лире. Считается покровительницей танцев и хорового пения. Одна из девяти античных муз — среди муз её называют Цец.

КНИГА ПЯТАЯ ТЕРПСИХОРА

БОГИНИЯ ТАНЦА – ТЕРПСИХОРА

По преданиям древних греков, музу танца звались Терпсихора. Она имела восемь сестер. Летними вечерами они, взявшись за руки, водили хороводы. На греческих фресках и вазах сестры – музы держатся за руки. Танец был тесно связан с музыкой, пением, словом, игрой.

Терпсихора (Teryicora) – музу танца и хорового пения. В греческой мифологии дочь Зевса и Мнемосины, одна из девяти муз, покровительница танца (иногда – хорового пения). Изображалась в виде молодой женщины в позе танцовщицы, с улыбкой на лице. На голове у нее был венок, в одной руке она держала лиру, а в другой пlectр. Она – "наслаждающаяся хороводами". Музу, открывает людям гармонию между внешним и внутренним, душой и телом. Античный танец основывался на строгом соблюдении ритма, на сочетании ритмического шага и подобающих движений рук. Пляски были обязательным учебным предметом в гимназиях. Считалось, что Терпсихора, спутница бога гармонии Аполлона, учит душу правильно сочетаться с телом. Позы и движения должны быть красивы и гармоничны, пляска должна отражать настроение мысли и чувства.

Об отношении к танцу в Древней Греции говорит тот факт, что Терпсихора была включена в пантеон божеств. Греки понимали танец, очень широко, рассматривая его и как гимнастику, средство оздоровления тела, и как мимическое искусство.

Существует миф, согласно которому Терпсихора – мать певца Лина (по другой версии, его мать – Урания).

По одному из вариантов мифа, Терпсихора родила от бога реки Ахелоя сирен (Apoll. Rhod. IV 892–896; вариант: сирены – дети Мельпомены).

Эту музу связывают с Дионисом, приписывая ей атрибут этого бога – плющ (о чём гласит надпись на Геликоне, посвященная Терпсихоре).

Сохранились свидетельства, что храм, посвященный музам, существовал в Пифагорейской школе. В этом храме Пифагор давал наставления своим ученикам. Терпсихора, Эрато и Талия заведовали земной физикой, наукой элементов, камней, растений и животных. Терпсихора и танец, не были выдуманы древними греками ради развлечения и времяпрепровождения. Муза и танец — это результат вдумчивого созерцания Природы, где все движется в ритме согласно неписанным законам.

Чтобы понять дух танца, достаточно погрузиться в шелест густой листвы. Не отрываясь от ветвей, листья танцуют и поток, рождая симфонию зеленых оттенков, чарующую глаз и слух. Достаточно минуту посидеть на берегу моря, обратив к нему лицо, и отдаваться на волю неутомимого ритма, с которым волны набегают на берег. Достаточно проследить полет птицы или падающего листа осенней порой.

Достаточно взглянуть, как танцуют на небе облака, принимающие поочередно тысячи фантастических форм. В конце концов, достаточно просто уметь читать ту открытую книгу, страницы которой жизнь ежедневно листает перед нами, но в которой мы ценим — да и то не всегда — лишь обложку.

Нет, Терпсихора не умерла, ведь прекрасное никогда не умирает. Да, возможно ее присутствия никто не заметит, но все Подлинное непреложно... Муза Танца всегда была, есть и будет среди нас. Правда, мало кто уже знает ее имя и искусство, которому она покровительствует. Но, возможно, в чьем-то теле пробудилась неясная тоска, оно давно лишилось крыльев и не умеет больше ни летать, ни ступать. И только взор свой может оно поднять к мимолетному видению, а душа умоляет его вновь сделаться таким же, как прежде.

Ведь душа умеет танцевать. Она живет в каждом из нас, и все зависит от того, насколько мы сами сковываем ее. Если душа охвачена трепетом, греки называли это именем грации и гармонии, то — есть Терпсихорой.

ГЕРОДОТ

История

Книга Пятая

ТЕРПСИХОРА

1. Первым из городов на Геллеспонте персидское войско во главе с Мегабазом, оставленное Дарием в Европе, покорило Перинф (перинфяне не желали признать владычества Дария). Уже раньше Перинф потерпел жестокое поражение от пеонов. Этим то пеонам, живущим на Струмone, божество изрекло оракул идти войной на перинфян. [Изречение оракула гласило]: “Если из стана, расположенного против перинфян, их громко окликнут по имени, то пеоны должны нападать; в противном же случае – не двигаться”. Пеоны так и поступили. Перинфяне же разбили стан перед воротами своего города, и здесь по их вызову произошло тройное единоборство. Два воина, два коня и два пса вошли в бой. Одержав победу в двух поединках, перинфяне от радости

запели пеан [1]. Пеоны же приняли слова этого пеана за изречение оракула. Они рассуждали между собой так: “Прорицание оракула исполнилось. Дело теперь за нами!”. Тогда пеоны напали на перинфян, когда те замянули пеан, и разбили врага наголову, так что немного их осталось в живых.

 2. Вот какую беду перинфянам еще раньше пришлось претерпеть от пеонов. Теперь же персы и Мегабаз все же одолели их численностью, хотя они доблестно сражались за свободу. Овладев Перинфом, Мегабаз повел войско через Фракию и покорил царю все города и народности вдоль побережья. Таково было повеление Дария покорить Фракию.

 3. Народ фракийский после индийцев – самый многочисленный на земле [2]. Будь фракийцы только единодушны и под властью одного владыки, то, я думаю, они были бы непобедимы и куда могущественнее всех народов. Но так как они никогда не могли прийти к единодушию, то в этом то и коренилась их слабость. Племена их в каждой местности носят особые названия. Нравы и обычаи у всех одинаковы, кроме гетов, траксов и племен, живущих севернее крестонеев [3].

 4. О действиях гетов и их вере в бессмертие я уже рассказывал [4]. Образ жизни траксов в общем такой же, как и у других фракийских племен. Только обычай при рождении и кончине у них особенные. А именно, вот какие.

[При рождении] родные усаживаются вокруг новорожденного младенца и горюют о том, сколько бедствий ему предстоит еще перенести в жизни. При этом перечисляют все людские горести и заботы. Напротив, погребение покойников у них проходит с шутками и весельем [5]. Ведь мертвые, [по мнению гетов], уже избавились от всех жизненных зол и печалей и ведут радостную и блаженную жизнь.

5. У племен же, обитающих севернее крестонеев, существует вот какой обычай. Когда кто-нибудь из племени умирает, то его жены (а у всех их много жен) начинают жаркий спор (при ревностном участии друзей): какую из них покойник муж любил больше всех. Разрешив спор, мужчины и женщины осыпают супругу избранницу похвалами и ближайшие родственники закалывают ее на могиле и затем предают земле вместе с супругом. Остальные же жены сильно горюют, [что выбор пал не на них]: ведь это для них – величайший позор [6].

6. Обычаи прочих фракийцев вот какие: детей своих они продают на чужбину. [Целомудрия] девушки они не хранят, позволяя им вступать в сношение с любым мужчиной [7]. Напротив, [верность] замужних женщин строго соблюдаются и покупаются себе жен у родителей за большие деньги. Татуировка [на теле] считается у них [признаком] благородства [8]. У кого ее нет, тот не

принадлежит к благородным. Человек, проводящий время в праздности, пользуется у них большим почетом.

Напротив, к земледельцу они относятся с величайшим презрением. Наиболее почетной они считают жизнь воина и разбойника. Таковы самые замечательные их обычаи.

 7. Богов фракийцы чтут только трех: Ареса, Диониса и Артемиду [9]. А их цари (в отличие от остального народа) больше всех богов почитают Гермеса и клянутся только им. По их словам, и сами они произошли от Гермеса [10].

 8. Погребальные обряды богатых фракийцев вот какие. Тело покойника выставляют на три дня. При этом закалывают жертвенных животных всякого рода и после погребальных волей устраивают тризну. Затем тело сжигают или иным способом предают земле [11] и, насыпав курган, устраивают различные состязания. Высшие награды назначаются за единоборство, смотря по важности [состязания]. Это погребальные обычаи фракийцев.

 9. О том, какие племена обитают дальше к северу от Фракии, никто достоверно сказать не может. Области за Истром, по-видимому, необитаемы и беспредельны. Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения: эта народность – сигинны. Одеваются они в мидийскую одежду. Кони у

сигиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в 5 пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряженные же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах. Пределы земли сигиннов простираются почти до [области] энетов на Адриатическом море. Они считают себя [потомками] мидийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии, я не могу объяснить. Впрочем, пожалуй, все может случиться за столь огромный промежуток времени. Сигиннами, впрочем, лигии, живущие к северу от Массалии [12], зовут мелких торговцев, а жители Кипра — копья.

 10. По рассказам фракийцев, в области за Истром обитают пчелы [13] и из-за них де проход далее невозможен. Мне то такие рассказы кажутся во всяком случае невероятными: ведь эти насекомые, по-видимому, не выносят холода. Скорее, думается мне, эти северные страны необитаемы, именно, из-за холодов. Такие рассказы передают об этой стране, побережье которой Мегабаз подчинил персам.

 11. Едва перейдя Геллеспонтом, Дарий тотчас же вспомнил о великой услуге, оказанной ему Гистиоем из Милета и о совете Коя из Митилены. Он повелел им прибыть в Сарды и предложил по [их собственному] выбору

просить [любой] милости. Гистией, который был уже тираном Милета, не желал большие никакой тирании, но просил дать ему во владение местность Миркин в земле эдонян, где он хотел основать город. Так вот, Гистией выбрал эту землю. Кой же, который не был тираном, но простым гражданином, попросил царя сделать его тираном Митилены.

 12. Царь удовлетворил желание их обоих, и они отправились в места по своему выбору. Вышло, однако, так, что Дарий из-за одного случая, который ему пришлось наблюдать, приказал Мегабазу покорить пеонов и изгнать их из Европы в Азию. Два пеона, именно Пигрем и Мантиес, прибыли в Сарды по возвращении Дария в Азию вместе со своей сестрой, девушкой статной и красивой (братья сами хотели сделаться владыками пеонов). Воспользовавшись случаем, когда Дарий однажды, восседая перед воротами города, разбирал тяжбы, они сделали вот что. Братья нарядили сестру как можно красивее и послали с сосудом на голове за водой. Девушка вела за собой коня, привязанного на поводу к руке, и пряла лен. Проходя мимо, она привлекла внимание Дария, потому что ее действия были необычны для персов, лидийцев и какого-либо другого народа Азии. Удивленный царь послал несколько своих телохранителей с приказанием посмотреть, что станет делать девушка с конем. Телохранители следовали

за ней сзади. А она, придя к реке, напоила коня, а затем наполнила сосуд водой и пошла опять назад мимо царя тем же путем с сосудом на голове, ведя привязанного к руке коня и врача веретено.

 13. А Дарий, дивясь и рассказу [телохранителей], и тому, что видел сам, повелел привести женщину пред свои очи. Когда ее привели, то пришли и ее братья, которые неподалеку “на страже стояли”[14]. На вопрос Дария, откуда она родом, юноши отвечали, что они неоны, а это – их сестра. Царь же спросил, что за люди неоны, где они живут и зачем пришли в Сарды. А те отвечали, что пришли они отдать себя под его покровительство. Пеония же расположена на реке Струмона, а Струмона течет вблизи Геллеспонта; они – потомки тевкров из Трои. Все это юноши рассказывали, а царь спросил: все ли женщины там такие же трудолюбивые, как эта. Юноши и это охотно подтвердили, потому что ради этого то они и привели сестру к царю.

 14. Тогда Дарий написал послание Мегабазу, которого он оставил военачальником во Фракии [15], с повелением изгнать неонов с их родины и привести к нему вместе с женами и детьми. Тотчас же всадник поспешил с этой вестью к Геллеспонту и, переправившись через пролив, вручил послание Мегабазу. А Мегабаз прочитал послание и, взяв фракийских проводников, выступил в поход на неонов.

15. Когда пеоны узнали, что персы идут войной на них, то, собрав войско, двинулись к морскому побережью: они думали, что персы придут оттуда. Так пеоны стояли на море, готовясь отразить нападение Мегабазова войска. Персы же, проведав о том, что пеоны собирались и заняли проход у моря, избрали верхний путь [по горам], так как у них были проводники. Затем тайно от пеонов персы напали на их города, лишенные защитников. Напав таким образом, персы легко овладели ими. При вести о том, что их города в руках персов, [войско] пеонов немедленно рассеялось и каждый [воин] возвращался в свой город и сдавался персам. Так-то племена пеонов: сириопеоны, пеоплы и все пеоны, обитавшие [в области] вплоть до озера Прасиады, были изгнаны из родных земель и уведены в Азию.

16. Племена же у горы Пангея – доберы, агрианы, одоманты – и племена на самом озере Прасиада вообще не были покорены Мегабазом. Он пытался, правда, изгнать также и племена, жившие на самом озере. А живут эти племена вот как: среди озера стоит на высоких опорных сваях связанный [из досок] помост, куда ведет с суши узкий проход по одному мостику. А сваи, подпирающие помост, забивало в древние времена сообща все племя. Впоследствии же был введен вот такой обычай: каждый собирающийся жениться должен принести с горы под названием Орбел и

вколотить за одну женщину по три опорных сваи. Но у каждого пеона много жен. Живут же пеоны там вот как: у каждого есть на этом помосте хижина, где он живет, с люком, [проделанным] в помосте и ведущим в озеро.

Маленьких детей они привязывают за ногу веревкой, чтобы те не упали в воду. Своих коней и выночный скот они кормят рыбой. Рыбы там так много, что если открыть люк и опустить [в озеро] пустую корзину, то спустя немного времени вытащишь ее, полную рыбы. В озере водится рыба двух пород: напрак и тилон.

 17. Итак, покоренные племена пеонов персы увели в Азию. А Мегабаз после покорения пеонов отправил в Македонию послов – семь персов, наиболее важных после него самого людей в войске [16]. Этих людей отправили послами к Аминте с требованиями земли и воды царю Дарию. От озера Прасиады ведет кратчайший путь в Македонию[17]. К озеру непосредственно примыкает рудник, который впоследствии приносил Александру ежегодный доход талант серебра. За этим рудником возвышается гора под названием Дисорон, а за ней уже – Македония.

 18. Итак, эти персидские послы прибыли [в Македонию], предстали перед Аминтой и затем потребовали земли и воды царю Дарию. Аминта же обещал дать и то и другое и пригласил послов на угощение.

Царь устроил роскошный пир и любезно угостил персов. А после пира персы, продолжая безудержу бражничать, сказали Вом что: “Друг македонянин! У нас, персов, когда мы задаем пир, есть обычай приводить к столу наших наложниц, и жен. Ты столь радушно принял нас и так великолепно угостил и даже хочешь дать царю землю и воду, исполни же [для нас] этот наш обычай”. Аминта ответил на это: “У нас нет этого в обычай: мужчины и женщины [пируют] у нас отдельно. Но поскольку таково ваше желание, а вы – наши владыки, то будь по-вашему”. После этих слов Аминта велел послать за женщинами. Женщины явились на зов и уселись в ряд против персов. Тут персы при виде красивых женщин стали говорить Аминте, что он поступил неумно [и не угодил им]. Лучше уж было бы женщинам вообще не являться, чем прийти и сидеть напротив, как помрачение очам. Тогда Аминта был вынужден приказать женщинам сесть рядом с персами. Но едва женщины успели пересесть, как персы стали хватать их за груди, так как напились сверх меры, и некоторые пытались даже целовать женщин.

 19. При виде этого Аминта хотя и возмущался, но все же старался сохранить спокойствие, так как сильно боялся персов. Александр же, сын Аминты, который также был участником пира и видел все это, как человек молодой и не вкусивший еще [жизненных] невзгод, не мог смолчать и

с негодованием сказал Аминте вот что: "Отец! В твои годы тебе лучше бы отдохнуть и больше не пить: Я же останусь с гостями и приготовлю им все, что нужно". Аминта понял, что Александр замыял недобroе дело и сказал: "Сын мой! По твоим гневным словам я понимаю, что ты отсылаешь меня, замыслив что то недобroе. Поэтому прошу тебя оставить этих людей в покое, чтобы не погубить нас. Сдерживайся и не обращай внимания на происходящее. Что же до твоего совета уйти, то я согласен".

 20. Когда Аминта после этого вышел, Александр сказал персам: "Эти женщины, друзья, всецело в вашем распоряжении. Вы можете по желанию спать со всеми или только с некоторыми из них. Подайте только знак о вашем желании. А теперь уже пора спать, и, как я вижу, вы сильно опьянили. А этих вот женщин прошу вас отпустить совершив омовение. После чего и ждите их". Персы согласились, и Александр отоспал женщин в женский покой. Сам же он велел переодеть в женские одежды столько же безбородых юношей и, дав им кинжалы, ввел в покой. А персам Александр сказал вот что: "Персы! Кажется, вы попировали на славу! Все, что у нас есть и что мы могли достать, — все перед вами! И даже — что для нас самое дорогое — мы отдали в Ваше распоряжение наших матерей и сестер, чтобы вы поняли, какие почести

мы воздали вам по заслугам. А царю, пославшему вас, сообщите, какой радушный прием оказал вам эллин, правитель Македонии, угостив вас и предоставив ложе!”. После этого Александр приказал каждому юноше под видом женщины сесть рядом с персом. А когда персы стали хватать юношей, те перебили их.

 21. Такая печальная участь постигла самих послов и их свиту (ведь они привезли с собой челядь и повозки со всем обычным у персов скарбом). Так вот, все это вместе с самими послами бесследно исчезло. Вскоре после этого персы, конечно, начали тщательные поиски этих людей. Однако Александр сумел ловко замять это дело. А именно, он подкупил перса Бубара, главу персидских должностных лиц, посланных на розыск пропавших послов, отдав ему огромную сумму денег и свою сестру Гигетю. Так-то [дело] о гибели этих персов было улажено [18].

 22. А то, что эти македонские цари, потомки Пердикки, – действительно эллины, утверждают не только они сами, но и я убежден в этом. Кроме того, и судьи Олимпийских состязаний признали это. Когда Александр пожелал принять участие в состязаниях и для этого прибыл в Олимпию, то эллины, участники состязаний, требовали его исключения [19]. Эти состязания, говорили они, для эллинов, а не для варваров. Александр же доказал, что он аргосец, и судьи признали его

эллинское происхождение. Он принял участие в беговом состязании и пришел к цели одновременно с победителем. В общем дело обстояло так.

 23. Мегабаз же прибыл с пеонами к Геллеспонту. Оттуда он приказал перевезти их через пролив и привел в Сарды. А Гистией из Милета уже начал строить город на пожалованной ему Дарием земле в награду за сохранение моста (земля же эта под названием Миркин находилась на реке Стромоне). Мегабаз услышал о том, что делает Гистией, и, как только прибыл с пеонами в Сарды, сказал Дарию вот что: “Царь! Что это ты сделал, разрешив этому дошлому и хитрому эллину построить город во Фракии? Там огромные корабельные леса и много [сосны] для весел, а также серебряные рудники. В окрестностях обитает много эллинов и варваров, которые, обретя в нем своего вождя, будут день и ночь выполнять его повеления. Не позволяй ему этого делать, иначе тебе грозит война в твоем собственном царстве. Прикажи ему явиться к тебе и заставь прекратить работы. А когда ты его захватишь в свои руки, сделай так, чтобы он больше уже не возвращался к эллинам”.

 24. Этими словами Мегабаз легко убедил Дария, так как царь ясно видел, какие последствия будет иметь строительство города. После этого Дарий послал вестника в Миркин с повелением передать [тирану] вон

что: “Гистией! Так говорят царь Дарий. Размышляя [о благе и судьбе моего царства], я не нахожу никого преданнее тебя как лично мне, так и моей державе. И в этом меня убедили не слова, а дела твои. Я задумал совершить ныне великие деяния. Поэтому непременно явись ко мне, ибо я желаю сообщить тебе об этом”. Гистией поверил этим словам (да к тому же и очень гордился быть царским советником) и прибыл в Сарды. По прибытии же в Сарды Дарий сказал ему вот что: “Гистией! Послав я за тобою вот почему. Как только я возвратился из Скифии и ты пропал с глаз моих, я вскоре почувствовал, что большие всего жалею о твоем отсутствии и о том, что не могу беседовать с тобой. Я убежден, что высшее благо на земле – это мудрый и верный друг. То и другое я обрел в тебе, и моя судьба подтверждает это. Итак, хорошо ты поступил, придя ко мне, и я предлагаю тебе вот что: оставь Милет и вновь основанный город во Фракии, иди со мною в Сусы и там разделяй со мною как мой соправитель [20] и советник все, что у меня есть”.

 25. Так сказал Дарий. Затем царь поставил сатрапом Сард своего сводного брата Артафrena и вместе с Гистиеем отбыл в Сусы. Отана же он назначил начальником войска в Приморской области. Отец этого Отана – Сисамн был одним из царских судей. За то, что этот Сисамн, подкупленный деньгами, вынес

несправедливый приговор, царь Камбис велел его казнить и содрать кожу. Кожу эту царь приказал выдубить, нарезать из нее ремней и затем обтянуть ими судейское кресло, на котором том восседал в суде. Обтянув кресло [такими ремнями], Камбис назначил судьей вместо Сисамна, которого казнил и велел затем содрать кожу, его сына, повелев ему помнить, на каком кресле восседая он судит.

 26. Этот то Отан, который должен был судить на таком кресле, стал тогда преемником Мегабаза в звании главного военачальника. Он завоевал Византий и Калхедонию, овладел Антиадром в Троаде и Ламптонием. Затем на lesbосских кораблях завоевал Лемнос и Имброс (оба этих острова тогда еще населяли пеласги) [21].

 27. Лемносцы же, правда, мужественно сражались, но все же после долгого сопротивления были побеждены. Правителем над уцелевшими лемносцами персы поставили Ликарета, сына Меандрия, брата царя Самоса. Этот то Ликарет затем скончался правителем Лемноса [...][22] Причина же была вот какая. Отан всех их обращал в рабство, обвинял одних за отказ служить персам в походе на скифов, а других в [предательских] нападениях на войско Дария при возвращении.

 28. Такие дела совершил Отан как военачальник. Затем для эллинских городов пришли (хотя и ненадолго)

лучшие времена. Но вскоре на Ионию вновь обрушились невзгоды из Наксоса и Милета. Наксос ведь был тогда богаче других островов, а Милет в то время процветал как никогда – ни раньше, ни позже. Это была жемчужина Ионии. За два поколения до этого Милет раздирали гражданские распри, пока паросцы не примерили [враждующие партии]. Милетяне выбрали в посредники именно паросцев из всех эллинов.

 29. А примерили их паросцы вот как. Когда знатнейшие жители Пароса прибыли в Милет, то увидели там дотла разоренных жителей и объявили, что желают обойти их поля. Так паросцы и сделали: они обошли всю Милетскую область из конца в конец. Если им случалось заметить в опустошенной стране хорошо возделанный участок, то они записывали имя хозяина. Лишь немногого таких участков им удалось найти при обходе всей страны. По возвращении в город паросцы созвали народное собрание и передали управление городом тем [немногим хозяевам], чьи участки были хорошо возделаны. [Сделали же они так] потому, по их словам, что тот, кто заботится о своем участке, будет так же хорошо заботиться и об общем достоянии. Прочим милетянам, которые раньше бунтовали, паросцы приказали подчиняться [назначенным ими] людям.

30. Так-то паросцы примерили милемян. А теперь невзгоды, вновь разразившиеся над Ионией, начались из-за этих двух городов. Произошло же это вот как. Из Наксоса народ изгнал несколько богатых граждан. Изгнанники прибыли в Милем. Правителем же Милема был тогда Аристагор, сына Моллагора, зять и двоюродный брат Гистиея, Лисагорова сына, которого Дарий удерживал у себя в Сусах. Гистией ведь был тираном Милема и, когда эти наксосцы – прежние гостеприимцы [23] Гистиея – прибыли в Милем, как раз находился в Сусах. Они стали просить Аристагора дать им какой-нибудь [отряд] войска, чтобы [с его помощью] вернуться на родину. Аристагор же сообразил, что, возвратив изгнанников, он может стать владыкой острова [24], и сказал им вот что (прикрывая свой замысел дружественными связями их с Гистиеем): “Сам я, конечно, не могу обещать вам выставить столь большое войско, чтобы вернуть вас из изгнания на Наксос против воли господствующей в городе партии. Ведь, как я слышу, у наксосцев есть 8000 гоплитов и много военных кораблей. Впрочем, я хочу сделать все, что возможно, и думаю действовать вот как. Артафрен – мой друг, а Артафрен, как вы знаете, – сын Гистаспа и брат царя Дария. Он повелевает всеми народами и городами на побережье Азии. Под его начальством большое войско и много кораблей. Этот то человек, как я думаю, уж, конечно, сделает все, что мы его

ни попросим". Услышав эти слова, наксосцы поручили Аристагору устроить это дело наилучшим образом. Артафрену они велели обещать подарки, а расходы на содержание войска, по их словам, они возьмут на себя. Они совершенно уверены далее, что появись только [персы] у острова, как наксосцы тотчас же выполнят все их приказания так же, как и прочие островитяне. Тогда ведь ни один из Кикладских островов еще не был под властью Дария.

 31. Итак, Аристагор прибыл в Сарды и рассказал Артафрену об острове Наксосе: "[Остров этот], правда, небольшой, но красивый и плодородный и находится поблизости от Ионии; здесь большие богатства и много рыбы. Поэтому выступи в поход на эту землю и возврати на остров изгнанников. И если ты только это сделаешь, то у меня есть много денег и помимо [сумм], назначенных на содержание войска (ведь эта то обязанность по справедливости должна лежать на нас, предводителях). Затем ты сможешь завоевать царю не только Наксос, но и зависимые от него острова: Парос, Андрос и другие, так называемые Киклады. Отсюда ты легко сможешь напасть на Евбейю – большой богатый остров, не меньшие Кипра – и без труда его завоевать. Сотни кораблей довольно, чтобы захватить все эти острова". Артафрен же отвечал ему так: "Ты пришел в царский дом с добрыми вестями. Все,

что ты советуешь, — хорошо. Только вместо сотни весной у тебя должно быть готово две сотни кораблей. Впрочем, на это следует испросить согласие самого царя”.

 32. Аристагор же, услышав такой ответ, чрезвычайно обрадованный, возвратился в Милет. А Артафрен послал [вестника] в Сусы сообщить царю предложение Аристагора. Дарий дал согласие, и Артафрен снарядил тогда 200 триер и большое войско из персов и союзников. Во главе войска царь поставил Мегабата, перса из рода Ахеменидов, двоюродного брата Артафrena и Дария. С его то дочерью впоследствии обручился Павсаний, сын Клеомброта, лакедемонянин (если только верен слух), так как он [Павсаний] захотел стать владыкой Элады. Итак, назначив Мегабата военачальником, Артафрен послал войско Аристагору.

 33. Мегабат же вместе с Аристагором, ионийским флотом и наксосскими изгнанниками отплыл из Милета, держа курс якобы к Геллеспонту. Дойдя до Хиоса, он бросил якорь у Кавказов, чтобы с северным ветром переправиться оттуда на Наксос. Однако Наксосу не суждено было погибнуть при этом походе, и вот какой случай его спас. Обходя однажды сторожевые посты на кораблях, Мегабат на одном миндийском корабле вовсе не нашел стражи. В яростном гневе он приказал телохранителям схватить капитана этого корабля, но

имени Скилак, связать его и просунуть через бортовой люк [25] таким образом, чтобы голова торчала снаружи, а туловище находилось внутри. Когда Скилак был уже связан, кто-то сообщил Аристагору, что Мегабат, мол, велел связать его гостеприимца из Минда и подвергнуть позорному наказанию. Аристагор явился к Мегабату и стал упрашивать простить Скилака. Но перс оставался неумолим, и тогда Аристагор пошел сам и освободил Скилака. Узнав об этом, Мегабат пришел в негодование и [теперь] обратил свой гнев на Аристагора. А том сказал: "Что тебе до моих дел? Разве Артафрен не послал тебя, чтобы повиноваться мне и плыть, куда я прикажу? Зачем ты суешься и суешься не в свое дело?". Так сказал Аристагор. А Мегабат в бешенстве с наступлением ночи отправил корабль на Наксос сообщить наксосцам все замыслы против них.

 34. Наксосцы вовсе не ожидали, что этот флот нападет на них. Но теперь, получив такое известие, они немедленно перенесли все запасы хлеба с полей в город, заготовили для осады продовольствие и воду и восстановили городские стены. Так они подготовились к предстоящей войне. А когда враги из Хиоса переправились на кораблях к Наксосу, то нашли там все готовым к защите и осаждали город четыре месяца. Израсходовав, наконец, все привезенные с собой деньги (да и самому

Аристагору пришлось также истратить огромные средства, а осада между тем поглощала все больше денег), персы построили наксосским изгнанникам крепость и с большим уроном вернулись в Азию.

 35. Итак, Аристагор не смог выполнить своего обещания Артафрену. К тому же его угнетали еще и расходы на содержание войска, которые нужно было оплачивать; затем его беспокоили тяжелое состояние войска и тревожные опасения, что его ссора с Мегабатом будет стоить ему владычества над Милетом. Все эти опасения внушили Аристагору мысль поднять восстание против персов. А как раз в это время прибыл к Аристагору из Суса вестник от Гистией (на голове у вестника были написаны письмена) с советом отложиться от царя. Ведь Гистией желал склонить Аристагора к восстанию, но не мог найти другого безопасного способа [передать свой совет], так как все дороги [из Суса] охранялись. Тогда Гистией велел обрить голову своему верному слуге, наколол на голове татуировкой знаки, а затем, подождав, пока волосы отрастут, отоспал его в Милет. Гистией дал слуге только одно поручение: прибыв в Милет, просить Аристагора обрить ему волосы и осмотреть голову. Знаки же на голове слуги, как я уже сказал, призывали к восстанию. А Гистией поступил так, потому что вынужденное пребывание в Сусах было для него

великим несчастьем. В случае же восстания он определенно надеялся, что его отпустят к морю. Не решись же Милет на восстание, Гистией не мог бы рассчитывать когда-нибудь опять попасть туда.

 36. Так вот, эти то соображения и заставили Гистиэя послать упомянутого вестника, и именно как раз в то время в силу стечения всех этих обстоятельств Аристагор решился на восстание. Аристагор собрал своих приверженцев на совет, изложил им свой замысел и рассказал о предложении Гистиэя. Все остальные [присутствующие] соглашались с ним и советовали начать восстание. Только один логограф Гекатей был вообще против войны с персидским царем [26]. При этом Гекатей сначала перечислил все подвластные Дарию народности и указал на персидскую военную мощь. Затем, когда ему не удалось убедить совет, он предложил добиться по крайней мере хотя бы господства на море. По его словам, он не видит иной возможности успеха, так как ему прекрасно известна слабость военной силы милетян, как только взять из святилища в Бранхидах сокровища [27] – посвятительные дары лидийского царя Креза. Тогда то, он совершенно уверен, Милет добьется господства на море, и таким образом и сокровища будут в их руках, и враги не смогут их разграбить. Сокровища же эти были весьма велики, как я уже рассказал в первой части моего

труда. Этот совет милемяне также не приняли; тем не менее они решили начать восстание. Один из милемян должен был отплыть в Миунт к флоту, возвратившемуся с Наксоса, и попытаться захватить военачальников на кораблях.

 37. С этим поручением был отправлен Аристагор. Ему удалось хитростью захватить многих из них: между прочим, Олиата, сына Ибаноллия из Милас; Гистиея, сына Тимна из Термер; Коя, сына Эрксандра, которому Дарий пожаловал во владение Митилену; Аристагора, сына Гераклида из Кимы, и многих других. Так-то Аристагор открыто поднял восстание и пустил в ход все средства во вред Дарию. Прежде всего он для вида уничтожил тиранию и установил демократию в Милеме для того, чтобы милемяне добровольно примкнули к восстанию. После этого Аристагор сделал то же самое и в остальной Ионии – одних тиранов он изгнал, а других, которых успел захватить на кораблях после похода против Наксоса, выдал тем городам, чтобы снискать их расположение, откуда тираны были родом.

 38. Лишь только митиленцы захватили Коя, как вывели его за город и побили камнями. Кимейцы же, напротив, отпустили своего тирана. Так же поступило и большинство других городов. Милемянин Аристагор же, устранив тиранов, предоставил каждому городу выбор

[военачальников], а сам затем отплыл на триере послом в Лакедемон. Ведь ему было нужно найти могущественного союзника.

 39. А в Спарте Анаксандрид, сын Леонта, тогда уже более не царствовал. Он скончался, и царем стал сын его Клеомен, который получил престол не по доблести, а в силу происхождения. Супругой Анаксандрида была дочь его брата. Хотя царь любил ее, но детей у них не было. При таких обстоятельствах эфоры призвали Анаксандрида к себе и сказали: “Если ты сам не заботишься о своем потомстве, то мы не допустим, чтобы угас род Еврисфена. Так как твоя супруга не рожает, то отпусти ее и возьми себе другую. Если ты это сделаешь, то спартанцы будут тебе за это признательны”.

Анаксандрид же ответил, что не сделает ни того, ни другого: не подобает им советовать и уговаривать его отвергнуть неповинную супругу и ввести в дом другую. Он не намерен подчиняться им.

 40. После этого эфоры и геронты держали совет и затем предложили Анаксандриду вот что: “Мы понимаем твою привязанность к теперешней супруге. А ты сделай в угоду нам по крайней мере вот что (иначе спартанцам придется принять против тебя другие меры). Мы не требуем, чтобы ты отпустил твою теперешнюю супругу. Ты можешь, как и прежде, любить ее и оставить

все супружеские права, но должен взять вторую жену, которая родит тебе детей". Анаксандрид на такое предложение согласился. После этого у него были две жены, и он вел два хозяйства, совершенно вразрез со спартанскими обычаями.

41. Спустя немного времени вторая жена родила царю этого вом Клеомена и подарила наследника престола спартанцам. Но случилось так, что и первая жена, ранее бывшая бездетной, как раз теперь забеременела (так удивительно совпали эти события). Когда же [выяснилось, что она] действительно ожидает ребенка, то родственники второй жены, узнав об этом, подняли шум и с негодованием стали говорить, что она просто хвастается и хочет подбросить [чужого] ребенка. Когда же настало время ей родить, эфоры уселись около роженицы, так как не доверяли ей, и стали наблюдать. А она родила Дориэя, а вскоре затем зачала Леонида и сразу же после него – Клеомброта. Некоторые передают даже, что Клеомброт и Леонид были близнецами. Напротив, родительница Клеомена, вторая жена царя, дочь Принетада, Демарменова сына, больше уже не рожала.

42. Клеомен же, по рассказам, был несколько слабоумен, со склонностью к помешательству. Дорией, напротив, всегда первенствовал среди сверстников и прекрасно понимал, что по доблести престол должен

принадлежать ему. Таков был его образ мыслей. Поэтому после кончины Анаксандрида, когда лакедемоняне по закону как старшего возвели на престол Клеомена, Дорией разгневался и не захотел признать царем Клеомена. Он попросил спартанцев себе людей в спутники и выселился на чужбину, даже не вопросив дельфийского оракула, в какой земле ему следует поселиться, и не выполнив никаких обычаев, установленных в таких случаях. В гневе он отплыл в Ливию, а путь ему указывали жители Феры. Прибыв в Ливию, Дорией основал поселение в прекрасной местности на реке Кинипе [28]. Отсюда, однако, спустя два года его изгнали маки, ливийцы и карфагеняне, и ему пришлось возвращаться в Пелопоннес.

 43. Здесь же ему некто Антихар из Элеона посоветовал, согласно изречениям оракула Лайю, основать поселение в земле Геракла в Сикелии [29]. Антихар сказал Дориою, что вся Эрикинская область принадлежит Гераклидам, потому что сам Геракл владел ею. А Дорией, услышав это, отправился в Дельфы вопросить оракул: получит ли он землю, в которой хочет поселиться. Пифия же отвечала ему, что получит. Тогда Дорией взял с собой тех же самых поселенцев, с которыми он плавал в Ливию, и отплыл вдоль берегов Италии [в Сикелию].

 44. В то время (по рассказам сибаритов) город Сибарис и царь Телис собирались идти войной на Кротон.

Кромонцы в страхе обратились к Дориою за помощью и получили ее. Дорией принял участие в походе на Сибарис и помог завоевать город. Это, как передают сибариты, совершил Дорией и его спутники. Напротив, кромонцы утверждают, что ни один чужеземец, не принимал участия в войне с сибаритами, кроме элейца Каллия из рода Иамидов; а этот последний участвовал вот как. Каллий бежал от Телиса, тирана сибаритов, и прибыл к ним, потому что, гадая по жертвам о войне с Кромоном, он получил неблагоприятные предзнаменования. Это говорят кромонцы.

 45. В доказательство же и те, и другие приводят вот что. Сибариты – священный участок и храм у сухого русла реки Крафий. Этот то храм, по их словам, воздвиг Дорией Афине под названием Крафийской после взятия города. Далее, как думают сибариты, смерть самого Дориоя – самое важное доказательство того, что он поступал противно велениям оракула. Если бы Дорией не уклонился от основной цели своего похода, а выполнил бы повеление оракула (ради чего и был послан), то завоевал бы и удержал Эрикинскую землю и не погиб бы со своим войском. Напротив, кромонцы ссылаются на обширные и прекрасные поместья, пожалованные элейцу Каллию в Кромонской области, которыми еще и в мое время владели его потомки. Дориою же и его потомкам

кротонцы не пожаловали ничего. И если бы Дорией действительно участвовал в войне с сибаритами, то, конечно, они пожаловали бы ему земли, еще гораздо более обширные, чем Каллию. Вот доказательства, которые оба города приводят в пользу своих утверждений. Каждый может принять то из них, чему он [больше] склонен верить.

46. А вместе с Дориеем плыли еще другие спартанские поселенцы – Фессал, Паребат, Келей и Еврилеонт. После прибытия в Сикелию со всем флотом они были, однако, побеждены в битве с финикиянами и эгестейцами и погибли. Только один из вождей переселенцев, Еврилеонт, остался в живых. Он собрал остатки войска и захватил Миную, поселение селинунтиев и помог селинунтиям освободиться от их тирана Пифагора. После низвержения тирана Еврилеонт сам захотел стать тираном Селинунта и на короткое время захватил власть в городе. Однако селинунтицы подняли восстание и убили его у алтаря Зевса Агорея, где он нашел убежище.

47. Среди спутников Дориея, павших вместе с ним, был некто Филипп, сын Бутакида, кротонец, обрученный с дочерью Телиса, царя сибаритов (он поэтому был изгнан из Кротона). Потеряв надежду на этот брак, он отплыл в Кирену. Отсюда на собственной триере и с людьми, нанятыми на свои средства, он присоединился к

переселенцам. Он был олимпийским победителем и самым красивым из эллинов своего времени. За его красоту эгестейцы воздали ему исключительные почести, как никому другому. На его могиле воздвигли храм и приносят ему жертвы [как герою].

 48. Так-то нашел свой конец Дорией. Примирись он с царем Клеоменом и останься в Спарте, он мог бы сам стать царем Лакедемона. Ведь Клеомен царствовал очень недолго и умер, не оставив сына, а только одну дочь, по имени Горго.

 49. Итак, Аристагор, тиран Милета, прибыл в Спарту, когда царем там был еще Клеомен. Вступив с царем в переговоры, Аристагор, по словам лакедемонян, принес с собой медную доску, где была вырезана карта всей земли, а также "всякое море и реки" [30]. И вот, явившись к царю, Аристагор сказал ему вот что: "Клеомен! Не удивляйся, что я столь поспешно прибыл сюда. Наше положение ужасно. То, что мы, дети ионян, стали из свободных людей теперь рабами – величайший позор и скорбь не только нам самим, но и для всех остальных эллинов, и особенно для вас, потому что вы стоите во главе Эллады. Поэтому заклинаю вас эллинскими богами: спасите единокровных ионян от рабства! Этого вы легко можете добиться. Ведь варвары вовсе не отличаются мужеством, вы же достигли высшей военной доблести. А

сражаются варвары вот как: у них есть луки и короткие копья, в бой идут в штанах, с островерхими шапками на голове. Поэтому вы легко можете одолеть их. К тому же народы, обитающие на этом материке, гораздо богаче всех остальных: прежде всего – золотом, потом – серебром, медью, пестрыми одеждами, выночными животными и рабами. Стоит вам лишь пожелать, и все это будет ваше. Живут же эти народы рядом друг с другом, вот как я тебе покажу. Вот здесь соседи ионян – лидийцы; их земля плодородная и богата серебром". Говоря это, Аристагор показывал земли на карте, вырезанной на меди, которую он принес с собой. "А вот здесь, – продолжал Аристагор, – на востоке с лидийцами граничат фригийцы; их страна весьма богата скотом и самая плодородная из всех, что я знаю. Далее, после фригийцев идут каппадокийцы, которых мы зовем сирийцами. Их соседи – киликийцы, земля которых вот здесь доходит до [Средиземного] моря, где лежит, как ты видишь, остров Кипр. Они платят царю ежегодно дань в 500 талантов. С киликийцами вот здесь граничат армении (они также богаты скотом), а с армениями – матиены, которые живут вот в этой стране. Затем следует вот эта земля киссиев, а в ней на этой вот реке Хасне лежит город Сусы, где предывает великий царь и находится его сокровища. Если вы завоюете этот город, то смело можете спорить в богатстве с самим Зевсом. К чему вам воевать за незначительные и

даже скучные земли с равными вам по силам врагами, как мессенцы? Или с аркадцами и аргосцами, у которых нет ни золота, ни серебра, из-за чего вы готовы биться не на жизнь, а на смерть? Если есть возможность легко овладеть всей Азией, то к чему вам завоевывать другие земли?". Так говорил Аристагор, а Клеомен отвечал: "Друг из Милета! Подожди три дня, и я дам тебе ответ!".

 50. На этом тогда дело и кончилось. Когда же наступил назначенный день для ответа и они встретились в условленном месте, Клеомен спросил Аристагора: "Сколько дней пути от берегов Ионийского моря до [столицы] персидского царя?". Тут Аристагор, человек, впрочем, хитрый, который сумел бы ловко обмануть царя, совершил ошибку. Ведь если он хотел завлечь спартанцев в Азию, то ему следовало бы скрыть истину, а он все-таки решил сказать правду, именно, что идти до царской столицы надо три месяца [31]. Тогда Клеомен, не дав Аристагору закончить дальнейшую речь об этом пути, сказал: "Друг из Милета! Покинь Спарту до захода солнца! Ты хочешь завести лакедемонян в землю на расстоянии трехмесячного пути от моря: это совершенно неприемлемое условие для них!".

 51. Так сказал Клеомен и отправился домой. Аристагор же взял оливковую ветвь и пошел вслед за царем. Войдя затем в дом Клеомена, он попросил

выслушать его как просителя, молящего о защите, но предварительно отослать ребенка (рядом с Клеоменом стояла его единственная дочь, по имени Горго, восьми или девяти лет). Клеомен велел Аристагору высказать свои пожелания и смело говорить при девочке. Тогда Аристагор сначала предложил царю 10 талантов за исполнение своей просьбы. Когда Клеомен отказался, Аристагор стал предлагать царю все больше и больше денег, пока не пообещал 50 талантов. Тогда девочка воскликнула: "Отец! Чужеземец, подкупит тебя, если ты не уйдешь!". Клеомен обрадовался совету дочери и ушел в другой покой, а Аристагору, ничего не добившись, пришлось покинуть Спарту. Ему не удалось даже обстоятельнее рассказать об этом пути к царской столице.

 52. С этим путем в Сусы дело обстоит ведь так. На всем его протяжении есть царские стоянки и отличные постоянные дворы, и весь путь проходит по населенной и безопасной стране. Двадцать таких стоянок расположено на пути через Лидию и Фригию на расстоянии 941/2 парасангов. Из Фригии путь ведет непосредственно к реке Галису, где есть [горный] проход, через [ворота] которого необходимо пройти для переправы через реку. У [ворот] прохода находится сторожевое укрепление с сильной охраной[32]. За рекой следует Каппадокия, и по ней на расстоянии 104 парасангов до границы Киликии

расположено 28 стоянок. На этой границе надо пройти через два прохода и миновать два сторожевых укрепления [33]; на пути через Киликию – три стоянки на расстоянии 151/2 парасангов. Границу Килиции и Армении образует судоходная река по имени Евфрат [34]. В Армении находится 15 стоянок с заездами домами и сторожевым укреплением на протяжении 561/2 парасангов. Из этой [Армении] путь ведет в Матиену; [здесь] 34 стоянки на расстоянии 136 парасангов. По этой стране протекают четыре судоходных реки[35]. Через все эти реки надо переправляться на судах. Первая река – Тигр, затем вторая и третья под [одним] названием Забат. Но это – разные реки, и начинаются они не в одной местности. Первая из упомянутых рек течет из Армении, а вторая – из Матиены. Четвертая же река называется Гинд. Ее Кир в свое время разделил на 360 каналов. Затем путь идет [через эти проходы] в страну Киссию, где на расстоянии 421/2 парасангов находится 11 стоянок до реки Хоасна, которая также судоходна. На ней лежит город Сусы. Всех этих стоянок от Сард до Сус 111 и столько же постоянных дворов.

 53. Если этот царский путь правильно измерен парасангами и если 1 парасанг равен 30 стадиям (что так и есть на самом деле), то из Сард до царского дворца в Сусах (по имени Мемнония) 13 500 стадий, так как

путь составляет 450 парасангов. Если считать на каждый день по 150 стадий, то на весь путь придется как раз 90 дней.

54. Таким образом, Аристагор из Милета совершенно правильно указал лакедемонянину Клеомену, что до царской столицы надо идти три месяца. Если же кто пожелает точнее узнать продолжительность пути, то я могу и это сообщить: следует добавить к этому еще путь от Эфеса до Сард. И действительно, все расстояние от берегов Эллинского моря до Сус, которые называются также Мемноновым градом, – 14 040 стадий. Ведь от Эфеса до Сард 540 стадий, и поэтому трехмесячный путь удлиняется на три дня [36].

55. Между тем, покинув Спарту, Аристагор прибыл в Афины, которые тогда только что освободились от тиранов, именно вот таким образом. Гиппарха, сына Писистрата и брата тирана Гиппия, убили Аристогитон и Гармодий по происхождению Гефиреи (Гиппарху ясно предвозвестило его часть снovidение). После его смерти тирания в Афинах продолжала существовать еще четыре года и была не менее, а скорее даже более жестокой, чем прежде.

56. А снovidение Гиппарха было вот какое. В ночь перед Панафинейским праздником предстал Гиппарху во

сне статный и красивый человек и обратился к нему с такими загадочными словами:

Сердцем, о лев, терпеливым терпи нестерпимую муку.

Рок справедливою карою всех нечестивцев карает.

На следующее утро Гиппарх сообщил (как доподлинно известно) об этом сне снотолкователям. А затем, не обратив большие внимания на сновидение, устроил торжественное шествие [37], где и нашел себе смерть.

 57. Гефиреи же, к которым принадлежали убийцы Гиппарха, по их собственным словам, пришли первоначально из Эретрии. А, как я узнал из расспросов, они были [по происхождению] финикиянами, прибывшими вместе с Кадмом в землю, теперь называемую Беотией. Здесь они поселились, получив по жребию Танагрскую область. Отсюда кадмейцев сначала изгнали аргосцы, а этих Гефиреев затем изгнали беотийцы, и они пришли в Афины. Афиняне же приняли их в число граждан на известных условиях, наложив на них много ограничений, не стоящих упоминания [38].

 58. А финикияне эти, прибывшие в Элладу с Кадмом (среди них были и упомянутые Гефиреи), поселились в этой земле и принесли эллинам много наук и искусств и, между прочим, письменность, ранее, как я думаю, неизвестную эллинам [39]. Первоначально у кадмейцев письмена были те

же, что и у остальных финикиян. Впоследствии же вместе с изменением языка постепенно изменилась и форма букв. В то время из греческих племен соседями их были в большинстве областей ионяне. Они переняли от финикиян письменность, изменили также по своему немного форму букв и назвали письмена финикийскими (что было совершенно справедливо, так как финикияне принесли их в Элладу) [40]. Ионяне также издревле называют книги кожами, потому что при отсутствии папируса они писали на козьих и овечьих шкурах [41]. Еще и поныне многие варварские народности пишут на таких шкурах [42].

 59. И мне самому пришлось видеть в святилище Аполлона Исмения в беотийских Фивах кадмейские письмена [43], вырезанные на нескольких треножниках и большей частью сходные с ионийскими. Надпись на одном треножнике гласит:

Амфитрион меня посвятил, одолев телебоев.
Эта надпись, быть может, относится ко временам Лая,
сына Лабдака, внука Полидора, правнука Кадма.

 60. На другом треножнике начертана шестистопным размером вот такая надпись:

Скей, кулачный боец, тебе Аполлон дальновержец,
Верх одержав, посвятил меня, жертвенный дар
несравненный.

Этот Скей, быть может, был сыном Гиппокоонта. Если только это – он, а не тезка посвятившего сына Гиппокоонта, то треножник относится ко времени Эдипа, сына Лая.

 61. На третьем треножнике также надпись в шестистопном размере, гласящая:

Лаодамант сей треножник тебе, Аполлон остроокий,
Царь иждивеньем своим посвятил как дар несравненный.

При этом то царе Лаодаманте, сыне Этеокла, изгнанные аргосцами кадмейцы направились в землю энхелеев.

Гефиреи же остались в стране, но впоследствии, теснимые беотийцами, ушли в Афины. В Афинах они воздвигли святилища, к которым остальные афиняне, однако, не имеют никакого отношения. Эти святилища сильно отличаются от других святилищ, особенно же – святилище и тайные обряды Деметры Ахейской.

 62. Так вот, я рассказал о сновидении Гиппарха и о происхождении Гефиреев, к роду которых принадлежали его убийцы. Теперь я должен снова возвратиться к повествованию о том, как афиняне освободились от тиранов. Итак, Гиппий правил как тиран и был сильно ожесточен против афинян из-за убийства Гиппарха. В это время Алкмеониды, афинский род, изгнанный Писистратидами после попытки вместе с другими изгнанниками возвратиться с помощью военной силы (при

этой попытке освободить Афины они потерпели даже жестокое поражение), укрепили местечко Лепсидрий к северу от [дема] Пеонии. Отсюда Алкмеониды строили всяческие козни Писистратидам. Так, они получили от амфиктионов подряд на сооружение теперешнего дельфийского храма, которого тогда еще не существовало. Так как они были богатым и уже издревле уважаемым родом, то и воздвигли храм, еще более великолепный, чем предполагалось по замыслу. Хотя по договору они должны были строить храм из известкового туфа, но соорудили фасад его из паросского мрамора.

 63. Итак, по рассказам афинян, Алкмеониды во время пребывания в Дельфах подкупили Пифию деньгами, чтобы она всякий раз, как спартанцы вопрошали оракул, по частному ли делу или от имени государства, возвещала им [волю божества] освободить Афины. Получая постоянно одно и то же изречение, лакедемоняне наконец отправили войско во главе с Анхимолием, сыном Астера, человеком, весьма влиятельным в городе, изгнать Писистратидов из Афин (хотя спартанцы находились с Писистратидами в самой тесной дружбе). Ведь они считали веление божества важнее долга к смертным. А отправили войско спартанцы морем на кораблях. Пристав к берегу в Фалере, Анхимолий высадил свое войско. Писистратиды же проводили заранее о походе и вызвали помочь из Фессалии, так как у них уже

прежде был заключен союз с фессалийцами. По просьбе Писистратидов фессалийцы единодушно решили послать тысячу всадников с царем Кинеем из Кония во главе. С такими союзниками Писистратиды придумали вот какой способ войны. Они велели вырубить деревья на Фалернской равнине, так что эта местность стала доступной для действий [фессалийской] конницы. Затем они двинули эту конницу против спартанского войска. При стремительной атаке [фессалийцев] погибло много спартанцев и среди них сам Анхимолий. Уцелевшие воины были оттеснены к кораблям. Так закончился первый поход из Лакедемона, и в Алонеках в Амтике (близ храма Геракла, что в Киносарге) есть могила Анхимолия.

 64. После этого лакедемоняне снарядили в поход на Афины более многочисленное войско во главе с царем Клеоменом, сыном Анаксандрида, но отправились на этот раз не морским путем, а по сухе. Когда спартанцы проникли в Амтику, то их прежде всего встретила [фессалийская] конница, но после схватки быстро обратилась в бегство, оставив на месте более 40 убитых. Уцелевшие же тотчас прямым путем возвратились в Фессалию. А Клеомен вместе с афинянами, желавшими свободы, занял нижний город и стал осаждать тиранов, которые заперлись в Пеларгической крепости.

65. Однако лакедемоняне, конечно, никогда бы не захватили [крепости и] Писистратидов (они ведь не намеревались вести осады, а Писистратиды сумели хорошо обеспечить себя продовольствием и питьевой водой). После немногих дней безуспешной осады спартанцы возвратились бы в Спарту, если бы тут не произошло события, рокового для осажденных и счастливого для осаждающих: сыновья Писистратидов попались в плен при попытке тайно увезти их из Аммики в безопасное место. Это обстоятельство смешало все расчеты Писистратидов, и им пришлось взамен выдачи детей сдаться на поставленных афинянами условиях: покинуть Аммику в течение пяти дней. Писистратиды удалились в Сигей на Скамандре после 36 летнего владычества над афинянами. Писистратиды, так же, как и прежние афинские цари из рода Кодра и Меланфа, первоначально были пришельцами из Пилоса и потомками Нелея [44]. Поэтому то Гиппократ в память Несторова сына Писистрата дал своему сыну то же имя Писистрат. Так-то афиняне освободились от тиранов. А что “совершили они достойного упоминания и какие беды претерпели” [45] после освобождения [от тиранов] и до восстания Ионии против Дария, именно до прибытия в Афины милемянина Аристагора с просьбой о помощи, – об этом то я прежде всего и хочу рассказать.

66. Афины, правда, уже и прежде были великим городом, а теперь после освобождения от тиранов стали еще более могущественными. Двое людей стояли тогда во главе города: Алкмеонид Клисфен, который, как говорят, подкупил Пифию, и Исагор, сын Тисандра (предков его я, однако, не могу назвать). Его родичи, впрочем, приносят жертвы Зевсу Карийскому. Эти то люди боролись за власть в городе. Клисфен потерпел поражение и стал заискивать перед простым народом. После этого он заменил четыре филы, на которые прежде делились афинские граждане, десятью новыми. Прежние названия фил, которые назывались по именам четырех сыновей Иона – Гелеонта, Эгикора, Аргада и Гоплема [46], он отменил и взял названия по именам других племенных героев и, кроме того, чужого – Эанта. А это имя он взял (хотя Эант и не был афинянин), потому что тот был соседом и союзником города.

67. Это преобразование Клисфен, мне думается, произвел, подражая своему деду с материнской стороны, тирану Сикиона. Этот то старший Клисфен во время войны с Аргосом запретил рапсодам устраивать состязания в Сикионе потому именно, что в эпических песнях Гомера почти всюду воспеваются аргосцы и Аргос. Затем тиран хотел изгнать из страны [героя] Адраста, сына Талая, храм которого стоял и поныне стоит на

самой рыночной площади в Сикионе, за то, что том был аргосцем. Клисфен прибыл в Дельфы вопросить оракул, изгнать ли ему Адраста. Пифия же изрекла ему в ответ: Адраст – царь Сикиона, а он [Клисфен] – только жестокий тиран. По возвращении домой, так как бог не позволил тирану уничтожить почитание Адраста, Клисфен стал придумывать средства, как бы заставить Адраста добровольно уйти из Сикиона. Когда он решил, что средство найдено, то послал в беотийские Фивы и велел сказать, что желает призвать в Сикион героя Меланиппа, сына Астака. Фиванцы согласились, а Клисфен призвал Меланиппа в Сикион, посвятил ему священный участок у самого пританея и воздвиг храм в самом неприступном месте города. Призвал же Клисфен Меланиппа (это тоже нужно добавить) потому, что том был заклятым врагом Адраста из-за убийства Адрастом его брата Мекистея и тесня Тидея. После посвящения храма Клисфен отнял у Адраста жертвоприношения и празднества и отдал их Меланиппу. Сикионцы же всегда воздавали Адрасту великие почести. Ведь он был сыном дочери Полиба и получил [царскую] власть в Сикионе после кончины не имевшего сыновей царя Полиба. Среди других почестей, которые сикионцы оказывали Адрасту, они прославляли еще и его “страсти”[47] [представлениями] трагических хоров. Вместо Диониса они таким образом почитали Адраста. Клисфен же передал теперь

[трагические] представления Дионису, а остальной культ – Меланиппу.

68. Так Клисфен поступил с Адрастом. А названия дорийских фил он заменил другими, чтобы они не были одинаковыми с аргосскими. При этом он позволил себе издевательства над сикионцами. Так, он выбрал новые имена [фил] от свиньи и осла и прибавил к ним только окончания. Только своей собственной филе он дал имя от слова “власти” [‘αρχή], именно архелаи, других же назвал гиаты, онеаты и хереаты. Такие названия носили там филы не только при Клисфене, но и еще 60 лет после его кончины. Затем [сикионцы] пришли к взаимному соглашению и восстановили прежние названия фил: гиллеи, памфилы и диманты. К ним они добавили еще четвертую филу и назвали ее членов эгиалеями по имени сына Адраста Эгиала.

69. Это сделал Клисфен Сикионский. Клисфен же Афинский, сын дочери Клисфена Сикионского (названный по имени деда), в подражание своему тезке Клисфену так же, думается, презирал ионян, как и том дорийцев, и равным образом не желал, чтобы имена фил у афинян были одинаковыми с ионянами. Ведь, как только Клисфен привлек на свою сторону ранее бесправный народ афинский, он изменил названия фил и увеличил их число. Именно он поставил вместо четырех старост фил десять и

распределил также демы по десяти на каждую филу.

Теперь, когда народ был на стороне Клисфена, он был гораздо сильнее своих противников.

70. Исагор же на этом раз был побежден и со своей стороны придумал вот что. Он призвал на помощь лакедемонянина Клеомена, который был его гостеприимцем со времени осады Писистратидов.

Впрочем, ходили слухи о связи Клеомена с женой Исагора.

И вот Клеомен сначала отправил в Афины глашатая с требованием изгнать Клисфена и вместе с ним много других афинян, над которыми, как он считал, "мяготела скверна". Это все он сделал по наущению Исагора.

Действительно, Алкмеониды и их приверженцы были повинны в кровопролитии, но ни сам он[48], ни его друзья не были причастны [к нему].

71. "Запятнанными же скверной" афиняне назывались вот почему. Был в Афинах некто Килон, победитель в Олимпии. Он до того возгордился, что стал добиваться тирании. С кучкой своих сверстников он пытался захватить акрополь. Когда это ему не удалось, Килон сел как "умоляющий о защите" у кумира богини. Старосты навкрай[49], которые тогда правили Афинами, склонили Килона с товарищами уйти оттуда, обещав сохранить им жизнь. Вина же за убийство Килона и его приверженцев

лежит на Алкмеонидах. Это событие произошло еще до времени Писистрата.

72. Когда Клеомен через глашатая потребовал изгнать Клисфена и занятых скверной, сам Клисфен тайно бежал из города. Тем не менее Клеомен явился в Афины с небольшим отрядом и по прибытии изгнал 700 семейств, занятых скверной, по указанию Исацора. Затем царь вновь сделал попытку распустить совет[50] и отдать всю власть в руки 300 приверженцев Исацора. Когда совет воспротивился и не пожелал подчиниться, Клеомен, Исацор и их приверженцы захватили акрополь. Остальные же афиняне объединились и осаждали [акрополь] два дня. А на третий день они заключили [с осажденными] соглашение, по которому все лакедемоняне покинули страну. Тогда исполнилось пророчество, данное Клеомену. Ведь, когда Клеомен поднялся на акрополь, чтобы занять его, он вошел также в священный покой богини[51] якобы с целью помолиться ей. Не успел царь переступить порог, как жрица поднялась с седалища и сказала: "Назад, чужеземец из Лакедемона! Не вошли в святилище! Ведь сюда не дозволено входить дорийцам!". А том возразил: "Женина! Я – не дориец, а ахеец". Так, вот, Клеомен пренебрег пророчеством [жрицы] и все-таки силой проник [в святилище] и поэтому должен был снова покинуть страну со своими лакедемонянами. Остальных же [приверженцев]

Исагора афиняне заключили в оковы и казнили. В числе казненных был и дельфиец Тимесифей, о силе и доблестных деяниях которого я мог бы рассказать очень многое.

73. Так-то сторонники Исагора были заключены в оковы и казнены. Афиняне же после этого возвратили Клисфена и 700 семейств, изгнанных Клеоменом, и отправили посольство в Сарды заключить союз с персами [52]: они были убеждены ведь, что предстоит война с Клеоменом и лакедемонянами. Когда посольство прибыло в Сарды и изложило свое поручение, то Артафрен, сын Гистаспа, самран Сард, спросил: "Что это за народ, где обитает и почему ищет союза с персами". Получив разъяснение послов, самран дал им такой краткий ответ: "Если афиняне дадут царю землю и воду, то он заключит союз, если же нет, то пусть уходят". Послы же, желая заключить союз, согласились, приняв это на свою ответственность. Впрочем, по возвращении на родину они подверглись суровому осуждению за эти самостоятельные действия.

74. Между тем Клеомен считал себя крайне оскорбленным афинянами на словах и на деле и начал собирать войско со всего Пелопоннеса. О цели похода царь, правда, умалчивал, хотя желал отомстить афинскому народу и поставить тираном Исагора (Исагор ведь вместе с ним покинул акрополь). Так вот, Клеомен с

большим войском вступил в Элевсин, а беотийцы по договору заняли Эною и Гисии, пограничные селения в Аттике. А с другой стороны напали халкидяне и стали опустошать аттические поля. Афиняне же хоть и оказались между двух огней, но решили потом припомнить это беотийцам и халкидянам и выступили против пелопоннесцев в Элевсине.

 75. Когда оба войска должны были уже сойтись для битвы, сначала коринфяне сообразили, что поступают несправедливо, одумались и возвратились домой. За ними последовал Демарат, сын Аристона, второй спартанский царь, стоявший во главе лакедемонского войска вместе с Клеоменом. До этого времени он был в согласии с Клеоменом. Из-за этой же распри в Спарте был издан закон, запрещающий обоим царям вместе идти в поход (прежде ведь отправлялись в поход оба царя). А когда теперь один из царей был отстранен от начальства над войском, то и один из Тиндаридов должен был оставаться дома: ведь до этого оба Тиндарида как помощники и защитники выступали в поход [со спартанским войском] [53].

 76. И вот когда остальные союзники в Элевсине увидели, что лакедемонские цари в распре, а коринфяне покинули боевые ряды, то и сами также возвратились домой. Так-то дорийцы в четвертый раз вторглись в

Аттику. Дважды приходили они врагами и дважды – на защиту афинской демократии. Первый раз – в то время, когда основали Мегары (этот поход будет, пожалуй, правильно отнести ко временам афинского царя Кодра). Второй же и третий раз спартанское войско вышло из Спарты, чтобы изгнать Писистратидов. А четвертое вторжение – теперьшнее, когда Клеомен во главе пелопоннесцев вступил в Элевсин. Так-то теперь в четвертый раз дорийцы проникли в Аттическую землю.

77. Итак, это вражеское войско бесславно распалось. Тогда афиняне, решив отомстить, сначала пошли войной на Халкиду. Беотийцы же выступили на помощь халкидянам к Еврипу. Заметив идущих на помощь беотийцев, афиняне решили прежде напасть на них, чем на халкидян. Афиняне вступили в сражение с беотийцами и одержали полную победу: множество врагов они перебили и 700 человек взяли в плен. Еще в том же самый день афиняне переправились на Евбейю, напали на халкидян и также одолели их. После победы они оставили 4000 клерухов поселенцев на земле гипподотов (гипподотами назывались халкидские богачи) [54]. Пленных халкидян вместе с беотийскими пленниками афиняне также бросили в оковах в темницу. Через некоторое время пленники, правда, были отпущены за выкуп в 2 мины. Оковы же, которыми они были связаны, афиняне повесили на акрополе.

Оковы эти находились там еще и до моего времени и висели на стене, опаленной пожаром [в войне] с мидянами, против святилища на западной стороне. На десятую часть выкупа [за иленников] афиняне посвятили богине медную четверку коней. Она стоит сразу налево при входе в пропилеи на акрополе. Надпись на ней гласит:

Рать беотян и халкидян совместную мы укротили,
Гордых афинян сыны, подвигом бранным своим.
Мрачной темницей и цепью железной их буйство смирили
И десятину Палладе сих посвятили коней.

78. Итак, могущество Афин возрасстало. Ясно, что равноправие для народа не только в одном отношении, но и вообще – драгоценное достояние. Ведь, пока афиняне были под властью тиранов, они не могли одолеть на войне ни одного из своих соседей. А теперь, освободившись от тирании, они заняли безусловно первенствующее положение. Поэтому, очевидно, под гнетом тиранов афиняне не желали сражаться как рабы, работающие на своего господина; теперь же после освобождения каждый стал стремиться к собственному благополучию.

79. Так обстояли дела у афинян. Фиванцы же после этого отправили послов в Дельфы вопросить оракул об отмщении афинянам. А Пифия ответила: одним им не удастся отомстить афинянам, и приказала фиванцам созвать “собрание, полное шума”[55], и просить о помощи

ближайших соседей. По возвращении послы созвали народное собрание и сообщили изречение оракула. Узнав от послов, что им следует обратиться за помощью к ближайшим соседям, фиванцы сказали: “Разве не ближайшие наши соседи танагрийцы, коронейцы и феспийцы? Они всегда ведь охотно сражаются на нашей стороне и помогают нам. Почему же нам нужно еще просить их об этом? Нет, нужно думать, что смысл изречения оракула иной!”[56].

 80. Во время обсуждения [в собрании] один из слушателей сказал: “Мне думается, я понимаю, что имеет в виду наше изречение оракула. Как гласит сказание, у Асона [57] было две дочери – Фива и Эгина. Они были сестрами, и поэтому, я полагаю, бог советует нам просить помощи у эгинцев”. Так как никто, по-видимому, не мог дать лучшего совета, то фиванцы тотчас же отправили на Эгину послов, согласно изречению оракула, просить о помощи эгинцев как своих ближайших [родственников]. На просьбу фиванцев эгинцы обещали прислать им помощниками Эакидов [58].

 81. Когда же фиванцы в союзе с Эакидами пытались напасть на афинян и потерпели тяжкое поражение, то снова отправили послов на Эгину: они отказываются от помощи Эакидов и просят о помощи людьми. Тогда эгинцы, кичясь своим великим богатством, вспомнили о стародавней своей вражде к Афинам и по просьбе фиванцев

начали теперь без объявления войну с афинянами. Ведь в то время как афиняне теснили беотийцев, эгинцы переправились на военных кораблях в Аттику и опустошили Фалер и много других мест на побережье. Этим они и нанесли великий урон афинянам.

 82. Стародавняя же вражда эгинцев к афинянам началась вот отчего. В Эпидавра земля не давала плодов. Об этой беде эпидаврийцы спросили оракул в Дельфах. Пифия же повелела им воздвигнуть кумиры Дамии и Авксесии, и тогда их несчастья кончатся. Затем эпидаврийцы спросили бога: сделать ли им кумиры из меди или из мрамора. Пифия же не позволила им ни того, ни другого, но только из ствола взращенной человеком маслины. Тогда эпидаврийцы попросили афинян разрешения вырубить маслину [59], так как они считали афинские маслины самыми священными. Впрочем, говорят, что в то время нигде не было маслин, кроме как в Афинах. Афиняне согласились при условии, если эпидаврийцы будут ежегодно приносить жертвенные дары Афине Палладе и Эрехфетю. Эпидаврийцы приняли эти условия и, получив просимое, воздвигли кумиры, вырезанные из этих маслин. Тогда их земля стала вновь приносить плоды, и эпидаврийцы выполнили свое обещание.

 83. В это время и еще ранее эгинцы находились в зависимости от Эпидавра. Между прочим, для ведения

судебных дел и улаживания споров между гражданами эгинцам тогда приходилось ездить в Эпидавр. С этого времени, однако, эгинцы начали строить военные корабли и необдуманно отложились от Эпидавра. При враждебных столкновениях эгинцы наносили [большой] урон эпидаврийцам, так как они господствовали на море, и даже похитили у них упомянутые кумиры Дамии и Авксесии. Кумиры эти эгинцы взяли с собой и воздвигли их в глубине страны в месте под названием Эя (приблизительно в 20 стадиях от города). Поставив там эти кумиры, эгинцы приносили богиням жертвы и умилостивляли их [плясками] и насмешливыми песнями женских хоров. Каждой богине они назначали по 10 хорегов. В песнях этих хоров, впрочем, никогда не высмеивались мужчины, а всегда только местные женщины. Существуют, впрочем, такие же священные обряды и у эпидаврийцев, а кроме того, еще и тайный культ [60].

 84. Между тем после похищения этих кумиров эпидаврийцы перестали выполнять свои обязательства афинянам. Тогда афиняне через послов выразили эпидаврийцам свое негодование. Эпидаврийцы же, приведя доводы, объявили, что вовсе ни в чем не виноваты. Пока эти кумиры, говорили они, были в их стране, они выполняли свои обязательства. Афиняне же должны требовать жертвенных даров от згинцев, потому что

кумиры ведь теперь у них. Тогда афиняне отправили послов на Эгину с требованием возвратить кумиры. Эгинцы же отвечали, что у них нет никаких дел с афинянами.

85. Так вот, после отказа эгинцев, по афинскому преданию, на Эгину была послана от имени всей общины одна триера с афинскими гражданами. Прибыв на Эгину, они пытались стащить эти кумиры с подножий, так как они ведь были изготовлены из афинского дерева, и увезти их. Так как статуи нельзя было таким способом сдвинуть с места, то афиняне накинули на них канаты и потащили. В то время, когда они тянули канаты, внезапно загремел гром и одновременно началось землетрясение. Люди же с триеры, тянувшие канат, от этого потеряли разум и в безумии стали убивать друг друга, как враги, пока из всех их не остался в живых только один, который и возвратился в Фалер.

86. Так было дело, по рассказам афинян. Эгинцы же утверждают, что афиняне прибыли не на одном корабле; ведь один корабль и даже несколько большее число кораблей эгинцы легко бы отразили, даже если у них самих вовсе не было бы кораблей. Нет, афиняне напали на их землю со множеством кораблей, и они, эгинцы, уклонились от морской битвы... Впрочем, эгинцы не могут точно разъяснить, потому ли они уклонились от морской битвы,

что чувствовали свою слабость, или же оттого, что желали сделать так, как они и действительно сделали. Во всяком случае афиняне, так как эгинцы не приняли боя, высадились с кораблей и направились к статуям. Но так как они не могли стащить их с оснований, то накинули канаты и потянули статуи, пока наконец влекомые ими обе статуи не сделали то же самое (я, правда, этому сказанью не верю, но кто-нибудь другой, быть может, и поверит), именно они пали перед афинянами на колени. С того времени они и остались в таком положении до сего дня [61]. Так, по сказанью, поступили афиняне. А сами эгинцы, продолжает эгинское сказание, узнав о предполагаемом походе афинян, заручились помощью аргосцев. Когда афиняне вступили на эгинскую землю, то и аргосцы прибыли на помощь, тайно переправившись из Эпидавра на их остров. Аргосцы напали на ничего не подозревавших афинян и отрезали их от кораблей. В этот момент и загремел гром и началось землетрясение.

 87. Так гласит аргосское и эгинское сказание. Оно согласно с афинским преданием лишь в том, что только один афинянин благополучно возвратился в Аттику. Аргосцы же, кроме того, утверждают, что этот единственный человек остался в живых после уничтожения ими афинского войска, тогда как афиняне приписывают гибель своего войска божеству. По афинскому преданию,

Впрочем, даже и этот один не спасся, но погиб вот при каких обстоятельствах. Он прибыл в Афины с вестью о несчастье. А жены воинов, участников похода на Эгину, узнав о том, что из всех спасся только он один, пришли в такое возбуждение, что окружили его со всех сторон (каждая с вопросом, где ее муж) и искололи несчастного своими булавками от [застежек на] платье. Так погиб этот человек. Афинян же это злодеяние женщин, по-видимому, еще более опечалило, чем поражение. Они не знали, чем бы им еще иначе наказать женщин, и заставили их переменить одежду на ионийскую. До того времени ведь афинские женщины носили дорийскую одежду, совершенно одинаковую с коринфской. Теперь они должны были носить льняные хитоны, чтобы не употреблять застежек.

 88. Собственно же говоря, эта одежда первоначально была не ионийской, но карийской. Ведь в стародавние времена все эллинские женщины носили одежду, которая теперь называется дорийской [62]. Аргосцы же и эгинцы поэтому решили, напротив, ввести обычай делать отныне женские застежки в полтора раза длиннее прежнего, а затем, чтобы женщины посвящали в святилище этих богинь прежде всего застежки. Вообще было запрещено приносить в дар в святилище все предметы аттического производства и аттическую глиняную посуду и впредь пить там только из глиняных сосудов местного изделия.

Еще и в мое время аргосские и эгинские женщины из ненависти к афинянам носили застежки длиннее, чем раньше.

89. Первоначально повод для вражды афинян к Эгине был именно такой, как я рассказал. Когда теперь фиванцы стали звать их на помощь, эгинцы охотно откликнулись в память происшествия с этими кумирами. Итак, эгинцы начали опустошать берега Аттики. Когда же афиняне захотели выступить в поход на Эгину, пришло из Дельф изречение оракула, гласившее: афиняне должны подождать 30 лет со времени нашествия эгинцев, а на 31-м году, посвятив храм Эаку, начать войну с Эгиной, и тогда их чаяния исполняются. Если же они теперь тотчас выступят против Эгинь, то за это время их ожидает много неудач и успехов, и только под конец они все же одержат полную победу. Услышав это изречение, афиняне, правда, посвятили храм Эаку (он стоит еще и теперь на рыночной площади), однако не захотели 30 лет спокойно терпеть обиды эгинцев.

90. Во время приготовлений афинян к походу, чтобы отомстить [эгинцам], однако, возникла помеха со стороны лакедемонян. Лакедемоняне ведь, узнав, что Алкмеониды подстроили Пифии и что сделала Пифия с ними и с Писистратидами, раскаялись в том, что им пришлось изгнать своих друзей из их страны, и

распалились гневом на афинян за их неблагодарность. Кроме того, их побуждали [выступить против Афин] и из речения оракулов, предрекавшие им много бед от афинян. Эти изречения оракулов прежде были неизвестны спартанцам, и только теперь спартанцы познакомились с ними, когда Клеомен привез их в Спарту. Клеомен же нашел эти изречения на афинском акрополе. Прежде владевшие ими Писистратиды после изгнания оставили их в святилище, а Клеомен взял их оттуда [63].

91. Когда лакедемоняне получили эти изречения оракулов и увидели, что могущество афинян возросло и что у них нет больше охоты подчиняться спартанцам, тогда-то спартанцы поняли, что аттический народ, будучи свободным, пожалуй, сравняется с ними могуществом. При господстве же тиранов, думали они, афиняне останутся слабыми и готовыми к подчинению. И вот, уяснив себе все это, спартанцы вызвали Гиппия, сына Писистрата, из Сигея на Геллеспонте, куда бежали Писистратиды. Когда Гиппий прибыл на зов, спартанцы послали вестников к остальным союзникам и сказали им вот что: "Союзники! Мы признаемся, что поступили неправильно. Побуждаемые ложными изречениями оракула, мы изгнали самых лучших наших друзей, которые обещали держать Афины в подчинении, из их родного города. Потом мы отдали город во власть неблагодарного народа,

который, получив с нашей помощью свободу, высоко поднял голову. Он с позором изгнал нас и нашего царя из города и теперь высокомерно заносится. Это особенно хорошо должны были почувствовать их соседи – беотийцы и халкидяне, да, пожалуй, и кое кто другой скоро почувствует, что он просчитался. Раз уж мы совершили эту ошибку, то давайте теперь вместе попытаемся отомстить им. Поэтому мы призвали вот этого Гиппия и Вас, посланцев от городов, чтобы сообща обдумать это дело и общими силами возвратить его в Афины, вернув ему то, чего мы его лишили”.

92. Так говорили лакедемоняне. Большинство союзников, однако, не одобрило этих слов. Остальные, правда, предпочитали молчать, а коринфянин Сокл сказал вот что: “Поистине, скорее небо провалится под землю, а земля поднимется высоко на воздух над небом, скорее люди будут жить в море, а рыбы – там, где раньше жили люди, чем вы, лакедемоняне, решитесь уничтожить свободу, восстановив господство тиранов в городах. Нет ведь на свете никакой другой более несправедливой власти и более запятнанной кровавыми преступлениями, чем тирания. Если вы действительно считаете прекрасным и справедливым такое положение вещей, именно, что тираны властствуют над городами, то сначала поставьте себе самим тирана, а потом уж навязывайте его

остальным. А теперь, хотя сами вы никогда не испытывали тирании и всеми силами стараешься, чтобы ничего подобного не проникло в Спарту, вы хотите поступать так несправедливо с союзниками. Будь у вас одинаковый опыт с нами, то вы судили бы об этом правильнее.

Государственный строй в Коринфе ведь был вот какой. Коринф прежде находился под властью немногих [знатных родов], и эти так называемые Бакхиады правили городом. Они отдавали [своих дочерей замуж] и брали жен из своей среды. У одного из Бакхиадов – Амфиона – родилась хромая дочь по имени Лабда. Так как никто из Бакхиадов не желал брать ее в жены, то ее взял замуж некто Этион, сын Эхекрама, из селения Петры, но по происхождению, собственно, лапиф и потомок Кенея. Детей у него не было ни от этой жены, ни от другой. Так вот, он отправился в Дельфы вопросить оракул о потомстве. Не успел Этион, однако, вступить в святилище, как Пифия обратилась к нему вот с такими словами:

Этион, нет почести тебе, хоть ты чести стяжал себе много,

Лабда родит сокрушительный камень; падет он
На властелинов мужей и Коринф покарает.

Это изречение оракула Этиону как-то стало известно и Бакхиадам. А они уже раньше получили в Коринфе темное

изречение, намекавшее на то же самое, что и изречение Этиону. Оно гласило так:

В скалах приимет во чреве орел, но льва породит он
Мощного и сыроядца: сокрушим он многим колени.
Крепко сие разочтите, коринфяне, те, чья обитель
Славной Пирены вокруг и твердыни высокой Коринфа.

Прорицание это, данное раньше Бакхиадам, было им тогда непонятно. Теперь же, узнав об изречении Этиону, они тотчас поняли, что прежнее их прорицание соответствует Этионову. Уяснив себе смысл прорицания, Бакхиады остались спокойными, потому что хотели погубить будущего младенца Этиона. А как только жена его родила, Бакхиады послали десять человек из своей среды в то селение, где жил Этион, чтобы убить младенца. Так вот, эти люди пришли в Петру и, ворвавшись в дом Этиона, потребовали младенца. Лабда же вовсе не подозревала, зачем они пришли. Думая, что они требуют ребенка из дружелюбия к его отцу, она принесла младенца и отдала в руки одному из них. А они уговорились дорогой, что взявший сначала на руки ребенка и должен его бросить оземь. Когда же Лабда принесла и отдала младенца, то дитя по божественному внушению улыбнулось. Этому человеку заметил [улыбку младенца], и какое-то чувство жалости удержало его от убийства. Тогда он передал младенца второму, а тот третьему. Так ребенок прошел

через руки всех десяти человек, и ни один не захотел его погубить. Тогда они отдали дитя назад матери и вышли из дома. Однако, остановившись у дверей, они начали перебранку и взаимные обвинения. Особенно же они обвиняли первого, взявшего ребенка, за то, что тот не выполнил условия. Наконец, через некоторое время они решили снова вернуться в дом и всем вместе умертвить младенца.

Однако суждено было Коринфу претерпеть несчастья от потомства Этиона. А Лабда, стоя у самых дверей, все это слышала. В страхе, как бы эти люди не раздумали и, снова взяв ребенка, не убили бы его, она взяла его и спрятала, как ей казалось, в самом погаенном месте, именно в сундуке. Она думала, что если эти люди придут и начнут поиски, то обыщут все. Так оно и случилось. Они вернулись и принялись искать младенца, но не нашли. Тогда они решили возвратиться домой и объявить тем, кто им дал это поручение, что все исполнено, как было приказано.

Так вот, вернувшись домой, они так и сказали. А сын Этиона после этого стал подрастать, и так как остался в живых благодаря сундуку, то получил от сундука имя Кипсел [64]. Возмужав, Кипсел вопросил оракул в Дельфах и получил в ответ двусмысленное прорицание. Уповая на это прорицание, он сделал попытку овладеть городом и захватил власть в Коринфе. А прорицание было вот какое:

Счастлив сей муж, что ныне в чертог мой вступает,
Этинов Кипел; царь славного града Коринфа
Будет все же он сам и дети его, но не внуки.

Таково было это прорицание. А Кипел, воцарившись в Коринфе, был жестоким правителем: многих коринфян он изгнал, а других лишил имущества, а больше казнил. После 35 летнего царствования он благополучно окончил свои дни. Наследовал его царство сын Периандр. Вначале Периандр был милостивее отца, а потом, вступив в общение через послов с Фрасибулом, тираном Милета, стал даже еще кровожаднее. Так, Периандр послал глашатая к Фрасибулу спросить совета, как ему, установив самый надежный государственный строй, лучше всего управлять городом. Фрасибул же отправился с прибывшим от Периандра глашатаем за город и привел его на ниву. Проходя вместе с ним по полю, Фрасибул снова и снова переспрашивал о причине прибытия его из Коринфа. При этом тиран, видя возвышающиеся над другими колосья, все время обрывал их. Обрывая же колосья, он выбрасывал их, пока не уничтожил таким образом самую красивую и густую часть нивы. Так вот, проведя глашатая через поле и не дав никакого ответа, тиран отпустил его. По возвращении же глашатая в Коринф Периандр полюбопытствовал узнать ответ Фрасибула. А глашатай объявил, что не привез никакого ответа и удивляется, как это Периандр мог

послать его за советом к такому безумному человеку, который опустошает собственную землю. Затем он рассказал, что видел у Фрасибула. Периандр же понял поступок Фрасибула, сообразив, что тот ему советует умертвить выдающихся граждан. Тогда-то тиран начал проявлять величайшую жестокость к своим гражданам. Всех уцелевших от казней и изгнаний Кипела теперь прикончил Периандр [65]. Затем он велел из-за своей супруги Мелиссы [66] в один день раздеть всех женщин в Коринфе догола. Он отправил ведь послов в Феспротию на реке Ахеронте [67] вопросить оракул мертвых [о вверенном ему] в заклад имуществе какого то гостеприимца. Тогда явилась [тень] Мелиссы и сказала, что ни знаками, ни словами она не укажет места, где лежит добро. Она ведь совершенно нагая и мерзнет, так как ее погребальные одежды не были сожжены вместе с ней и потому она не может ими пользоваться. В доказательство правдивости своих слов она напомнила Периандру, что он положил хлебы в холодную печь. Когда послы сообщили об этом Периандру (для него ответ Мелиссы был достоверным доказательством, так как он совокупился с ней уже бездыханной), он тотчас же после этого известия повел через глашатаев всем коринфским женщинам собраться в храм Геры. Они пришли, нарядившись в свои самые красивые одежды, как на праздник, а тиран поставил своих телохранителей в

засаде и велел догола раздеть всех женщин без разбора – как свободных, так и служанок. Одежды же их Периандр приказал бросить в яму и сжечь, призывая Мелиссу. После этого Периандр вновь отправил послов в Феспротию, и тогда тень Мелиссы указала место, куда она спрятала [вверенное ему] сокровище гостеприимца. Вот, лакедемоняне, что такое тирания! Вот каковы деяния тиранов! А мы, коринфяне, уже тогда были весьма удивлены, услышав, что вы послали за Гиппием, а ныне и еще большие дивимся вашим речам. Мы заклинаем вас поэтому эллинскими богами не вводить в городах тирании! Но если вы все же настаиваете и желаете вопреки всей справедливости вернуть Гиппия, то знайте, что коринфяне не одобряют ваших действий”.

 93. Так говорил Сокл, коринфский посол. А Гиппий, призывая тех же эллинских богов, отвечал ему: как раз коринфянам то еще больше всех придется желать [возвращения] Писистратидов. Придет день, и они еще наперсятся от афинян. Так мог говорить Гиппий потому, что никто на свете не знал так точно прорицаний оракулов, как он. Прочие же союзники сначала молчаливо слушали. А когда они услышали откровенную речь Сокла, то один за другим нарушили молчание и присоединились к мнению коринфянина. Они заклинали лакедемонян не затевать недоброго в эллинском городе.

94. Так эти замыслы рассстроились. А Гиппий уехал оттуда. Македонский же царь Аминта предложил ему в дар город Анфемунт, а фессалийцы – Иолк. Гиппий, однако, отклонил оба предложения и снова возвратился в Сигей, который некогда Писистрат отнял мечом у митиленцев. Завладев городом, Писистрат поставил там тираном своего незаконного сына Гегесистрата (роденного от аргосской женщины), который не без борьбы отстаивал это наследство Писистрата. Ведь митиленцы и афиняне из городов Ахиллея и Сигея вели постоянные войны друг с другом. Митиленцы требовали назад Сигейскую область, а афиняне оспаривали их право [на нее], указывая, что на земли древнего Илона эолийцы имеют отнюдь не большие права, чем они, афиняне, и другие, кто помогал Менелаю отомстить за похищение Елены.

95. Во время этих войн в битвах случилось много замечательных происшествий. Между прочим, после одной стычки, в которой победили афиняне, поэт Алкей спасся бегством, но его оружие попало в руки афинян, и они повесили его в храме Афины в Сигее. Алкей же воспел это событие в песне и послал ее на Митилену, чтобы сообщить о несчастье своему другу Меланиппу. Митиленцев же с афинянами примирил Периандр, сын Кипсела, которого они выбрали посредником. А примирил

он их в том на каких условиях: каждая сторона получала то, что у нее было. Так-то Сигей остался за афинянами.

96. Гиппий же после возвращения из Лакедемона прибыл в Азию и пытал все средства в ход против афинян: он клеветал на них Артафрену и делал все возможное, чтобы подчинить Афины себе и Дарию. Когда афиняне узнали о происках Гиппия, они отправили послов в Сарды, убеждая персов не верить афинским изгнаниникам. Артафрен же велел передать послам: если афинянам дорога жизнь, то пусть они примут назад Гиппия. А афиняне наотрез отклонили эти предложения, сообщенные послами. Не согласившись же, они твердо решились открыто воевать с персами.

97. Как раз во время такого враждебного настроения к персам прибыл в Афины милемянин Аристагор, изгнанный из Спарты царем Клеоменом. Ведь этот город был тогда после Спарты самым могущественным из остальных греческих городов. Аристагор явился в народное собрание и повторил то же самое, что он уже сказал в Спарте. Он говорил о богатствах Азии и о персидской военной тактике, о том, что в бою они не применяют ни щита, ни копья и поэтому их легко одолеть. К этому он добавил еще, что Милем — афинская колония и что долг Афин как могущественной державы спасти город. Аристагор давал всевозможные обещания и просил так

настойчиво, пока не убедил афинян. Ведь многих людей, очевидно, легче обмануть, чем одного: одного лакедемонянина Клеомена ему не удалось провести, а 30000 афинян он обманул [68]. И вот, афиняне постановили поэтому послать на помощь ионянам 20 кораблей под начальством Меланфия, одного из самых уважаемых афинских граждан. А эти корабли стали началом всех бед для эллинов и варваров.

 98. Аристагор же отплыл вперед. По прибытии в Милем он принял решение, от которого не ожидалось никакой пользы ионянам. Да это и не входило в замыслы Аристагора (он хотел этим только раздражить царя Дария). Тиран послал вестника во Фригию к пеонам, которых Мегабаз переселил с реки Струмона как пленников [в Азию] (во Фригии они жили в местности и в селении, [предназначенных] только для них). Когда вестник пришел к пеонам, то сказал им вот что: “Пеоны! Послал меня Аристагор, тиран Милема, предложить вам свободу, если вы пожелаете последовать его совету. Вся Иония охвачена восстанием против царя. Теперь вы можете благополучно возвратиться на родину. Добраться до моря вы должны сами, а оттуда уже мы позаботимся [о вас]”. Услышав эти слова, пеоны с радостью согласились. С женами и детьми они поспешно направились к морю. Некоторые из них, впрочем, побоялись идти и остались во Фригии.

Прибыв на побережье, пеоны переправились оттуда на Хиос. Когда они были уже на Хиосе, на берегу появился большой отряд персидской конницы, преследовавший пеонов по пятам. Так как персы уже не нашли пеонов, то послали им на Хиос приказание возвратиться. Пеоны же не подчинились; тогда хиосцы отправили их с Хиоса на Лесбос, лесбосцы же перевезли в Дориск, откуда они по сущем прибыли в Пеонию.

99. Аристагор же после прибытия афинян с 20 кораблями и в сопровождении 5 триер с Эретрии предпринял поход на Сарды. А эретрийцы примкнули к походу не в угоду афинянам, а ради самих милетян, которым они хотели отплатить за [старую] услугу. Милетяне ведь пришли на помощь эретрийцам в войне против халкидян, когда самосцы помогали халкидянам против эретрийцев и милетян. Так вот, когда прибыли афиняне и прочие союзники, Аристагор и начал поход на Сарды. Сам он, однако, не пошел с войском, но остался в Милете, передав главное командование двум другим милетянам: своему брату Харопину и другому горожанину – Гермофанту.

100. С этим флотом ионяне прибыли в Эфес; затем они оставили корабли в Коресе в Эфесской области, а сами с большим войском выступили в глубь страны, взяв себе в проводники эфесцев. Они шли вдоль реки Каистра [69],

переправились затем через Тмол, прибыли в Сарды и взяли город беспрепятственно. Они захватили весь город, кроме акрополя. Акрополь же защищал сам Артафрен со значительной военной силой.

101. А, взяв город, эллины не разграбили его вовсе по чёму. Дома в Сардах были построены в большинстве из камыша, и даже у кирпичных домов были камышовые крыши. Когда какой-то воин поджег один из домов, огонь тотчас же распространился от дома к дому и охватил весь город. Когда же город загорелся, то жители — лидийцы и оставшиеся в городе персы, так как все кругом было охвачено пламенем и они не могли найти выхода, — стали сбегаться на рыночную площадь и к реке Пактолу (Пактол, несущий с собой золотой песок, течет с Тмода через рыночную площадь и потом впадает в реку Герм, а та — в море). На рыночной площади у этого то Пактоля и собрались лидийцы и персы, вынужденные защищаться. А ионяне, видя, что враги обороняются, а часть даже большими толпами нападает на них, в страхе отступили к горе под названием Тмол, а оттуда под покровом ночи — к своим кораблям.

102. Сарды же стали добычей пламени, и вместе с городом погиб и храм местной богини Кибелы. Под предлогом сожжения этого храма персы впоследствии из мести предали огню святилища в Элладе. Тогда персидские

сатрапы по сю сторону Галиса, узнав о вторжении ионян, собрали свои силы и выступили на помощь лидийцам. В Сардах же персы уже не нашли ионян и, следуя за ними по пятам, настигли их в Эфесе. Ионяне построились в боевом порядке, но в битве были разбиты наголову. Персы убили много знатных ионян и среди них Евалкида, военачальника эретрийцев, который одержал несколько побед в состязаниях и был воспет и прославлен Симонидом Кеосским. Уцелевшие после битвы ионяне рассеялись по своим городам.

 103. Таким-то образом они сражались тогда. После этого афиняне оставили ионян на произвол судьбы. Когда же Аристагор стал настоятельно просить их через послов о помощи, то афиняне ответили, что не будут больше им помогать [70]. Так ионяне лишились поддержки афинян, но, несмотря на это, они продолжали войну против царя. Ведь их вина перед Дарием была слишком тяжкой. Они оттали в Геллеспонт и подчинили Византий и все остальные города в той области. Затем они покинули Геллеспонт и привлекли на свою сторону большую часть Карии. И даже Кавн, который прежде не желал присоединиться к ним, теперь после сожжения Сард вступил с ними в союз.

 104. Все жители Кипра добровольно присоединились к ионянам, кроме амафунтиев. Ведь и киприоты отпали от

мидян и вот каким образом. Был у них Онесил, младший брат царя саламинцев Горга, сын Херсия, внук Сирома[71] и правнук Евельфонта. Этот то человек часто и раньше уговаривал Горга отложитьсь от царя, а теперь, услышав о Восстании ионян, все сильнее настаивал. Когда Онесилу все-таки не удалось убедить Горга, то он со своими сторонниками выждал однажды, пока Горг покинул город саламинцев, и закрыл за ним городские ворота. Так-то Горг, лишенный власти в городе, был вынужден бежать к мидянам. Онесил же стал теперь царем Саламина и старался побудить всех киприотов присоединиться к восстанию. Всех остальных жителей острова ему удалось убедить. Только амафунты не желали подчиниться, и поэтому он осадил их город.

 105. Так вот, Онесил стал осаждать Амафунт. А царь Дарий между тем получил известие о взятии и сожжении Сард афинянами и ионянами и о том, что засчеником и виновником этого нашествия был мильтянин Аристагор, который таким именно образом все это и затеял. Услышав эту весть, прежде всего, как говорят, царь, не обратив никакого внимания на ионян (он прекрасно знал, что этим то во всяком случае придется дорого заплатить за восстание), спросил только, кто такие афиняне. А после того как ему сообщили это, царь потребовал свой лук, вложил в него стрелу и пустил в

небо. Когда же стрела полетела в воздух, он сказал: “Зевс! [72] Дай мне отомстить афинянам!”. После этих слов он, говорят, приказал одному из слуг каждый раз перед обедом трижды повторять ему: “Владыка! Помни об афинянах!”.

106. После этого Дарий велел призвать пред свои очи милемянина Гистиея, которого он уже давно удерживал при себе, и сказал: “Я слышу, Гистией, что твой преемник, которому ты поручил Милем, восстал против меня. Он привел людей из другой части света и с ними ионян, которые, конечно, еще получат мзду за дела их, уговорил выступить в поход и разрушил Сарды. Как тебе кажется, хорошо ли это? Как могло такое произойти без твоих советов? Смотри, как бы потом тебе не пришлось пенять на себя!”. Гистией отвечал на это: “Царь! Какие слова ты произнес? Неужели я мог подстрекать к какому-нибудь действию, от которого у тебя возникнут потом великие или малые беды? С какой целью я стал бы это делать? Чего мне еще недостает? Разве нет у меня всего, что есть у тебя, и разве я не удостоен участия во всех твоих замыслах? Если мой наместник действительно совершил что-либо такое, как ты говоришь, то знай, что сделал он это по собственному почину. Я, правда, вовсе не могу поверить, что милемяне и мой наместник восстали против твоей державы. Если же они все-таки это совершили и то, что ты услышал, – правда, то пойми,

царь, какую ошибку ты допустил, выслав меня от моря
внутрь страны. Ведь ясно, что лишь только я скрылся с их
глаз, как ионяне и совершили то, к чему давно стремились.
Будь я в Ионии, тогда ни один город даже не осмелился бы
восстать. Поэтому как можно скорее позволь мне
отправиться в Ионию, чтобы я мог восстановить прежнее
положение и моего наместника в Милете, который
повинен во всем, передать в твои руки. А если я устрою
эти дела по твоей воле, то, клянусь твоими царскими
богами, не сниму хитона [73], в котором я отправлюсь в
Ионию, пока не сделаю твоим данником Сардон,
Величайший остров”.

 107. Гистией такими словами старался обмануть
царя, а Дарий поверил и действительно отпустил его с
приказанием возвратиться в Сусы, когда исполнит свои
обещания.

 108. А в то время, когда весть о взятии Сард пришла
к царю, и Дарий, пустив стрелу из лука, вступил в беседу
с Гистиеем, и Гистией, отпущеный Дарием, прибыл к
морю, – за все это время случилось вот что. Когда
саламинец Онесил осаждал амафунтиев, ему сообщили о
приближении к Кипру на кораблях большого персидского
войска во главе с первом Артибием. Услышав же об этом,
Онесил послал вестников в ионийские города с просьбой о
помощи. А ионяне, недолго раздумывая, тотчас прибыли с

большим войском. Так вот, ионяне явились на Кипр, а персы, переправившись из Килиции, пришли к Саламину по суше. А финикияне на кораблях обогнули мыс, называемый “Ключами Кипра”.

 109. Когда события приняли такой оборот, кипрские тираны созвали военачальников ионян и сказали им: “Ионяне! Мы, киприоты, предоставляем вам выбор: на кого вы желаете напасть – на персов или на финикиян? Ведь если вы предпочтете напасть на сухопутное войско, то вам придется теперь покинуть корабли и приготовиться для битвы на суше. Мы же тогда взойдем на борт ваших кораблей, чтобы сразиться с финикиянами. Если же, напротив, вы предпочнете помериться силами с финикиянами, то будь по-вашему! Но что бы вы ни выбрали, действуйте так, чтобы, насколько это зависит от вас, Иония и Кипр обрели свободу!”. На это ионяне ответили: “Послал нас союз ионян охранять море, но не затем, чтобы мы, передав свои корабли киприотам, сами сражались на суше с персами. Так вот, где нам приказали, там мы будем стараться честно выполнять наши долг. Вам же следует, помня о страданиях под игом персов, доблестно сражаться с ними”.

 110. Таков был ответ ионян. Когда персы вступили на саламинскую равнину, цари киприотов [74] поставили в боевом порядке воинов прочих кипрских городов против

воинов других племен [персидского войска], а цвет воинов Саламина и Сол – против персов. А против Артибия, военачальника персов, добровольно встал Онесил.

111. Артибий же ехал на коне, обученном вставать на дыбы перед гондитом. Онесил узнал об этом и сказал своему оруженосцу, родом карийцу, испытенному и отважному воину: “Я слышу, что конь Артибия, становясь на дыбы, бьет копытами и кусает зубами врага. Так вот, сообрази и скажи мне скорее, кого ты желаешь подстеречь и поразить: коня или самого Артибия?”. Отвечал ему на это оруженосец: “Царь! Я готов совершить и то и другое или одно из двух и вообще исполнить любое твое приказание. Однако я скажу, что, по моему мнению, более подобает твоему сану: царю и военачальнику следует, говорю я, сражаться с царем и военачальником. Ведь если ты одолеешь военачальника, слава твоя велика; но даже если ты будешь повержен (чего да не будет) рукою равного тебе по достоинству противника, то это только половина несчастья. Нам же, слугам, подобает сражаться с другими слугами и с конем. Выходок же коня ничуть не бойся! Я обещаю тебе, что он никогда уже больше не станет на дыбы”.

112. Так сказал он, и тотчас же после этого начались сухопутная и морская битвы. На кораблях в этот день храбро сражались и одержали победу над финикиянами

ионяне, а среди них особенно отличились самосцы. На суще же, как только оба войска сошлись, то бросились врукопашную. Что же до обоих военачальников, то случилось вот что. Лишь только Артибий на коне устремился на Онесила, Онесил по условию со своим оруженосцем нанес удар самому Артибию. А когда конь ударил копытами в щит Онесила, кариец, поразив коня серпом, отсек ему ноги.

 113. Так-то пал здесь Артибий, персидский военачальник, вместе со своим конем. Между тем, когда остальные киприоты [храбро] сражались, Стесенор, тиран Курия, с довольно большим отрядом изменнически покинул поле битвы (как говорят, эти курийцы были аргосскими поселенцами). После изменения курийцев за ними тотчас же последовали и боевые колесницы саламинцев. Тогда персы одолели киприотов. Много киприотов погибло во время бегства и, между прочим, Онесил, сын Херсия, виновник восстания киприотов, а также царь солийцев Аристокипр, сын того Филокипра, которого афинянин Солон по прибытии на Кипр восхвалял в своих стихах превыше всех властителей.

 114. Амафунты же обезглавили тело Онесила за то, что он осаждал их город, голову же привезли в Амафунт и повесили там над городскими воротами. В пустом черепе поселился ичелиный рой и наполнил его медовыми сотами.

Об этом амафунтицы Вопросили оракул, который повелел снять череп и предать погребению, а Онесилу приносить ежегодные жертвы как герою, что и послужит им к благу.

115. Амафунтицы так и поступили и приносят ему жертвы еще до сего дня. Когда же ионяне, которые сражались в морской битве на Кипре, узнали, что дело Онесила проиграно и что все остальные города киприотов, кроме Саламина, в осаде (а Саламин отдан прежнему царю Горгу), ионяне тотчас, узнав об этом, отплыли в Ионию. Из всех же городов на Кипре дольше всего сопротивлялись осажденные Солы. Только на пятом месяце осады персам путем подкопа стены кругом удалось взять город [75].

116. Так-то киприоты после года свободы вновь оказались под игом персов. А Даврис, женатый на дочери Дария, а также Гимей и Оман, другие персидские военачальники и также зятья Дария, преследовали ионян, предпринявших поход на Сарды. Одолев ионян в битве, персы оттеснили их к кораблям и затем, разделив свое войско, стали завоевывать города.

117. Даврис же направился против городов на Геллеспонте [76] и взял Дардан; взял затем Абидос, Перкому, Ламисак и Пес; именно, каждый город был взят за один день. На пути от Песа к городу Парию персы получили весть о том, что карийцы присоединились к

ионянам и также восстали. Тогда Даврис покинул Геллеспонт и выступил против Карии.

118. А карийцы получили, вероятно, известие об этом еще до прибытия Давриса. Узнав об этом, карийцы стали собираться у так называемых "Белых Столпов" на реке Марсии, текущей из области Идиады и впадающей в Меандр. На собрании карийцев было предложено много советов. Самым лучшим, по моему мнению, был совет Пиксадара, сына Мавсола из Киндии, занятая Сиеннесия, царя киликийцев. Он высказался за то, чтобы карийцы перешли Меандр и сражались, имея реку с тыла. Тогда карийцы, лишенные возможности бежать назад, были бы вынуждены оставаться на месте и показать чудеса храбрости. Этот совет, однако, не был принят. Карийцы предпочли, чтобы Меандр был в тылу у персов: ведь если персы проиграют сражение и обратятся в бегство, то, очевидно, будут бросаться в реку и уже не смогут оттуда выбраться живыми.

119. Затем персы подошли к Меандру и переправились через него. Жестокая битва персов с карийцами произошла у реки Марсия и длилась долго; наконец, персы одолели своей численностью. Персов пало 2000, а карийцев 10000. Беглецы с поля битвы были вынуждены укрыться в Лабраинды, в святилище Зевса Стратия, именно в огромной священной платановой роще (карийцы же,

насколько известно, единственный народ, который приносит жертвы Зевсу Стратию). Так вот, укрывшиеся там беглецы стали держать совет, как им спастись: сдаться ли персам или же лучше совершенно покинуть Азию.

 120. Между тем еще во время этого совещания подошли на помощь мильтяне и остальные союзники. Тогда карийцы оставили планы, которые они только что обсуждали, и снова стали готовиться к битве. Когда же персы напали на них, карийцы приняли бой и сражались еще более ожесточенно, чем прежде, но опять потерпели поражение. Потери с обеих сторон были велики, причем особенно пострадали мильтяне.

 121. Однако и после этой беды карийцам удалось оправиться и даже загладить свое поражение. Получив известие, что персы выступили против карийских городов, они устроили засаду на пути у Педаса: персы попали ночью в засаду и были уничтожены. Пали также и военачальники их: Даврис, Аморг и Сисимак, а с ними погиб и Мирс, сын Гигеса. Начальником же в этой засаде был Гераклид, сын Ибанолия из Милас.

 122. Так-то погибла эта часть персидского войска. А Гимей, второй из военачальников, которые преследовали ионян, участников похода на Сарды, направился в Пропонтиду и взял мисийский город Киос. Узнав затем,

что Даврис покинул Геллеспонт и выступил в поход на Карию, он оставил Пропонтиду, повел свое войско в Геллеспонт и захватил все эолийские города в Илионской области; подчинил он также и гергифов – остаток древних тевкров. Однако сам Гимей во время подчинения этих городов и племен занемог и скончался в Троаде.

 123. Так-то скончался Гимей. Артафрен же, сатрап Сард, и Отан, третий военачальник, получили приказание выступить в поход против Ионии и соседней Эолии. Так вот, в Ионии они захватили Клазомены, а в Эолии – Киму.

 124. Когда эти города попали в руки врагов, то обнаружилось, что милемянин Аристагор не отличается мужеством. Он, который привел в волнение Ионию и поднял великую смуту, видя это, думал теперь о бегстве. К тому же ему стало ясно, что невозможно одолеть Дария. Так вот, для этого то он созвал своих сторонников на совет и объяснил, что для них лучше было бы заранее подготовить безопасное убежище на случай, если их изгонят из Милема. Поэтому он спрашивает, не желают ли они, чтобы он вывел их из Милема в колонию либо на Сардон, либо в Миркин, что в стране эдонян, который Гистией укреплял, получив в дар от Дария.

 125. Такой вопрос задал им Аристагор. А Гекатей, сын Гегесандра, логограф, дал совет, что не следует высыпать колонию ни на Сардон, ни в Миркин, а

построить крепость на острове Леросе [77] и в случае изгнания из Милета спокойно сидеть там. А впоследствии можно бы оттуда и возвратиться в Милет.

 126. Это был совет Гекатея, сам же Аристагор считал наилучшим вывести колонию в Миркин. Он поручил управление Милетом влиятельному гражданину Пифагору, а сам, взяв с собой всех желающих, отплыл во Фракию и занял местность, куда направился. Во время одного из походов на фракийцев сам Аристагор и его отряд изменнически погибли от руки врага, когда он, осадив один фракийский город, разрешил по договору фракийцам свободный выход из города.

Примечания

Г. А. Странновский

[1] 592. Пеан – хоровая песнь, которую запевали в честь победы; рефреном ее служил возглас: “О Пеан”. Пеан было прозвищем различных богов, в особенности Аполлона.

[2] 593. Индийцы на Востоке и фракийцы на северо-востоке – самые крайние народности, известные грекам.

[3] 594. Племена фракийцев, жившие над крестонеями, обитали между верховьями совр. Струмы и Вардаром.

[4] 595. См. выше, IV 93–94.

[5] 596. Речь идет о ритуальном смехе, которым прогоняли смерть.

[6] 597. Подобный же обычай существовал в Индии.

[7] 598. В противоположность грекам и италикам эти фракийские племена не вынуждали девушек сохранять целомудрие.

[8] 599. Обычай татуировки был общим у фракийцев со скифами. Татуировка, вероятно, была первоначально магическим средством охотников для привлечения дичи.

[9] 600. Т.е. бога войны, бога плодородия и богиню рождения.

[10] 601. Фракийские царьки возводили свое происхождение к древнему богу Гермесу.

[11] 602. Существовавший у фракийцев обычай сжигания и погребения в земле трупов указывает на неоднородный состав населения. Найдки во фракийских могилах обнаруживают сильное скифское влияние.

[12] 603. К северу от греческой колонии Массалии жили лигурийские племена салиев (или саллювиеv).

[13] 604. Геродот (или его осведомитель), быть может, здесь объясняет туземное название иллирийского племени, которое звучало как “милиссай” (по-гречески “ицелы”).

[14] 605. Гомеризм, ср.: Одиссея VIII, 302.

[15] 606. Между Сардами и Фракией у персов существовала курьерская связь, поддерживаемая цепью станций с готовыми перекладными лошадьми.

[16] 607. Персы из семи знаменитых семей, верхушка персидской аристократии (ср. III 84).

[17] 608. Геродот описывает дорогу из долины совр. Струмы (Стримон) через оз. Дойран в долину совр. Вардара.

[18] 609. Эпизод об убийстве персидских послов – придуманная впоследствии патриотическая легенда. Исторически достоверно, что Александру I пришлось подчиниться персам и в знак покорности отдать свою сестру в гарем знатного персидского вельможи. Для персов покорение Пеонии и Македонии было необходимо, так как эти области должны были служить плацдармом для похода на Грецию.

[19] 610. По преданию (ср. VIII 137), македонские цари происходили из Аргоса.

[20] 611. Сопрапезники персидского царя обладали особыми привилегиями. Быть сопрапезником царя считалось величайшей честью.

[21] 612. Пеласги были пришельцами из Пеласгиотиды в северной Фессалии.

[22] 613. Лакуна в тексте.

[23] 614. В Греции издавна существовали особые союзы (ксении) между гражданами отдельных государств. Люди, связанные взаимным союзом гостеприимства, назывались ксенами (гостеприимцами, “кунаками”). Отдельные лица могли быть “гостеприимцами” (проксенами) какого-нибудь

государства. Они защищали интересы этого государства у себя на родине.

[24] 615. На о. Наксосе так называемая народная партия свергла господство аристократии. Изгнанные аристократы обратились за помощью в Милет, где аристократы были у власти.

[25] 616. Бортовой люк – это отверстие в корабле, через которое просовывалось весло.

[26] 617. Геродот, очевидно, цитирует далее рассказ Гекатея, который сообщал о своей роли в начале восстания. В Ионии не все группы населения были за войну с персами. Противниками персов были только те группы торгово-ремесленного класса, которые были заинтересованы в торговле с Причерноморьем и Фракией. Напротив, группы, имевшие интересы в самой Малой Азии, а не в Понте, стояли за подчинение персам. Сам Геродот считает, что войны с Великой и могучей Персией можно и нужно было избежать. Осведомители Геродота всячески стремились изобразить ионическое восстание как образец безрассудного злодейства.

[27] 618. См. выше, I 92.

[28] 619. Ср. выше, IV 175, 198.

[29] 620. Прорицания оракула относили к западному побережью Сицилии, занятому финикиянами. Здесь у горы Эрик находился знаменитый храм Мелькарта (Геракла).

[30] 621. На этой карте, изготовленной в Милете, был изображен план персидской дороги из Сус в Сарды со всеми станциями. В ионийских городах были также карты земель персидской державы: на одних были только очертания земель (ср. IV 37–41), а на других нанесены даже сатрапии (ср. IV 96, 97).

[31] 622. Три месяца – время, за которое отряд войска мог пройти весь путь. Курьеры персидского царя могли доставить письмо из Сард в Сусы за семь дней.

[32] 623. У прохода первы построили мост. В 585 г. до н.э. (ср. I 74) его еще не существовало.

[33] 624. Речь идет об огражденном воротами мосте, по которому дорога пересекала Галис второй раз.

[34] 625. Путь достигал верховьев Евфрата.

[35] 626. Имеются в виду реки Тигр (Большой и Малый), Заб и Гинд (совр. Диала).

[36] 627. Этот путь до побережья моря был продолжен впоследствии.

[37] 628. Гиппий, по Фукидиду, отстранил сестру Гармодия и Аристогитона от участия в празднестве

Панафиней. За это оскорбление они отомстили убийством Гиппарха в августе 514 г. до н.э.

[38] 629. Гефиреи не были полноправными гражданами в Афинах. Причиной убийства Гиппарха было, следовательно, ущемление политических прав новых граждан, которым Афины были обязаны своим экономическим расцветом в VI в. до н.э.

[39] 630. С половины II тысячелетия греки пользовались равными письменами: на Крите и в Пелопоннесе употреблялось линейное письмо В, а также слоговое кипрское письмо.

[40] 631. От финикиян греки переняли только звуковое письмо (вероятно, впервые на Кипре, где были финикийские и греческие города). Некоторые знаки для финикийских согласных звуков, которые не имели соответствия в греческом языке, греки применили как знаки для гласных звуков.

[41] 632. Книги из кожи употребляли жрецы. На таких кожаных книгах сохранялись сборники древних прорицаний оракулов.

[42] 633. Египтяне и аккадцы также применяли кожу как материал для письма.

[43] 634. Древние надписи, написанные уже не употреблявшимся во время Геродота письмом.

[44] 635. Род Писистрата возводил свое происхождение к Нестору (как и цари из династии Кодра).

[45] 636. Ср.: Одиссея VIII, 490.

[46] 637. Новые территориальные объединения (филы) заменили древние родовые филы – оплотом аристократии.

[47] 638. Каждый храм в Греции имел свои храмовые легенды, т.е. цикл рассказов о “страстях бога”, о судьбах и переживаниях храмового божества и его приближенных. Из этих религиозных действий впоследствии возникли театральные представления.

[48] 639. Геродот под словами “сам он” подразумевает Исагора, а не Клисфена (см.: С. Я. Лурье. Геродот, стр. 80).

[49] 640. Каждая аттическая фила делилась на 12 навкрай (капитанств) – территориальных округов. Начальники этих навкрай (пританы) и были тогда у власти. О них Геродот упоминает, чтобы снять вину с Мегакла, который был тогда архонтом.

[50] 641. Геродот имеет в виду совет пятиисом, состоявший из представителей отдельных фил.

[51] 642. Т.е. святилище Афины в Эрехфейоне.

[52] 643. Клисфен признал протекторат Персии. Геродот, близкий к Алкмеонидам, изображает дело так,

будто послы действовали на свой страх и риск, так как после персидских войн этот поступок считался позорным (ср.: С. Я. Лурье. История, стр. 159).

[53] 644. Замечание Геродота следует понимать так, что с этого времени с началом войны призывали в помощники не обоих Диоскуров, а только одного. По верованию спартанцев, Диоскуры сопровождали войско в походе. Спартанские цари были земными воплощениями Диоскуров.

[54] 645. В подлиннике παχέες (толстопузые), т.е. богатые. Раздел земель крупных землевладельцев между мелкими крестьянами (клерухами) был главным средством афинского господства в завоеванной области. Гипподомы (коневоды) – крупные землевладельцы в Халкиде на Евбее.

[55] 646. Ср.: Одиссея II, 150.

[56] 647. Туманный характер дельфийских изречений сближает их с загадками.

[57] 648. В Беотии, как и в Пелопоннесе, была река под названием Асон. Эгина была мифической дочерью пелопонесской реки Асона. Ее именем назван остров Эгина в Сароническом заливе. Смешение, видимо, указывает на древнее прорицание оракула, которое было известно уже Пиндару.

[58] 649. Это место Геродота показывает, что статуэткам героев (бронзовым или из слоновой кости) приписывали сверхъестественную силу. Одна такая бронзовая статуэтка найдена в Олимпии у храма Геры.

[59] 650. Священная маслина почиталась на акрополе.

[60] 651. Мистерии, в которых, как и при Фесмофориях, могли участвовать только женщины.

[61] 652. Обе богини были изображены в сидячем положении. Статуи остались в таком положении, как упали.

[62] 653. Греческое слово χιτών заимствовано от карийцев.

[63] 654. Речь идет о сборнике прорицаний. Писистратиды собрали большую библиотеку из сочинений древних поэтов.

[64] 655. Возможно, что это сказание связано с посвятительными дарами Кипселидов в храме в Олимпии. Одним из этих даров был художественной работы ларец, (сундук). Вместе с тем греческое слово χύψελος (ящик, сундук) было именем основателя рода новых правителей, что и дало повод для возникновения подобного сказания.

[65] 656. Кипсел в свое время изгнал из Коринфа аристократов, а Периандр оказался еще более жесток.

[66] 657. См. выше, III 50.

[67] 658. На Ахеронте, где, по представлениям древних, был вход в подземное царство, издавна существовал оракул мертвых.

[68] 659. Геродот имеет здесь в виду граждан с правом голоса, которых было в Афинах около 10000.

[69] 660. Ионяне выступили в поход на Сарды не по персидской дороге от Эфеса, но по тропам, ведущим через горы. Поход на Сарды был вызван желанием расправиться с satrapom, управляющим Лидией и малоазийским побережьем (ср.: В. В. Струве. Этюды, стр. 109).

[70] 661. В Афинах обе персофильские группы в это время объединились, в 496 г. до н.э. им удалось прийти к власти, и тогда афинский вспомогательный отряд был отозван из Малой Азии (см.: С. Я. Лурье. История, стр. 191).

[71] 662. Сиром – финикийское Хирам.

[72] 663. Зевс – здесь Ахурамазда.

[73] 664. Хитон носили непосредственно на теле. Завоевание Сардо (совр. Сардиния) у карthagенян – невыполнимое предприятие. Геродот хочет показать, каким грубым способом Гистией обманывал царя.

[74] 665. Это были властители греческих городов на Кипре: Саламина, Кития, Куриона, Мариона, Сол, Лапефа, Керинеи и Химр. Только Амафунт держал сторону персов.

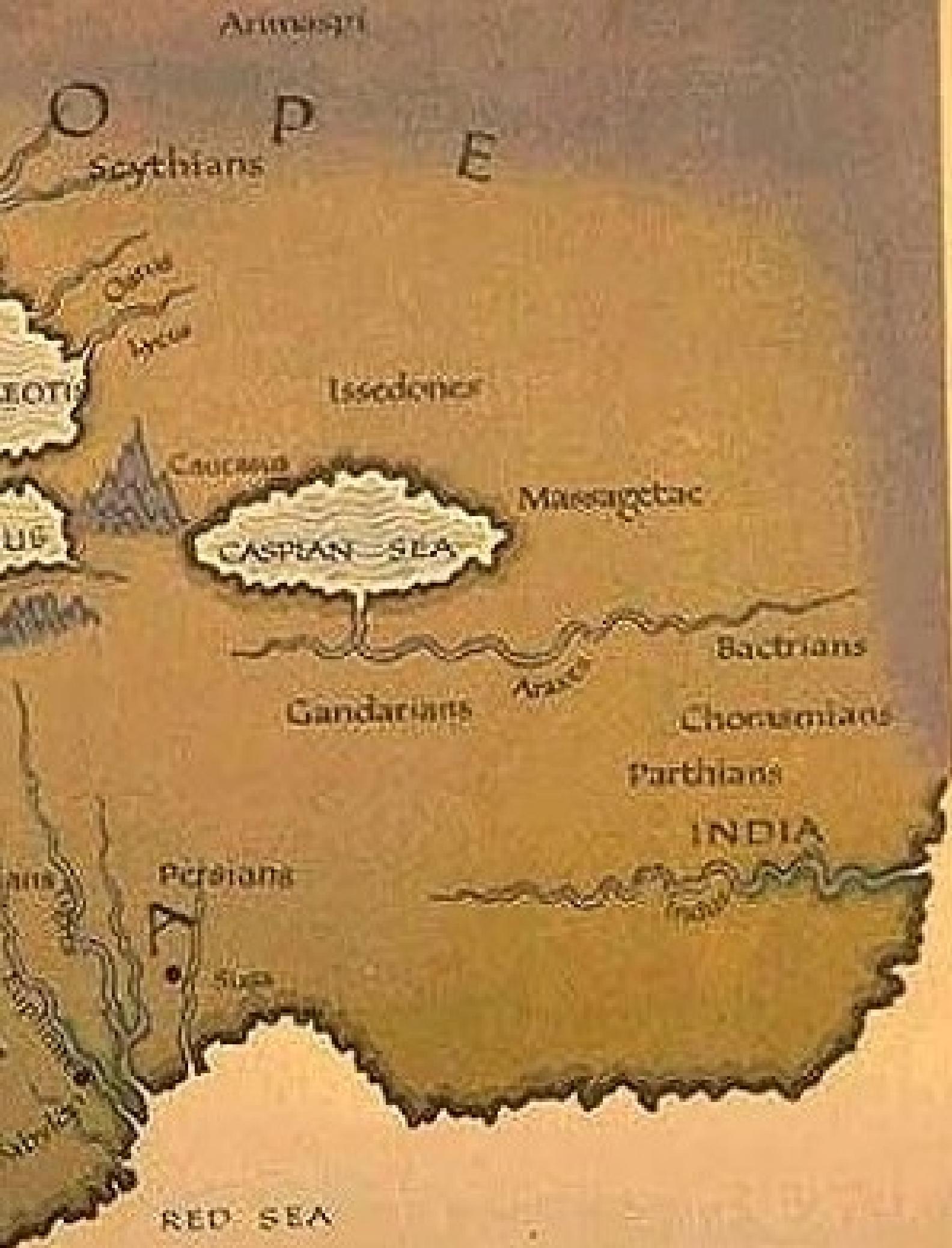
[75] 666. Персы подкопали и затем обрушили стены в нескольких местах и таким образом проникли в город.

[76] 667. Персы приняли меры к захвату Геллеспонта, чтобы отрезать Элладу от понтийского хлеба.

[77] 668. Геродот, вероятно, передает здесь сообщение Гекатея.

В. Г. Борухович

НАУЧНОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТРУДА ГЕРОДОТА

Среди многочисленных и разнообразных наук, завещанных нам античным миром, история с особой наглядностью хранит следы этой преемственности: уже к концу V в. до н. э. исторический жанр достигает высочайшего развития в произведении афинского историка Фукидида. Однако в начале своего развития история была прежде всего жанром художественной прозы, соединяя в себе две, казалось бы, столь разнородные стороны человеческой деятельности, как науку и искусство. Благодаря последнему обстоятельству сочинения греческих и римских историков тем более привлекают внимание читателей. Особое место в истории европейской

науки занимает творение Геродота: оно является первым памятником исторической мысли и одновременно первым памятником художественной прозы. Цицерон метко определил значение творческого подвига гениального греческого писателя, назвав его «отцом истории» (*Cic. De leg. I, 1*): с той поры этот почетный титул прочно закрепился за Геродотом.

Однако, когда Геродот начал писать свой труд, рождение исторической науки было уже совершившимся фактом(1). Она возникла в первой половине VI в. до н. э. в Ионии, и в частности в Милете, выдающемся центре греческой культуры архаической эпохи. Один из самых образованных авторов древности, греческий географ Страбон замечает: «Ранее всех появились поэтические жанры и достигли высокого развития и славы. Затем, подражая им, но освободившись от метра, сохраняя, однако, все остальные отличия поэзии, написали свои произведения писатели круга Кадма, Ферекида, Гекатея» (I, 2, 6). Называя милетян Кадма и Гекатея наиболее выдающимися прозаиками раннего периода, Страбон обращает внимание на то, что греческая проза появилась намного позже поэзии (на этом основании грамматики стиической школы считали прозу выродившейся поэзией).

Главная причина позднего развития жанра исторического повествования заключалась в том, что условия для его развития появились только на рубеже VII—VI вв. до н. э., когда в Элладе происходят глубинные социальные преобразования, явившиеся результатом ожесточенной классовой борьбы в греческих полисах. Эти процессы с особой силой проявились в

Ионии. В своем социальном и экономическом развитии ионийские города вырываются далеко вперед по сравнению с государствами материка(2).

Новое общество ощущает потребность в более детальной ориентации в окружающем мире, продиктованную практическими задачами. Оно интересуется как своим прошлым, так и тем, как живут иные далекие страны, и этой ясно выраженной потребности удовлетворяет возникающая проза. Так как литературный процесс в это время перестает быть формой коллективного самовыражения общины, в зарождающейся греческой прозе перед нами выступают авторы в своем индивидуальном облике.

Древнейшие произведения греческой прозы носили название λόγος, что значит «слово», «рассказ». Геродот употребляет этот термин, обозначая им обладающие тематическим единством части своего труда, а также весь труд (VII 152). Позднее этот термин приобрел много значений, но вначале он употреблялся для противопоставления прозаического слова поэтическому и вообще поэзии, например, в одах Пиндара (Руth. I, 94; Нем. VI, 39). В качестве литературного жанра логос отличался от басни, сказки и мифа (Платон в «Федоне» проводит четкое различие между λόγος и μῦθος)(3). Для логоса была характерна тенденция рассказывать о действительно встречающемся, но эта действительность на практике оказывалась смешанной с мифическими и просто фантастическими подробностями, представлявшими интерес для слушателей. Возможно, что прозаический логос в какой-то

мере отражал демократическую реакцию на аристократизм эпоса, возвеличивавшего басилевсов.

Образцы древнейшей ионийской прозы были историческими, мифологическими, этнографическими, географическими, морализирующими и естественнонаучными сочинениями, а также сборниками различного рода анекдотов и рассказов из жизни выдающихся людей. Естественно-географические сюжеты интересовали купцов и мореходов, исторические были важны при решении политических и территориальных споров. Немалую роль играла занимательность рассказа: величайший историк древности Фукидид противопоставлял свой труд сочинениям подобного рода как «лишенный басен» и «не столь приятный для слуха». Критикуя сочинения своих предшественников и современников, Фукидид называет их «логографами» (I, 21). По-видимому, это слово не было термином, означающим определенный литературный жанр. В Аттике IV в. до н. э. логографами чаще называли лиц, избравших своей профессией составление речей для выступающих в качестве истца или ответчика в судебном процессе. Отсюда можно сделать вывод, что в аттическом диалекте классической эпохи еще не было терминов, обозначающих различные жанры прозы, и историков просто причисляли к прозаикам. Аристотель в «Риторике» (II, 11, 7) отчетливо противопоставляет логографов поэтам, когда говорит о литературных произведениях, ставящих своей целью прославление чьих-то заслуг. Несмотря на то что термин «логограф» нельзя признать удачным, наука все же не

располагает другим сколько-нибудь удовлетворительным обозначением группы ранних греческих историков, писавших до Геродота и Фукидida или бывших их современниками(4).

Необходимо сразу же оговориться, что сочинение Геродота принципиально ничем особым не отличалось от сочинений его предшественников и современников: различие состояло лишь в уровне литературной одаренности и широте замысла.

ЛОГОГРАФЫ – ПЕРВЫЕ ИСТОРИКИ ЭЛЛАДЫ

Произведения логографов до нас не дошли, и сохранившиеся в составе сочинений более поздних авторов цитаты (за точность которых поручиться нельзя) не могут дать нам вполне ясного представления о характере греческой исторической прозы до Геродота(5). Практически греческая историография начинается для нас с Геродота, как поэзия — с Гомера. Но если в отношении предшественников Гомера мы вынуждены ограничиться общим утверждением *fuerunt ante Homerum poetae*, то, говоря о предшественниках Геродота, мы переходим от более или менее вероятных гипотез к реальным историческим данным. Подразумевая под логографами, как уже говорилось выше, конкретных греческих историков, писавших до него, Фукидид подчеркивает, что они стремились в своих сочинениях скорее к тому, чтобы вызвать интерес у слушателей, чем к истине (I, 21). Отсюда, между прочим, вытекает, что во времена Фукидida произведения историков чаще читались вслух при большом стечении слушателей, как это было с поэмами Гомера. Обращает на себя внимание и тот факт, что, говоря о творчестве логографов, Фукидид

употребляет термин *ξυντίθέναι* («составлять», «складывать») вместо термина *ξυγγράφειν* и делает это, вероятно, для того, чтобы подчеркнуть развлекательный характер сочинений. Знакомство с фрагментами сочинений логографов все же позволяет сделать заключение, что жанр исторического повествования ко времени Геродота получил значительное развитие. Еще во времена Дионисия Галикарнасского (конец I в. до н. э. — начало I в. н. э.) произведения логографов изучались и имели успех у читающей публики. В сочинении упомянутого автора, посвященном Фукидиду, мы находим развернутую характеристику их творчества: «Собираясь начать свое сочинение, посвященное Фукидиду, я хочу сказать несколько слов и о других историках, как принадлежавших к старшему поколению, так и о тех, которые жили в его время. На их фоне станет особенно ясным и направление его творчества, и сила, в нем заключенная. Большое количество историков жили в разных частях Эллады до Пелопоннессской войны. К их числу относятся Эвгеон с Самоса, Денох с Проконнеса, Эвдем с Пароса, Дамокл фигелеец, Гекатей милемянин, Акусилай из Аргоса, Харон из Лампсака, Мелесагор из Халкедона. Несколько ранее Пелопоннессской войны и до времени Фукидода жили Гелланик с Лесбоса, Дамаст сигеец, Ксеномед хиосец, Ксанф лидиец, и большое количество других. Направление их творчества было сходным в выборе и построении сюжета, и в отношении качества сочинений они также немногим отличались друг от друга. Одни из них описывали греческие дела, другие — варварские. Эти факты и события излагались ими не в тесной связи друг с другом, но

отдельно для каждого народа или государства. Они преследовали всегда одну цель: собрать воедино все предания отдельно для каждого народа или государства, которые сохранялись у местных жителей или были записаны в религиозных и светских книгах, ничего не добавляя к ним или убавляя от них. В этих сочинениях встречались мифы, дошедшие от древнейших времен, и некоторые сценического характера перипетии, кажущиеся весьма наивными нынешним людям. Стиль изложения был в основном одинаков у всех, кто избирал один и тот же диалект. Важнейшими особенностями их стиля были ясность, чистота, сжатость, выбор выражений в соответствии с темой, отсутствие всякой искусственности. Их произведения — одни в большей, другие в меньшей степени — носят на себе отпечаток какой-то свежести и прелести, являющейся причиной того, что они не исчезли и продолжают сохраняться» (Dion. Halic. Thuc. 5).

Перечисляя предшественников Фукидida, Дионисий Геродота не упоминает, но почти все из того, что сказано им о логографах, свойственно и самому «отцу истории».

Логографов принято делить на старших и младших. К первым принадлежит Гекатей, наиболее замечательный, по-видимому, из всех предшественников Геродота: стиль его считался образцом литературного ионийского диалекта ранней эпохи(6). Он был современником греко-персидских войн, в которых его родине, городу Милету, принадлежала на первых порах ведущая роль. О позиции, которую занимал Гекатей в разгорающемся восстании ионийских греков, ясно говорят следующие слова

Геродота: «Историк Гекатей вначале не советовал начинать войну против персидского царя, перечисляя все народы, над которыми властвовал Дарий, и указывая на его военную мощь. После того как он не сумел их убедить, он стал советовать грекам добиваться господства на море, указывая при этом, что добиться этого можно, если сделать следующее. Известно ведь, говорил он, что военные силы мильтян ничтожны. Но если взять сокровища из храма в Бранхидах, которые туда посвятил Крез Лидийский, то можно будет с полным основанием рассчитывать на установление господства греков на море» (V 36).

Из этого сообщения Геродота видно прежде всего, что Гекатей был человеком, обладавшим большими познаниями в географии. Действительно, из другого места сочинения Геродота мы узнаем, что он побывал в Египте, в Фивах, где выяснял свою генеалогию у тамошних жрецов (II 143). Сообщив об этом, Геродот, возможно не без иронии, добавляет, что Гекатей выводил свое происхождение от богов в шестнадцатом колене. Побывал Гекатей и в других странах, за что его еще в древности назвали ἀνὴρ πολυπλάκης — многостранствовавший муж (Agathemer. I, 1). По-видимому, он особенно интересовался Востоком, как можно заключить из сообщения Агатархида (*De rubro mari*, p. 48). Греки в те времена охотно совершали путешествия на Восток, в частности в Египет. Там побывали Солон, Фалес, Пифагор, позднее Демокрит, Эвдокс с Книда и многие другие.

Цитированный выше рассказ Геродота позволяет нам также сделать вывод, что Гекатей был человеком передовых взглядов, не побоявшимся посягнуть на сокровища, принадлежавшие божеству. Далее Геродот сообщает, что греки все же не приняли совета Гекатея из страха перед божеством.

Написанное Гекатеем сочинение, бывшее результатом его странствий, носило название «Обозрение земли» (*Τερίοδος γῆς*). Сочинение это состояло из двух книг (в одной описывалась Европа, в другой — Азия), и к нему была приложена географическая карта, одна из первых(7). Другое его произведение называлось «Генеалогии», и в нем описывались родословные древа людей, восходящие к богам. Интерес к генеалогическим исследованиям был тогда очень живым — до нас дошли надписи с возводимой к богам генеалогией отдельных лиц.

По собственным словам Гекатея, он описывал все, что казалось ему истинным и правдивым, так как рассказы греков слишком разнообразны и смешны, по крайней мере кажутся ему такими. Здесь мы ясно различаем элементы критического отношения Гекатея к мифам. Следствием этого были его попытки рационалистически осмысливать стариные сказания. Так, Кербер — мифическое чудовище, стерегущее Аид, — превращается у него в огромную змею, поселившуюся на мысе Тенар (т. е. там, где, по представлениям греков, находился вход в Аид). Этот же рационалистический подход заметен у Гекатея в его попытках этимологического истолкования имен, например: «Оресфей, сын Девкалиона, пришел в Этолию, чтобы захватить там царскую власть, и его собака родила

ствол, и он приказал закопать его, и из него выросла виноградная лоза со многими гроздьями. Поэтому и сына своего он назвал Фитием. А от него родился Ойней, получивший это имя от виноградной лозы, так как древние эллины называли виноградные лозы ойнами...»(8).

Отрывок, приведенный выше, является характерным образом стиля Гекатея, с его нанизывающей системой предложений — это стиль еще устного рассказа, простого и безыскусственного, что говорит о тесной связи творчества Гекатея с фольклором. «Милетские рассказы» (а Милет был родиной Гекатея) славились на протяжении всей античности. Все же Гекатей недостаточно владел литературной техникой. Он не умел, например, выделить прямую речь, как видно из следующего отрывка: «Кеик, считая это опасным, приказал Гераклидам немедленно удалиться из его страны. Ведь я не в силах вам помочь: идите к другому народу, чтобы и сами вы не погибли, и мне не было вреда...»(9).

Наиболее заметной фигурой среди младших логографов является Гелланик с острова Лесбоса, живший приблизительно в одно время с Геродотом, писавший также на ионийском диалекте, хотя его родным был эолийский. Он написал ряд исторических сочинений, в том числе хронику «Жрицы Геры Аргосской», где имя каждой жрицы связывалось с определенными событиями. Гелланик был первым, кто решил изложить историю Аттики — так называемую «Аттиду». Это было результатом возросшей роли Афинского государства в жизни

Эллады: его история стала темой, привлекавшей всеобщее внимание.

Некоторые из составленных Геллаником местных историй назывались именами героев-покровителей, эпонимов данной местности или государства. Сочинение «Девкалиония» излагало историю Фессалии и было названо по имени Девкалиона, потомком которого был Фессал, эпонимный герой Фессалии.

Другое сочинение Гелланика называлось «Троика» и рассказывало о мифах Троянского цикла. Основой повествования послужила здесь история рода Дарданидов, мифических царей Трои. Такая организация материала является вполне естественной для представителя общества, в котором родовые институты еще очень сильны.

Гелланик необычайно широко — больше, чем другие логографы, — использовал мифологический материал и писал не только в прозе, но и в стихах под влиянием скорее всего эпической поэзии.

Замечания Дионисия Галикарнасского и то, что сохранилось до нашего времени от творчества логографов, позволяют сделать следующие заключения об их творчестве:

1. Большинство первых прозаических писателей Эллады происходило из греческих городов Малой Азии или прилегающих островов, что объясняется высоким уровнем социального развития греческих полисов указанного района.
2. Сочинения их излагали историю отдельных городов или местностей Эллады, за немногими исключениями.

3. Произведения логографов содержали в себе множество отступлений от основной темы, представлявших собой экскурсы на мифологические, географические, этнографические темы.

4. Характерной особенностью творчества логографов было рационалистическое истолкование мифов и легенд, свидетельствовавшее о зачатках научной критики.

5. Источниками для их сочинений служили прежде всего эпические поэмы, затем различного рода предания, сохранявшиеся в народе, религиозные и светские книги, хроники, материалы надписей. Но особенно большую роль играло собственное наблюдение и осмысление фактов, расспросы и исследование, что вначале и выражалось термином «история».

6. Установление строго соответствующей фактам исторической истины не было главной задачей логографов, стремившихся не столько к достоверности, сколько к красочности и литературности изложения. Их сочинения были в большей мере художественными, чем научными сочинениями.

Собрания отрывков сочинений логографов, из которых лучшими являются издание Якоби (F. Jacoby. Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin—Leiden, 1923) и не потерявшее своего научного значения собрание Мюллера в пяти томах (C. Müller. Fragmenta historicorum graecorum. Р., 1868—1883), ценные не только тем, что они сами по себе содержат, но важны и потому, что позволяют судить о литературном

движении, наиболее ярким представителем которого явился Геродот.

ЖИЗНЬ И СТРАНСТВИЯ ГЕРОДОТА

Уже в древности труд Геродота относили к самым замечательным произведениям историографии. Аристотель в «Поэтике» (IX), устанавливая принципиальное отличие истории от поэзии, приводит в пример Геродота, считая его, очевидно, наиболее выдающимся историком. Причиной были не только его научные заслуги, но и блестящий талант рассказчика, мастера художественной прозы, сумевшего из самых разнообразных материалов — собственных наблюдений и изысканий, легенд, мифов, исторических анекдотов, устных рассказов, документальных данных, трудов своих предшественников и т. п. создать яркое и цельное по своему характеру произведение. Оно было делом всей его жизни, и в нем он рассказал о событиях величайшего мирового значения — греко-персидских войнах, предопределивших весь ход исторического процесса в Элладе. В то же время труд Геродота удивительно верно и полно отражает черты греческого национального характера той далекой поры.

Прожитая им жизнь, а особенно обширные и длительные путешествия наложили свой отпечаток на его произведение. К сожалению, биографические данные о нем являются крайне скучными: по существу мы располагаем только краткими, малосодержательными и не очень точными справками в статьях словаря *Суды Ἡρόδοτος, Ταχύασις, Ἐλλάνικος*). Некоторое представление о его путешествиях можно

получить из его труда. Время его рождения обычно устанавливается на основании цитаты из сочинения писательницы Памфилы, жившей при императоре Нероне (Aul. Gell. N. A. XV, 23). Она сообщает, что к началу Пелопоннесской войны Геродоту было 53 года. Так как эта война началась в 431 г. до н. э., мы получаем 484 г. до н. э. как дату рождения историка(10).

То, что Пелопоннесская война началась еще при жизни Геродота, видно из рассказа о вторжении спартанцев в Аттику в начале войны и опустошениях, которые они там учинили (IX 73). Так как Геродот знает о выселении жителей Эгинь в 431 г. до н. э. (VI 91), но ни словом не упоминает об их истреблении в 424 г., становится ясно, как островумно заключил Якоби, что к этому времени историка уже не было в живых(11).

Он не упоминает и о персидском царе Дарии II, правившем с 425 г. до н. э., что при живом интересе «отца истории» к Востоку, и особенно к Персии, вряд ли могло бы иметь место, если бы этот царь вступил на престол при его жизни.

Следовательно, Геродот умер между 431—425 гг. до н. э. Указанные даты его жизни подтверждаются и общими соображениями, вытекающими из содержания его труда. Описывая события греко-персидских войн, он часто ссылается на устные рассказы участников и очевидцев, людей старшего поколения.

Родина Геродота, малоазиатский город Галикарнасс, был основан греками дорического племени, но там жили и многие

представители местного племени карийцев, смешавшиеся с греками. Карийское имя носил отец Геродота Ликс и дядя его (или двоюродный брат) Паниасид. Последнего предание причисляет к выдающимся эпическим поэтам, и это дает основание предполагать, что занятие литературным творчеством было традиционным в семье историка(12). В Галикарнассе он с детского возраста наблюдал, как прибываю в гавань корабли из самых отдаленных стран Востока и Запада, и это могло заронить в его душу желание познать далекие и неведомые страны.

В молодом возрасте он принял участие в политической борьбе, выступив против Лигдамида, тирана Галикарнасса. В этой борьбе погиб его дядя Паниасид, сам же Геродот оказался вынужденным покинуть родину.

Он прибыл на остров Самос, который был одним из самых богатых и развитых ионийских государств. Мощный флот Самоса в недавнем прошлом контролировал морские пути в Западном Средиземноморье. Живя там, любознательный и общительный галикарнассец, быстро освоился с интересами тамошней жизни. В своем труде он обнаруживает прекрасную осведомленность в местной истории. Наиболее ярко это проявляется в его рассказе о гибели самосского тирана Поликрата, в связи с которой он приводит различные варианты традиции. Он знает даже, где Поликрат принимал прибывшего к нему вестника от персидского наместника Оройта, как протекала беседа (III 120)(13). К этому гостеприимному острову, приютившему его в трудную минуту жизни, он

относился с особой любовью, поэтому он назвал его «наиболее выдающимся (πρώτη) из греческих и варварских государств» (III 139).

Вскоре предприимчивый галикарнассец покинул Самос и отправился в дальнейшие путешествия. Для него началась жизнь, полная странствий: он путешествовал по суше и плыл на корабле (желая точнее узнать об египетском божестве Геракле, он отплыл в финикийский город Тир) (II 44). Когда, в каком порядке и на какие средства он совершал свои путешествия, при данном состоянии источников установить нельзя(14). Они длились, по-видимому, не менее 10 лет, если учитывать дальность его путешествия и тогдашние транспортные средства. Поскольку около 445 г. он уже читал в Афинах части своего труда и получил за это награду(15), можно допустить, что время путешествий Геродота падает на 455—445 гг.(16).

Более всего Геродота привлекал Восток, культурные достижения которого вызывали у него нескрываемое восхищение. Он объездил огромное пространство от Ливии до Вавилона, Ассирии и Акбатан (I 98; V 89 — наибольшую из крепостных стен Акбатан он сравнивает с обводной стеной в Афинах). Особенно его поразило виденное в Египте, где он пробыл три месяца, поднявшись вверх по Нилу до острова Элефантины. Отсюда он отправился в дальнейшие путешествия. Обширную информацию в Египте он собирал как от местных греков и смешанного греко-туземного населения, так и от жрецов (пользуясь, разумеется, услугами переводчиков: в Египте их

оказалось так много, что он принял их за особое сословие — II 164).

Второй район путешествий Геродота обнимает собой Малую Азию, Геллеспонт и Северное Причерноморье до милемской колонии Ольвии, расположенной в устье Днепро-Бугского лимана. Труд его обнаруживает хорошее знакомство автора с Эфесом, долиной Меандра, Сардами, Тевтранией, Илионом, Лесбосом, Геллеспонтом. Об Ольвии он рассказывает как очевидец, называя имена людей, с которыми он там беседовал.

Третьим районом путешествий Геродота были греческие государства Балканского полуострова и островов Эгейского моря. Он прекрасно ориентируется в районах Аттики и в самих Афинах (ср., например, V 77, где он как очевидец описывает посвящения на афинском акрополе), был в Фивах (V 59: «Кадмейские письмена я сам видел в храме Аполлона Именского в беотийских Фивах») и Дельфах. Ему хорошо известны посвящения Креза в Дельфы, их местоположение: среди них он называет золотую кропильницу с надписью, сделанной спартанцами, в которой они называют себя жертвователями. «На самом деле и эта чаша — дар Креза, а надпись начертал один из дельфийцев в угоду лакедемонянам: имя его я знаю, но не назову» (I 51). Как справедливо отмечает С. Я. Лурье, такую информацию мог иметь писатель, ставший в Дельфах своим человеком (17). По-видимому, Геродот объездил и Пелопоннес, побывав на Истме, где он видел захваченную греками в бою финикийскую трирему, посвященную богам (VIII 121), в Сикионе, где он посетил

святилище Адраста (V 67), в Тегее (ср. IX 70, где говорится о посвящениях в храме Афины Алеи). Он побывал и на островах — Делосе (II 170), Фасосе, Закинфе и многих других.

Не оставил он без внимания и север Балканского полуострова. Характер описаний, относящихся к Македонии и Фракии, таков, что они могли быть сделаны только очевидцем (ср. V 17). К правящей династии Македонии автор проявляет особую симпатию, всячески стараясь завуалировать персофильскую позицию царей Македонии в греко-персидских войнах. Как человек, охотно и много странствовавший, а также близкий к правящим политическим кругам в Афинах(18), Геродот принял участие в основании общеэллинской колонии Фурии. Стремясь упрочить влияние Афинского морского союза на юге Италии и одновременно сплотить всех эллинов вокруг Афин, Перикл в середине 40-х годов V в. до н. э. задумал основать на месте разрушенного кротонцами города Сибариса колонию афинян и их союзников. К участию в этом предприятии приглашались все желающие. За деятельное участие в руководстве основанием Фурий Геродот был прозван фурийцем, и это имя сохранилось за ним у ряда античных авторов(19). Вместе с Геродотом участие в основании колонии приняли философ Промагор, афинский политический деятель Ксенократ, милемский архитектор Гипподам. Вероятно, уже живя в Фуриях, историк совершил путешествия по западной части Средиземноморья и побывал в Сицилии (Сиракузах — VII 153).

В Фуриях, однако, вскоре началась борьба между проафинскими и проспартанскими элементами(20). Геродот нигде не

упоминает этой колонии, но хорошо знает местность, где она была основана. Он называет Сибарис (V 44—45; VI 21), Метапонт (IV 15), знаком с местными сюжетами Кротона (история Демокеда — III 129—138), Тарента (Арион — I 24). Мы находим у него сравнение Скифии с югом Италии (IV 99).

Обстоятельства смерти Геродота точно неизвестны. Не исключено, что из Фурий он вернулся в Афины, где и умер, как предполагает Майрс(21).

ТЕМА И КОМПОЗИЦИЯ ТРУДА ГЕРОДОТА

В античности произведение Геродота обычно цитировали как «Истории» (так оно названо в Линдосской хронике)(22).

Предполагают, что свой труд он выпустил в свет в Фуриях, но точных данных на этот счет традиция не сохранила.

Аристотель в «Риторике» (III, 9, 2) следующим образом цитирует начало труда Геродота: Ἕροδότου Θουρίου ἥδ' ιστορίης ἀπόδεξις (Геродот фуриец, представляет нижеследующее изыскание). У Аристотеля Геродот называет себя фурийцем, но за точность цитирования здесь поручиться нельзя. Во всех дошедших до нас рукописях это же начало сохранилось в следующей редакции: Ἕροδότου Ἀλικαρνασσέος ιστορίης ἀπόδεξις ἦσε (Это есть изложение исследования Геродота галикарнасса). Так как Аристотель даже переставил слова, можно допустить, что он цитировал это начало по памяти. Плутарх в своем трактате «О злонравии Геродота» (35) пишет: «Человеку, который считает себя галикарнассыем, хотя другие и называют его фурийцем...» (см. также: De exil. 13). Отсюда видно, что Плутарх был склонен

цитировать начало труда Геродота в том виде, как оно сохранилось до нашего времени. Так как Плутарх был выдающимся ученым и библиофилом (он обладал одной из лучших библиотек в Греции), следует считать, что у него был проверенный экземпляр труда Геродота, восходящий к авторскому оригиналу и редакции(23).

с.469 В этом знаменитом введении Геродот говорит о теме своего труда: «Это есть изложение исследования Геродота галикарнассца, [представленное] для того, чтобы от времени не изгладилось в памяти все, что совершено людьми, а также чтобы не заглохла слава о великих и достойных удивления действиях, совершенных частью элинами, частью варварами, что касается как всего остального, так и причины, по которой между ними возникла война»(24).

Смысл этого знаменитого введения Майрс интерпретирует следующим образом:

1. То, что совершено людьми, обладает ценностью для человечества и достойно того, чтобы спасти его от забвения.
2. Великие подвиги не являются монополией какого-либо одного народа, и это относится также к греко-персидским войнам, которые имеют здесь в виду Геродот.
3. Эти подвиги не являются случайностью, но имеют свои причины, которым должно быть дано объяснение. Настоящее обусловлено прошлым, а прошлое имеет ценность для настоящего, как опыт, могущий быть использованным в будущем(25).

Ставя перед собой задачу описать «совершенное людьми», Геродот следовал эпической поэзии, воспевавшей κλέα ἀνδρῶν — славу мужей (ср.: Ном. Од. VIII, 73)(26). Но главная цель труда Геродота, подчеркнутая в конце цитированного введения, заключалась в описании войны между эллинами и варварами, т. е. греко-персидских войн(27). Замысел этот обладал особой привлекательностью и новизной. Пришел ли он к этой идеи до того, как приступить к созданию своего труда, или же он подходил к ней постепенно, по мере накопления материала? Иными словами, какова история труда Геродота?

Якоби (которому в данном вопросе следует и С. Я. Лурье) убедительно доказывал, что труд Геродота не был составлен по заранее продуманному плану, но постепенно вырастал и оформлялся по мере накопления материала(28). Основанием для такого предположения служит то обстоятельство, что сам Геродот придавал значение самостоятельных произведений тем частям своего труда, которые обладают тематическим единством. Он постоянно ссылается на отдельные логосы — египетский, скифский и т. п., которые, как предполагают некоторые исследователи, были написаны им до создания своего универсального труда(29). Среди них мы встречаем две ссылки на ассирийский логос (I 106,184), которого труд Геродота не содержит. Возможно, что Геродот закончил его, но не включил в окончательную редакцию своего труда, так как он выпадал из общей схемы: Ассирия не успела стать объектом персидских завоеваний, будучи задолго до образования персидской державы разгромлена войсками мидян (а Геродот поочередно описывает

те страны, которые захватили Ахемениды начиная с основателя династии Кира до похода Ксеркса на Элладу). Иногда Геродот отсылает читателя к определенным частям своего труда, основываясь на своем авторском делении (V 36: «Как было показано мною в первом логосе»; ср. также I 175; II 38; VI 39), но выяснить, каким оно было, не представляется возможным(30). По-видимому, Геродот готовил части своего труда таким образом, что они обладали известной самостоятельностью. Но поручиться за то, что он с самого начала работы имел уже готовый план всего произведения, как оно сохранилось до нашего времени, нельзя.

Сейчас уже трудно себе представить, как технически осуществлялась работа «отца истории» над своим произведением. Вряд ли все, что мы находим в его труде, было написано автором по памяти. Скорее всего, бывая в разных странах и городах, Геродот составлял для себя краткие заметки. Позднее они подвергались литературной обработке, и так возникали логосы. Первоначально собранный материал дополнялся на основании других источников (литературных, документальных, устных рассказов и т. п.). В составе египетского логоса мы можем выделить сюжеты, развернутые до размера новеллы (как, например, рассказ о сокровищнице Рамисинита — II 121) и оставшиеся краткими заметками (как рассказ о царице Нитокрисе — II 100). Али назвал его «кратким рефератом»(31). Овett предполагал, что Геродот взял с собой в Фурии эти записки и только там стал писать свой труд(32). Однако это предположение противоречит

античной традиции, согласно которой он в 445 г. до н. э. уже читал в Афинах часть своего труда.

Композиционно все произведение Геродота делится на две части(33). Первая, заканчивающаяся главой 27 пятой книги, излагает историю Лидии в связи с походами Кира, подробно рассказывает о Египте, ставшем объектом завоевательного похода сына Кира Камбиса, повествует о внутренней истории Персии в связи с воцарением Дария; далее описывается поход Дария против скифов (и поэтому детально рассказывается о Скифии). К этой же части труда примыкают ливийский (персы собирались завоевать Ливию) и фракийский логосы. Вся первая часть представляет собой как бы разросшееся введение, в котором преобладают этнографические и географические экскурсы. Разделы ее в значительной мере самостоятельны: мы ясно выделяем здесь лидийский, египетский, скифский, киренский, ливийский и фракийский логосы.

Вторая часть, которую следует считать главной, посвящена истории греко-персидских войн. Она распадается на три раздела. Первый излагает события ионийского восстания (V 28 – VI 32), второй рассказывает о походе Дария, «мстившего» материковым грекам за помощь, оказанную восставшим ионийцам («афиняне и эретрийцы оказали им помощь кораблями, и эти корабли положили начало бедам, выпавшим на долю эллинам и варварам» – VI 97), третий содержит историю похода Ксеркса. Описанием сражения при Сесме труд Геродота заканчивается, вернее, обрывается. Является ли это результатом несовершенства литературной техники или же

Геродот просто не успел его закончить — решить этот вопрос со всей определенностью нельзя, но есть основания предполагать, что Геродот собирался продолжать свой труд. В VII 213 он обещает рассказать о смерти предателя Эфиальта в «последующих логосах», но сделать этого, по-видимому, не успел.

Таким образом, в композиции труда Геродота сочетается традиционный περίοδος γῆς с носящим новаторский характер замыслом — описанием греко-персидских войн. Возможно, что к этому замыслу он пришел во время своего пребывания в Афинах.

В эту схему, саму по себе довольно сложную и разветвленную, включены многочисленные отступления и экскурсы, которые Геродот сам называет «дополнениями» (προσθήκαι) и говорит о них, как о характерном признаке своего труда с самого его начала (IV 30). Благодаря этим отступлениям его труд содержит колоссальное богатство материала. Перед читателем открывается обширный мир древних цивилизаций Востока и Запада, в который автор проникает с наивным и жадным любопытством ионийского грека, пытающегося осмысливать со своей эллинской точки зрения все то, что он видит и слышит. Удивительные происшествия, случаи из жизни великих людей и правителей (или даже обыкновенных смертных), странные с точки зрения грека обычай варварских народов, колоссальные сооружения, поразительные явления природы, невиданные животные и растения — обо всем

старается автор рассказывать, не упуская из виду главную сюжетную линию, образующую обрамление.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ИСТОРИИ» ГЕРОДОТА

С художественной точки зрения стиль Геродота принято называть новеллистическим. Принять форму новеллы мог исторический факт, предание, легенда, сказка и даже басня. К характерным чертам новеллы у Геродота относятся ее историческое обрамление, сжатость формы, отточенная, меткая и часто афористическая речь, логическая и художественная полнозначность деталей. Мы сталкиваемся здесь с рельефно очерченными характерами, перед нами выступают иногда типические фигуры в типических обстоятельствах (например, придворные, предостерегающие своих властителей, — Санданис у Креза — I 71, Артабан у Ксеркса — VII 8, Артабаз у Мардония — IX 41). С народными устными рассказами Геродота связывает помимо синтаксических особенностей языка и пристрастие к вещим с нам, чудесным предзнаменованиям, излюбленным числам. Кроме устного народного творчества, влияние которого на Геродота было очень сильным, он испытал на себе и влияние ионийской литературной традиции, в частности того жанра, который в древности назывался «милетскими рассказами»(34).

Сюжетной законченностью и высокими художественными достоинствами обладают новеллы о сокровищнице Рамисините (II 121), о Солоне и Крезе (I 29), о жене перса Интаферна (III 118), о Периандре и его сыне Ликофроне (III 50), о Поликрате

(III 125), о Кипселе и Периандре с.473 (V 92), о происхождении спартанского царя Демарата (VI 61), проникнутая тонким юмором новелла о сватовстве к Агаристе (VI 126), новелла о Ксерксе, его брате Масисте и Артаинте (IX 108), которую С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 203) назвал «жутким романом».

Одним из наиболее ярких образцов новеллистического искусства Геродота может служить новелла о лидийском царе Кандавле, его жене и хитром оруженосце Гигесе (I 7—13). Она особенно интересна тем, что мы можем указать на ее источник — народную лидийскую легенду-сказку, объяснявшую происхождение сказочных богатств лидийского царя Гигеса(35). В варианте, близком, по-видимому, к фольклорному, она приведена в «Государстве» Платона (II, 359 D). Там рассказывается, как пастух Гигес приобрел волшебное кольцо, которое делало его невидимым. Сумев обольстить жену лидийского царя, он вместе с ней убил последнего и захватил власть в государстве.

Геродот отбросил сказочный элемент, и действие его новеллы носит реалистический характер. Лидийский царь Кандавл решил похвальтись красотой своей жены, показав ее обнаженной своему телохранителю Гигесу, и оскорбленная женщина заставила Гигеса убить ее супруга и жениться на ней. Сжатость формы не помешала вылепить яркие и полнокровные образы: перед нами как живые высступают глупый и хвастливый царь Кандавл, его хитрый оруженосец, пылкая, решительная и гордая жена Кандавла — настоящая лидийская Клитемнестра.

Не менее замечателен тонкий юмор, разлитый по всей новелле, проникнутой поистине антической солью: он придает ей особую привлекательность. Растерявшийся вначале, но затем быстро оценивший обстановку Гигес забавен, еще более смешон Кандавл, с настойчивостью глупца добивавшийся осуществления своего замысла, приведшего его к столь печальному концу. Юмор подчеркнут авторскими ремарками («суждено, видно, было Кандавлу попасть в беду»), трижды повторяется своеобразная альтернатива, предложенная женой Кандавла Гигесу («или, убив Кандавла, получить и меня и лидийское царство, или самому сейчас же умереть»).

Заметно ироническое отношение грека к некоторым восточным обычаям(36). Стыд, который вызывало у варваров обнаженное тело, мог показаться греку, проводившему большую часть дня обнаженным на палестре, нелепым и смешным предрассудком.

Вся новелла носит ясный отпечаток драматизации. Мы находим в ней пролог, действие, развязку(37). Историческое обрамление ее напоминает логографов: исследуется генеалогия лидийских царей, возводимая к Гераклу. Характерна и интонация новеллы, рассчитанная на устное произношение, нанизывающее построение фраз, свойственное народным сказкам («...воцарился Кандавл, сын Мирса... Этот вот Кандавл был страстно влюблен в свою жену... любя ее, он считал...»).

Черты народной сказки в еще большей степени свойственны новелле о сокровищнице Рамисинита. Для оживления рассказа «Геродот чередует веселые сцены с мрачными, жестокими

происшествиями — например, ужасное вынужденное братоубийство со сценой спаивания сторожей» (38). Он стремится рассказать об удивительном (39), поражающем воображение, и с наивным простодушием готов удивляться всему: и победам олимпиоников (VI 36, 103; VIII 47), и победам полководцев (IX 64), открытию искусства дифирамба наравне с пайкой металлов (I 23, 25).

Манера исторического повествования Геродота неотделима от его новеллистического стиля. Античная историография до самого конца своего существования чаще всего ставила перед собой иные задачи, чем современная: ее больше занимала художественная сторона, чем достоверность сообщаемых фактов и научность их интерпретации. Лишь в редких случаях она поднимается до истинного понимания причин событий, научного анализа или широких обобщений. Труд Геродота не составляет исключения из этого правила. Исторические деятели, выведенные в нем, выступают перед нами произносящими речи, спорящими, советующимися с богами. Характерным примером такой драматизации может служить рассказ о подготовке похода Ксеркса. Он открывается сценой совещания при царе, на котором выступают самые знаменные персы (VII 8). Мы встречаем среди них сторонников похода (Мардоний) и его противников (Артабан). Речи царя и лиц, выступающих в совете, построены с большим искусством, содержат обильную аргументацию и украшены сравнениями, делающими доводы выступающих особенно убедительными. Ксеркс гневно отчитывает Артабана, не советующего

выступать в поход. Однако ночью Ксерксу снится вещий сон, побуждающий его не отменять похода. Сон этот повторяется. Тогда Ксеркс призывает Артабана и приказывает ему надеть его, Ксеркса, плащ, усесться на трон и затем улечься спать на царское ложе — не приснится ли и ему такой же сон. Артабан вынужден исполнить царский приказ, ему снится все том же губительный сон (οὐλός ὄνειρος Гомера — Илиада II, 6). Под влиянием этого сна Артабан меняет свое мнение. Наконец, Ксерксу снится еще один вещий сон, который маги толкуют в том смысле, что Ксеркс поработит весь мир. Так богиня безумия Ама заставляет Ксеркса совершить тот дерзостный поступок (поход на Элладу), за который он будет наказан богами.

Необходимо, однако, отметить, что изложение истории похода Ксеркса, сохраняя черты новеллистического стиля, стоит уже ближе к научно-повествовательному рассказу в том его виде, как он представлен в античной историографии.

ГЕРОДОТ — ИСТОРИК СОВРЕМЕННОСТИ

Поход Ксеркса стоит в центре всего повествования Геродота. Пытливый ум «отца истории» поднимается здесь до проникновенных обобщений, и перед нами чаще выступает уже не художник, а ученый, трезвым и острым умом исследующий факты и устанавливющий их значение, оригинально и глубоко мыслящий. Критическое суждение автора достигает, может быть, наибольшей остроты при оценке роли Афин в победном исходе сражений 480/479 г. до н. э.: «Здесь я оказываюсь вынужденным высказать мнение, которое вызовет недовольство

большинства людей. Тем не менее я не хочу его скрывать, ибо оно представляется мне соответствующим истине. Если бы афиняне из страха перед надвигающейся опасностью покинули свою родину или даже если бы они ее не покинули, а остались бы и добровольно подчинились Ксерксу, никто не осмелился бы выступить на море против персидского царя. А если бы никто не противостоял Ксерксу на море, то и на сушу произошло бы то же самое. Пусть пелопоннесцы воздвигли бы несколько крепостных стен в качестве линий обороны на Истме, союзники все равно оставили бы лакедемонян, сделав это не по своей доброй воле, а в силу необходимости, так как их города захватывали бы поодиночке эскадры врага...» (VII 139) (40).

Если первые четыре книги и начало пятой (до гл. 27) можно назвать повествованием о прошлом Эллады и цивилизаций Востока, связанных с ней, то последующая часть «Истории» может быть определена как история современности. Она посвящена событиям, память о которых была свежа в умах старших современников Геродота, — истории греко-персидских войн.

Чем ближе к современности, тем более уверенным чувствовал себя автор (история греко-персидских войн является наиболее достоверной частью его труда). Но и здесь у него много различных вещих предзнаменований, сбывающихся оракулов, чудесных событий и совпадений. Дает себя знать и отсутствие надлежащей точности в цифровых данных — чего стоит, например, его сообщение о пяти миллионах воинов в армии Ксеркса! Современные ученые уменьшают эту цифру в

50 раз. Справедливость, однако, требует отметить, что он стремился к точному описанию сражений и посетил поля сражений при Марафоне, Платеях и др. Новейшие историко-топографические исследования поля Марафонского сражения подтверждают рассказ Геродота. В. К. Притчетт в своей монографии «Марафон» показывает, что данные Геродота о том, что расстояние между враждующими армиями перед началом атаки афинских голливотов равнялось 8 стадиям (VI 112), соответствуют истине(41). Это тем более важно, что Геродот описывал сражение через несколько десятков лет после того, как оно произошло, и источники, которыми он пользовался, были далеко не совершенными. Картина морской битвы при Саламине, нарисованная им, подтверждается другими источниками — например, трагедией Эсхила «Персы»(42).

Освободительная война, которую греки вели против огромной персидской державы, описана им без всякого намека на то, чтобы как-то очернить врага или намеренно исказить факты в угоду предвзятой концепции (то же можно сказать о «Персах» Эсхила). Заметна превосходная ориентированность автора не только в событиях внутренней истории Элады, но и в персидских делах (сказывалось его происхождение из Галикарнаса, входившего в состав персидской державы).

Правители Галикарнаса стояли в особо близких отношениях к персидскому двору: это видно из рассказа о той роли, которую играла Артемисия, правительница Галикарнаса, при дворе Ксеркса.

В основу изложения истории конфликта положена наивная концепция, согласно которой отношения между враждующими сторонами определялись древним первобытным принципом «око за око, зуб за зуб». Эти счеты начались еще в мифические времена, причем агрессором тогда оказались не варвары, а греки (I 4); но далее (I 6) агрессором выступает лидийский царь Крез, первым начавший «несправедливые дела» против эллинов. Взаимная вражда обострилась во время восстания ионийских греков. Им оказали помощь Эретрия и Афины, приславшие 25 кораблей. Так как поход Мардония потерпел неудачу, «Дарий назначил для войны с Эретрией и Афинами других полководцев» (V 94). Отсюда видно, что Геродот искренне считал, будто Дарий собирался вести войну именно с этими двумя греческими государствами. Историк мог мотивировать это тем, что персы вначале высадились в Эретрии (VI 98) и уже после того, как они овладели этим городом, они направились в Аттику (VI 102).

Защищая свою свободу и независимость, греки совершили величайшие подвиги. Но Геродот далек от того, чтобы исказить историческую истину и умолчать о тех греческих государствах, которые изъявили готовность подчиниться персам (став, таким образом, уже в глазах греков того времени предателями общегосударственного дела). Порицая действия одних и отдавая должное мужеству и героизму других, Геродот строго дифференцированно обрисовывает позицию различных полисов Эллады в ходе войны. Свет и тени в своем огромном историческом полотне он распределил под сильным

влиянием политической ситуации, сложившейся к тому времени, когда он писал свой труд. Это было время назревания Пелопоннесской войны, когда политические противоречия между двумя сильнейшими политическими объединениями Эллады — Афинским и Пелопоннесским союзами — достигли крайнего обострения и перешли в открытые военные действия. Можно с уверенностью утверждать, что «отец истории» был сторонником Афин и выражал в своем труде главным образом афинскую точку зрения на все то, что происходило тогда в Элладе.

Причина заключалась в том, что Афины стали второй родиной Геродота. Историк не только подолгу жил в этом городе, но входил в кружок наиболее выдающихся деятелей культуры и науки, который группировался вокруг Перикла. Туда входили художник Фидий, поэт Софокл, философ Анаксагор. Возможно, что именно эти обстоятельства сыграли решающую роль в выборе им темы своего сочинения. Афины были ведущей политической силой Эллады во время греко-персидских войн, организатором борьбы против персов (Геродот прямо называет афинян спасителями Эллады — VII 139).

Партия Перикла всячески подчеркивала эти заслуги Афин. Это отразилось в памятниках эпохи. Весь архитектурный ансамбль акрополя был задуман как величественный памятник борьбы и победы Афин и всех греков над огромной персидской державой. Ансамбль представлял собой чудо архитектуры и должен был привлекать в Афины греков со всех частей тогдашнего цивилизованного мира, оказывая на них определенное

идеологическое воздействие. Труд Геродота, посвященный этой же теме, должен был особенно импонировать вождям демократических Афин и прежде всего Периклу, мечтавшему об объединении Эллады вокруг Афин и поэтому оказывавшему всяческое содействие тому, что способствовало прославлению Афин и их подвига в греко-персидских войнах. Геродот в своем труде восхваляет род Перикла, называя его деда Клисфена человеком, который учредил афинские филы и установил демократию (VI 131). В этом же месте он описывает, как матери Перикла Агаристе (названной так по имени) знаменитой Агаристы, дочери сикионского тирана Клисфена) приснился сон, будто она родила льва. Через несколько дней она родила сына Перикла. Можно выразить сомнение, действительно ли приснился подобный сон Агаристе (С. Я. Лурье квалифицировал это сообщение как попытку канонизировать Перикла в духе древнего популярного в Афинах предсказания)(43), но нельзя отказать Геродоту в том, что он нашел эффективную форму для прославления вождя афинской демократии.

В свете этих обстоятельств станет ясным, почему те государства, которые к началу Пелопоннесской войны занимали враждебную Афинам позицию, изображены в отрицательном свете, если они в ходе греко-персидских войн выступали с персофильских позиций или хотя бы стремились сохранить нейтралитет.

Главными врагами Афин к началу Пелопоннесской войны были Фивы, Спарта, Коринф. Геродот сообщает, что именно

фиванцы дали послам персидского царя «землю и воду», т. е. признали себя подданными Персии, и всячески подчеркивает их персофильство (ср. IX 28, 40, 41, 86—88). Рассказывая о том, что фиванцы оказались ревностными сторонниками персов и даже воевали на их стороне, он старается их унизить, изобличая в трусости: «Каждый раз они шли вперед до схватки, но потом их место заступали персы и мидяне, которые преимущественно перед всеми совершали чудеса храбрости» (IX 40). Но нельзя не отметить (и это характерно для «отца истории», стремившегося к объективной истине), что чувство справедливости не позволило ему умолчать о 400 фиванцах, защищавших от персов Фермопилы в отряде спартанского царя Леонида (VII 202). Леонид призывал их принять участие в войне с целью испытать фиванцев, и, по словам Геродота, фиванцы послали ему людей, хотя были настроены иначе (VII 205). Возможно, что информацию Геродот получил из кругов, враждебных фиванцам. Одним из информаторов, имя которого он называет, был житель беотийского города Орхомена Терсандр, «один из первых граждан» (IX 16). В этом месте историк рассказывает о пиршестве, которое фиванец Аиттагин, связанный с персами, устроил в честь Мардония и знатнейших персов. Рассказавший об этом пиршестве Терсандр старался подчеркнуть, будто персы предчувствовали свое поражение.

Главной силой в Пелопоннесском союзе, столкнувшемся с Афинским морским союзом во время Пелопоннесской войны, была не столько Спарта, сколько Коринф, обладавший большим

экономическим потенциалом и соперничавший с Афинами в их торговой экспансии на Запад. Коринфяне были заклятыми врагами Афин, и Геродот усердно передает все слухи, порочившие поведение коринфян в греко-персидских войнах. По единодушному мнению греков, самым замечательным героем Саламинского сражения был коринфский адмирал Адимант, но Геродот рисует его трусом и изменником, пытавшимся бежать с поля боя. Совершенно ясно, что Геродот получал здесь информацию из враждебного Коринфу источника.

Напротив, Аргос, который также занимал откровенно персофильскую позицию в греко-персидских войнах, историк пытается всячески обелить. Аргос был главным союзником Афин в Пелопоннессе, его соединяли с Афинами традиционные узы дружбы. Для того чтобы не брать полностью на себя ответственность, Геродот старательно передает все то, чем аргосцы впоследствии пытались оправдать свое поведение. Прежде всего они ссылались на дельфийский оракул, запретивший им принимать участие в войне против персов (VII 148). Если учитывать персофильскую позицию дельфийского жречества, в этом нет ничего невероятного. Кроме того, сами персидские послы, прибывшие в Аргос, объявили аргосцам, что персидские цари состоят в теснейших родственных связях с ними, ибо их предок Персей был аргосским героем (VII 50). Этот аргумент был скорее всего выдуман позднее самими аргосцами. Надуманный характер его был ясен самому автору, тут же поспешившему заявить, что «есть и другой распространенный в Элладе рассказ, что именно они

(аргосцы, — В. Б.) пригласили царя пойти на Элладу, после того как война их с лакедемонянами оказалась несчастной, ибо они готовы были все предпочтеть своему тогдашнему несчастному положению» (VII 52). Но даже и в этих словах мы можем уловить оттенок сочувствия аргосцам(44).

Та часть «Истории», в которой излагаются события, близкие к современности, может дать нам представление и о политических взглядах автора. Он не был демократом в том смысле, как понимали этот термин в Афинах времени Пелопоннессской войны сторонники партии Клеона, но считал более приемлемой для себя демократию, чем тиранию, как показывает, например, влагаемое в уста Гистиея заявление, что каждый город в Малой Азии предпочтет господству тирана власть демократии (IV 137). Многое при этом определяла близость Геродота к партии Перикла. Последний происходил из рода Алкмеонидов, и Геродот делает все для того, чтобы представить членов этого рода в самом выгодном свете. По-видимому, в Афинах ходили слухи о связях этого рода с персами, и Геродот передает легенду, будто Алкмеониды подали персам сигнал щитом, когда те после Марафонской битвы направились к Афинам (VI 115). Но далее Геродот называет эти слухи клеветой (VI 123) на том основании, что Алкмеониды ненавидели тиранов и были освободителями Афин в гораздо большей степени, чем Гармодий и Аристогитон(45). Заявление это исходило из кругов, близких к Периклу. Ход рассуждения Геродота здесь ясен: в персидском войске находился тиран Гиппий, изгнанный из Афин, и персы намеревались

поставить его у власти в Афинах, как видно из речи Мильтиада («если они будут покорены персами, то часть их решена — они будут отданы во власть Гиппию» — VI 109).

Приписывая Алкмеонидам освобождение Афин от тирании, Геродот доказывает, что это и было причиной усиления Афин, послужив решающим условием их победы над врагом: «Будучи порабощены тиранами, они были нерадивы, как бы работая на господина. Напротив, по достижении ими свободы каждый из них стал усердно трудиться ради собственного благополучия» (V 78). Итак, политическая свобода является фактором общественного прогресса — эту мысль мы впервые встречаем у Геродота.

Проблема наилучшего образа правления поставлена автором в сцене знаменитого спора трех знатных персов — Дария, Отана и Мегабиза (III 80—82). В этом споре Дарий защищает, естественно, принципы монархии, Мегабиз — олигархии, Отан — демократии. Нет сомнения, что спор этот измышлен от начала до конца — подобные софистические споры можно представить себе только в Афинах(46).

Поражение Отана в этом споре говорит о многом. Если Геродот прославляет Клисфена как основателя афинской демократии (VI 131), то имеет в виду лишь выдвинуть роль Клисфена как выдающегося государственного деятеля. Вместе с тем из всей «Истории» совершенно ясно, что Геродот политическую свободу считал благом для общества.

Спартанский царь Демарат, перебежавший к Ксерксу, в беседе с ним настойчиво проводит ту мысль, что спартанцы никогда

не примут предложений, ведущих к порабощению Эллады (VII 102). Точно так же два других спартанца, Булис и Сперхий, заявили персидскому полководцу Гидарну, что он не имеет представления о значении свободы, иначе он советовал бы спартанцам сражаться за нее не только копьями, но и топорами (VII 135).

В итоге мы могли бы сказать, что политические идеалы Геродота немногим отличались от взглядов на этот вопрос, свойственных обеспеченному гражданству Эллады того времени: они близки к умеренной демократии, и многое здесь определялось его связями с соответствующими политическими кругами Афин.

ИСТОЧНИКИ «ИСТОРИИ» И ПРОБЛЕМА ЕЕ ДОСТОВЕРНОСТИ

Со времени выхода в свет труда Якоби, посвященного Геродоту, можно считать окончательно оставленной эту точку зрения, согласно которой главный труд по сбору материалов и созданию универсальной истории был сделан еще до того, как «отец истории» приступил к написанию своего труда. Информация, почерпнутая им из письменных источников, имела второстепенное значение, особенно в тех разделах, где излагается история греко-персидских войн, как справедливо отмечает Якоби(47). Но нельзя отрицать и того, что автор использовал труд Гекатея (на него он ссылается четыре раза: II 153; V 36, 125; VI 137). Он был знаком и с многочисленными литературными произведениями своего времени(48).

Помимо памятников литературы, в том числе и произведений логографов (но, кроме Гекатея, мы не можем с уверенностью говорить о других, хотя их использование не исключается), Геродот обращался и к другим источникам, в том числе документальным — надписям на посвящениях и стелах (V 59), храмовым хроникам, сборникам оракулов (особенно к так называемым «Гипомнемата» дельфийского оракула, где содержались изречения божества, сопровождавшиеся указаниями, по какому поводу они были даны)(49) и многим другим. Особенno важны ссылки самого автора на источники, которыми он пользовался, и они заслуживают детального рассмотрения.

Поясняя, какие источники он положил в основу своего египетского логоса, автор сообщает: «Нынешними рассказами египтян пусть пользуются те, кому они кажутся правдоподобными: у меня же на протяжении всего моего рассказа предполагается, что я записываю со слуха то, что рассказывают все» (II 123).

А. И. Доватур раскрывает смысл этого заявления следующим образом: «1) Автор добросовестно записывает все то, что ему рассказывают; 2) Внесение рассказа в историю вовсе не означает признания за ним исторической достоверности; 3) эти правила соблюдаются на протяжении всего труда Геродота»(50).

Сообщения о древних царях Египта сопровождаются у Геродота ссылками на египетских жрецов и переводчиков. Но, передавая их рассказы, он проявляет здравый критицизм, отвергая такие

детали, как помещение царской дочери в публичный дом (II 121) или рассказ о происхождении Рамисинита в подземное царство.

Многое из сообщаемого Геродотом об истории и организации персидской державы содержит подробности, которые заставляют предполагать, что информация поступала к автору от влиятельной персидской знати. Он обнаруживает достаточно хорошую осведомленность в персидском образе жизни, военной тактике и стратегии, провинциальной администрации, истории возведения Дария, в интригах при дворе Дария и Ксеркса. Вместе с тем он не знал персидского языка, о чем свидетельствуют его фантастические объяснения персидских собственных имен (VI 98). Исследователи обычно выделяют следующие источники информации Геродота о персидских делах(51). Прежде всего это могли быть знатные персы, связанные с греческим миром. Одним из них, по-видимому, был Зопир, сын персидского полководца Мегабиза, сражавшегося против афинского экспедиционного корпуса в Египте в 456–454 гг. до н. э. В 40-х годах V в. до н. э. Зопир перебежал в Афины (III 160), и Геродот мог встречаться с ним до того, как покинуть Афины и отправиться в Фурии(52). Другим таким информатором был, как предполагают, потомок Артабаза, поставленного персидским царем во главе сатрапии Фригии в районе Геллеспонта. Во всяком случае автор прекрасно осведен о действиях этого персидского полководца (VIII 126; IX 41, 49). Возможно также, что информаторами Геродота о персидских делах были эллины, настурбализовавшиеся в Персии (потомки Фемистокла или

Мемиоха, сына Мильтиада, попавшего в плен к персам и с почетом принятого Дарием — VI 11). Наконец, Геродот мог использовать документальные данные — официальные документы канцелярии Ахеменидов, переводившиеся на греческий язык и распространявшиеся в греческих городах Малой Азии. М. А. Дандамаев показал, что «хотя Геродот нигде не упоминает Бехистунской надписи и, по-видимому, даже не знал ее, но некоторые места его изложения являются буквальными переводами соответствующих выражений этой надписи»(53).

Геродот цитирует письмо Дария Гистиету (V 24), начинающееся словами: «Гистией, царь Дарий говорит тебе...» Выражение «говорит царь Дарий» встречается в Бехистунской надписи 72 раза.

Многие сообщения Геродота о персидских делах (например, данные о воцарении Дария, сына Гистаспа, о семимесячном правлении Бардии — III 67) подтверждаются персидскими источниками(54). Опубликованная в 1932 г. так называемая «гаремная надпись» Ксеркса из Персеполя оказалась полностью соответствующей по содержанию рассказу Геродота о борьбе между сыновьями Дария за престол (VII 2—3)(55).

Таким образом, в основе изложенной Геродотом истории Персии и походов персидских царей на Элладу лежат как персидские, так и греческие (как мы увидим ниже) устные рассказы и другие источники. Гипотезы некоторых исследователей, согласно которым рассказ Геродота о походе Ксеркса перелагает мемуары Дикея (упомянутого в VIII 65), ни на чем не основаны(56), так же как и предположения, будто автор

широко использовал поэму Херила Самосского «Персика»(57). Сопоставление ссылок автора на устные и письменные источники наглядно показывает подавляющий перевес первых над вторыми. Во всяком случае об одном можно говорить с уверенностью: при изложении истории похода Ксеркса автор использовал лучшие из доступных тогда источников информации(58).

Одним из наиболее важных замечаний автора о его работе с источниками является следующее место из египетского логоса: «До сих пор мое повествование опиралось на личные наблюдения и умозаключения, а также на результаты расспросов: далее я стану излагать рассказы египтян так, как я их слышал, добавляя кое-что и из собственных наблюдений» (II 99).

Указанный здесь метод сбора и использования информации характерен для всего труда Геродота. Отсюда можно заключить, что главными источниками для его труда было: 1) то, что он наблюдал собственными глазами (öψις); 2) то, о чем он узнавал со слов других (ἀκοῇ); 3) то, что становилось ему известным в результате собственного исследования и умозаключений (ἱστορίῃ и γνώμῃ).

Исследование может быть не только его собственным — весь труд целиком является собственным исследованием автора, как об этом сказано во Введении (I 1), — но может принадлежать и другим (II 118—119). Изредка автор называет имена информаторов. Это Архий (III 55), Тимн (IV 76), Ферсандр (IX 16), жрицы оракула в Додоне — Промения, Тимарета, Никандра (II 55). Он ссылается иногда на имена

информаторов — Дикея (VIII 65), Эпизела (VI 117). Но очень часто автор ограничивается ссылкой на анонимные источники типа «говорят коринфяне», «говорят афиняне», «рассказ этом передают аркадяне», и т. п. В основе таких указаний могут лежать: а) устная информация жителей города или местности, где побывал автор; б) информация, полученная из вторых рук, но со ссылкой на первоисточник; в) нельзя считать исключенной возможность какого-то письменного источника, происходящего из указанного города. В каком случае мы должны отдать предпочтение одной из этих возможностей, будет зависеть от конкретных обстоятельств, и решение вопроса в значительной мере может оказаться субъективным. Но, учитывая сильнейшее влияние устного рассказа на весь стиль произведения Геродота, его любовь к острому словцу, наконец, несовершенство литературной техники того времени, есть основания в большинстве случаев полагать, что термин «говорят» употреблен автором в прямом смысле этого слова(59).

Методы исторической критики источника еще очень несовершенны и иногда наивны, хотя в основном они выше, чем у его предшественников и современников (если исключить Фукидиду, в произведении которого эти методы подняты на недосягаемую в масштабах того времени высоту). Мы сталкиваемся у Геродота с сопоставлением противоречивых источников, выбором наиболее правдоподобной версии, иногда отказом от суждения о том, насколько то или иное сообщение

соответствует истине («Действительно ли это так, я не знаю, но передаю то, что говорят» — IV 195).

В своих описаниях он отличает то, что увидел сам, от того, о чем узнавал по слухам: «До города Элефантины я все видел своими глазами, а о том, что находится за ним, знаю уже только по слухам и расспросам» (II 29). В том, что описано им по личным впечатлениям, ошибок очень мало.

Но его неутомимая любознательность приводит к тому, что из-за чрезмерного обилия материала читатель не сразу способен отделить главное от второстепенного или даже чисто случайного.

В качестве примера выбора наиболее достоверной версии можно привести рассказ автора об обстоятельствах смерти Кира (I 214). Здесь указано, что автору известен ряд версий о кончине этого царя, но он приводит ту, которая кажется ему наиболее достоверной. То же мы видим в I 95, где историк, рассказав о возвышении Кира, добавляет, что он знает еще три другие версии этого сюжета. Иногда автор поясняет, почему он не может выбрать тот или иной вариант информации (как, например, в рассказе о битве при Ладе): «С того момента как флоты сблизились и вошли в бой, я не могу в точности описать, кто из ионийцев в этом сражении оказался храбрецом, а кто трусом. Они ведь взаимно обвиняют друг друга» (VI 14).

Все же критика источников, как уже отмечалось, находилась тогда в начальном состоянии (60), и только этим можно объяснить появление в труде Геродота описаний, подобных

тому, какое мы находим в III 102. Здесь сообщается, что в пустынях Индии водятся муравьи величиной с собаку, роющие себе норы под землей и выносящие оттуда золотой песок. За песком прибывают индийцы, каждый с тремя верблюдами, нагружают песок в мешки и сразу убегают, чтобы муравьи их не растерзали. Но справедливость требует отметить, что у «отца истории» было здравое чувство естественного недоверия к баснословному и он категорически отвергает рассказы о людях с козьими ногами или об одноглазых арийцах (IV 25, 27; III 116), о превращении людей в волков у племени невров (IV 105), о происхождении скифов от Зевса и дочери Борисфена (IV 5) и т. п.

Степень достоверности труда Геродота целиком зависит от источников его информации(61). Рассказы о Древнем Египте в египетском логосе иногда просто фантастичны, но вина здесь лежит на информаторах — местных переводчиках и гидах, людях малосведущих и не заботящихся о достоверности того, что они рассказывали, стремясь поразить воображение любопытного чужестранца. Зато для Сапской эпохи, близкой по времени к Геродоту, труд его является первостепенной важности источником, без которого наше знание этой эпохи в истории Египта было бы намного беднее.

Описание Скифии, содержащееся в четвертой книге (так называемый скифский логос), является нашим основным источником для древнейшей истории народов, обитавших в бассейне Северного Причерноморья. Как замечает Сартон, один из новейших авторов истории наук в древности, оно так же

Важно, как «Германия» Тацита для истории древних германцев(62). Картина расселения скифских племен, их обычаи и общественный строй, одежда и способы передвижения — все, рассказалое Геродотом, в основном подтверждается археологическими исследованиями указанного района, содержимым скифских курганов, памятниками изобразительного искусства. Геродот описывает обряд подхватимства у скифов, при котором братавшиеся подмешивали в чашу с вином свою кровь и выпивали, вместе касаясь краев чаши губами. Эта сцена изображена на скифских золотых бляшках, найденных при раскопках(63).

Главным источником информации о Скифии для автора были его личные наблюдения, сделанные им при посещении Ольвии, а также рассказы местных жителей — как скифов, так и греков. Но чем дальше от Ольвии, тем сведения, им сообщаемые, становятся менее определенными(64).

Последние археологические раскопки в Ольвии показали, что описание города, сделанное «отцом истории», в основных чертах соответствует действительности(65).

Наибольшей достоверностью отличаются три последние книги произведения Геродота, где речь идет о походе Ксеркса, и это единогласно отмечается всеми исследователями(66). Сведения, сообщаемые автором о движениях войск, их составе (за исключением вопроса о численности их), очень часто обоснованы, и неопытность автора в вопросах военного искусства обычно преувеличивается. «Если Геродот говорит, что армия движется из пункта А в пункт Б, эти сведения

заслуживают доверия, но он легко может ошибиться, объясняя причину этого перемещения»(67).

Совершенно естественным следует признать то обстоятельство, что рассказы, почерпнутые «отцом истории» из сокровищницы фольклора греков или народов тех стран, которые он посещал, обладают малой степенью достоверности. Ф. Мищенко цитирует Масперо, любившего говорить, что «памятники некогда поведают нам о делах Хеопса, Рамсеса, Тутмоса, от Геродота же мы узнаем то, что говорили о них на улицах главного города»(68).

Упрекать автора за искажение исторических фактов в тех частях его труда, которые основаны на народных легендах и произведениях фольклора, — это все равно что укорять сказителей былин о Добрыне Никитиче или Алеше Поповиче за неточную информацию об истории Киевской Руси.

Историк сознавал, что не все в его труде безупречно как с точки зрения соотвествия действительности, так и с точки зрения здравого смысла, и это заставило его сделать заявление, свидетельствующее о величайшей авторской добросовестности: «Я обязан передавать все то, что мне рассказывают, но верить всему не обязан, и это пусть относится ко всему моему труду» (VII 152).

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ГЕРОДОТА

Несмотря на значительный прогресс, который знаменовал собой труд «отца истории» в развитии науки, многое в его восприятии мира, отношении к настоящему и прошлому

(действительному или минимому) сближало его с логографами. Эта близость проявляется в наивном рационализме, с позиций которого он стремится объяснять греческие мифы. Нимфа Ио, героиня греческих мифов, оказывается соблазненной не Зевсом, а капитаном финикийского корабля. Задеременев, она сама от стыда сбежала из Аргоса на финикийском корабле (I 5). Страна Европа не могла быть названа так по мифической тирской царевне, ибо эта царевна была финикиянкой и никогда не жила в Европе («вначале она прибыла из Финикии на Крит, а с Крита переправилась в Ликию...» — IV 45). Как и логографам, ему свойственны этимологические объяснения. В начале новеллы о Кандавле и Гигесе объясняется происхождение народа лидийцев: он происходит от Лида. Подобные мифические генеалогии были общепринятыми, и греки таким же образом объясняли себе возникновение греческих и иноземных племенных названий. Они были убеждены, что ионийцы ведут свое начало от Иона, дорийцы — от Дора, а персы — от героя греческих мифов Персея.

Наивный рационализм автора особенно заметен в его истолковании легенды об основании додонского оракула, которую он услышал от тамошних жриц, (II 54—58). Они сообщили ему, что некогда из египетских Фив вылетели две черные голубки, из которых одна направилась в Ливию и основала там оракул Зевса Аммонского, другая же прилетела в Додону и, сев на дуб, повелела местным жителям основать тут оракул Зевса. Историк прежде всего задается вопросом, как могли голубки говорить человеческим голосом, и отвечает

следующим образом (II 57): «...это были, конечно, не голубки, а женщины, но, так как они прибыли из Египта и говорили на непонятном языке, показалось, будто они говорят по-птичьи. Что же касается черного цвета голубок, то это следует объяснять смуглым цветом кожи египетских женщин».

Подобные рационалистические толкования могли приходить в голову ему самому, но он мог их найти и в труде Гекатея: во всяком случае он относится к ним с полным доверием.

Доверчивость вообще свойственна Геродоту, несмотря на замечаемые у него элементы критицизма, духа ионийского скепсиса, породившего некогда философию Ксенофана(69). Она проявляется особенно заметно в его отношении к греческим и иноземным культурам. Хотя зрелость историка совпадает со временем начала движения софистов, посеявших семена недоверия к ставленным религиозным представлениям (в Афинах, где подолгу жил Геродот, софисты пользовались особой популярностью), сам он сохранил ортодоксальные взгляды, усвоенные им еще в юности. Когда в своих исследованиях он намекивает на объяснение событий путем вмешательства посторонних сил, он безоговорочно принимает эти объяснения — идет ли речь о самопроизвольном исчезновении священного оружия, чудесной силой вынесенного за порог храма (VIII 37), или о грозных предзнаменованиях богов, обративших варваров в бегство (VIII 37): узнав об этом бегстве, дельфийцы спустились с гор и перебили немалое их число. Совершенно очевидно дельфийское происхождение этой легенды. Жрецы Дельф занимали персофильскую позицию во время греко-

персидских войн, но, чтобы оправдаться перед потомством, они сочиняли подобные басни.

Якоби заметил, что Геродот никогда не прилагает усилий к тому, чтобы отыскать подлинные причины событий, если у него есть теологическое их обоснование(70). Он отлично знает причины, побудившие Ксеркса начать свой поход против греков: стремление к мировому господству, роль военной партии при дворе Ксеркса, усилия афинского тирана Гиппия, надеявшегося при помощи персов вернуть себе власть в Афинах, но предпочитает остановиться на той, которая представляется ему главной, рассказав о видении, явившемся во сне Ксерксу (VII 12–14). Во всем этом он был истинным сыном своей эпохи.

Как и подавляющее большинство его современников, Геродот — добродоязенный человек(71). Боги для него существуют реально и постоянно вторгаются в жизнь людей, определяя их судьбу. Все в мире подвержено тлению, лишь одни боги неизменны и вечны. Выше всех стоит рок — Мойра (Пифия, жрица оракула Аполлона Дельфийского, говорит пришедшем к ней лидийцам: «Судьбы не могут избежать даже боги» — I 91). При помощи оракулов и предзнаменований, видений, являющихся людям во сне, и устами прорицателей боги открывают свою волю людям, то, что готовит им Мойра (I 209; VI 27). За преступлением обязательно должно следовать возмездие, пусть даже через многие поколения (за преступление Гигеса расплачиваются его далекий потомок Крез). Божество зависимо и вспыльчиво, любит смуту (I 32). Попытка человека превысить отведенную ему меру счастья вызывает

зависимость божества и как следствие кару: чрезмерное счастье чревато бедой, и это испытал на себе тиран Самоса Поликрат. Перс Артабан говорит Ксерксу (VII 10): «Ты видишь, что бог поражает молнией выдающиеся величиной и силой живые существа, стараясь их уничтожить, малых же он не замечает. Ты видишь, как он поражает своими молниями всегда самые высокие сооружения и деревья: любит ведь бог все выдающееся смирять». Непрекаемость слепого рока, наказывающего всех, кто захватывает себе большие счастья, чем ему отведено, является основным законом истории, и вся его книга представляет собой ряд иллюстраций этого общего положения(72).

Боги эллинов — те же, что боги всех других народов. «Все люди имеют одинаковые представления об именах богов», — заявляет он, убедившись в этом после беседы с жрецами Мемфиса, Фив и Гелиополя (II 3). Имена олимпийских богов эллины заимствовали от египтян. Только Посейдон и Диоскуры, а также Гера, Гестия, Фемида, Хариты и Нереиды являются эллинскими богами (II 50). Даже Геракл — и том египетского происхождения, но миф, который рассказывают о нем эллины (будто египтяне пытались принести его в жертву, а он порвал пучты и перебил их всех), — нелеп по существу. «Можно ли допустить, чтобы Геракл один, к тому же будучи человеком, перебил, как говорят великое множество народа? Впрочем, да простят нам боги и герои за то, что мы столько наговорили о них» (II 45). Для Геродота достаточно малейшего сходства, чтобы установить тождество египетского и эллинского

бога(73). Ко всем тайнам культа богов он относится с необыкновенным интересом и всячески дает понять, что знает многое, но благоговейно умалчивает обо всем этом, за исключением таких деталей, о которых не грешно говорить (II 171). Но многое в его воззрениях на религию отличало его от Гомера, и, отыскивая причины некоторых событий во вмешательстве богов, он склонен иногда допустить, что оно могло и не иметь места (как в описании бури у Сепиады — VII 191). Эти элементы скепсиса были следствием влияния эпохи и среды, скорее всего афинской.

Происхождение современных ему людей и исторических деятелей он без колебаний возводит к мифическим героям и даже богам, отдавая таким образом дань стаинным аристократическим представлениям, согласно которым басилевсы называли себяδιογενεῖς (зевсорожденными). «Теряющиеся в баснословной древности начатки истории эллинов и страны их излагаются в том же тоне, что и ближайшие по времени события»(74).

Движущей силой исторического процесса у Геродота является человек: отношения между людьми, их страсти и пороки, привязанности или вражда. От человеческих отношений, характеров, достоинств и недостатков зависит наступление тех или иных событий. В отличие от Фукидида Геродот не мыслит политическими понятиями, и его изложение течет в русле категорий справедливости и несправедливости, преступления и возмездия за него, мужества и трусости, бескорыстия и корыстолюбия, зависти и великодушия.

Человеческие пороки выступают в самых разнообразных проявлениях и оттенках.

Часто единственным объяснением великих исторических событий выступают у него обида или месть за нее.

Многочисленные примеры собраны А. И. Доватуром: Киаксар и мидяне наказывают скифов за их бесчинства в Азии (I 106); массагетская царица мстит Киру за своего сына (I 214); египетский врач, высланный в Персию Амасисом, содействует походу Камбиса на Египет (III 1); скифский поход Дария предпринят этим царем с целью отомстить скифам за вторжение в Мидию (IV 1)(75).

Важнейшей религиозно-философской идеей автора в его осмыслиении мира, человеческого общества и места, которое в нем занимает человек, является идея о превратности судьбы. Никто не может быть уверен в своем счастье, как бы высоко он ни вознесся. Художественное воплощение эта идея получила в новелле о Солоне и Крезе (I 30—32).

Как человеческие достоинства, так и недостатки не являются привилегией какого-нибудь одного народа, но свойственны всем людям. «Полагаю... что если бы все люди собрались и принесли с собой все пороки, чтобы обменяться ими со своими соседями, то каждый, увидя пороки соседей, испугался бы и поскорее унес с собой назад то бремя пороков, с которым пришел сам» (VII 152). Слова эти сказаны в том месте, где автор всячески пытается оправдать аргосцев за содействие, которое они оказывали персам.

Мир, каким его видел Геродот, был миром обычных людей, его современников, эллинов и варваров. Аристократы и простолюдины, жрецы Дельф и жрицы Додоны, ремесленники и торговцы, ветераны греко-персидских войн и переводчики на Востоке, греки и варвары, самые разнообразные категории людей сталкивались с ним на родине и на чужбине во время его продолжительных путешествий, делились с ним воспоминаниями и впечатлениями, всем, что они знали и что он хотел от них услышать, чтобы записать и запомнить. И сам он был похож на них, любознательный и общительный — истинный сын своей эпохи и своего народа.

ГЕРОДОТ — ОТЕЦ ГЕОГРАФИИ И ЭТНОГРАФИИ

Исследователи труда Геродота очень рано отметили характерную особенность его путешествий. Пути, по которым он странствовал, пролегали в подавляющем большинстве случаев по уже освоенным греками землям. Это был почти весь тогдашний цивилизованный мир, ойкумена. Дороги в нем были хорошо изучены, потому что этого требовали настоящие нужды мореплавания и торговли. Географические знания этой эпохи нашли впервые в античной литературе более или менее систематизированное изложение в труде Геродота.

«Отцу истории» принадлежал, по-видимому, и ряд открытых в этой науке. Поднявшись вверх по Нилу, он впервые познакомил греков с городом Мероэ (II 29). Так же впервые им было очерчено расположение Каспийского моря — он открыл, что оно было замкнутым бассейном (I 202—203). Эта точка зрения

утвердилась только во II в. н. э. у географа Клавдия Птолемея (жившие после Геродота Эратосфен и Страбон считали Каспийское море заливом Северного океана).

Тем не менее его географические представления о некоторых районах были еще очень приблизительными. Скифию он представлял себе в виде четырехугольника, западную сторону которого образует Истру (Дунай), восточную — Меотида (Азовское море), северную — земли пограничных со скифами народов. Южная сторона Скифии тянется вдоль Понта. Каждая сторона этого четырехугольника имеет в длину 4000 стадий: таким образом, общая площадь Скифии равняется 300 000 км². Суровость климата Скифии Геродот, вероятно, преувеличил, но его сообщение о том, что Меотида и Боспор Киммерийский (Керченский пролив) зимой замерзают (IV 28), соответствует действительности.

Географические описания в книге «отца истории» занимают столь большое место, что Якоби предположил, будто Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф. Такое суждение является результатом критического отношения к его труду с позиций современной исторической науки, но характерно, что Сартон, автор двухтомной истории науки в древности, поместил очерк о Геродоте в том раздел своей книги, где прослеживается развитие географических знаний (76). Вклад Геродота в географию действительно велик, хотя, может быть, если бы сочинение Гекатея дошло до нашего времени, он не показался бы уж таким обширным.

Но вместе с тем исследование геродотовской географии убеждает нас в том, что в своих основных чертах она совпадает со взглядами на этот предмет, которые были общепринятыми в его времена. В четвертой книге «Истории» Геродот, критически отзававшись об авторах «Обозрений земли», утверждавших, будто земля имеет форму круга, омываемого со всех сторон океаном, считает необходимым изложить свои взгляды на карту мира. Строит ее он следующим образом. Четыре народа — колхидыне, саспирсы, мидяне и персы — живут от Северного моря до Эритрейского (под которым Геродот понимает Индийский океан со всеми его заливами). От этого «меридиана» высступают к западу два «мыса». Первый из них с северной стороны начинается от Фасиса (Рион) и достигает, протянувшись вдоль Понта и Геллеспонта, троянского Сигея. С южной стороны этот мыс тянется от Мириандрийского залива (между Сирией и Киликией) до Триопского мыса. Это та самая территория, которая теперь называется Малой Азией (IV 38).

Другой «мыс» простирается вдоль Эритрейского моря. На нем расположены Персия, Ассирия и Аравия. Кончается этот мыс у Аравийского залива, там, где Дарий проложил канал от Нила к этому заливу. Таково очень приблизительное описание Аравийского полуострова и прилегающей к нему территории, которую Геродот вместе с описанной выше Малой Азией называет Азией (IV 40).

Вторая часть света, Ливия, помещается на втором из мысов, следя непосредственно за Египтом (IV 41).

Вместе с Европой эти три части света составляют единый континент. Так утверждали ионийцы, но Геродот уверен, что они не правы, так как к этим трем частям света надо добавить еще четвертую, а именно дельту Нила (II 16): «...она не относится ни к Азии, ни к Аравии, а расположена в промежутке между Азией и Ливией» (II 16).

Азия заселена до Индии, и территория дальше к Востоку представляет собой пустыню, никому не известную.

Что касается величины этих частей света, то Геродот протестует против утверждения авторов «Обозрений земли», будто Азия одинакова по величине с Европой (IV 36). В действительности Европа равняется по длине Азии и Ливии, вместе взятым, а по ширине ее даже нельзя сравнивать с Азией и Ливией (IV 42).

Относительно Европы никто достоверно не знает, омывается ли она водой на Востоке и на Севере (IV 45). Сообщив такую деталь, Геродот добавляет, что придерживается по этому поводу общепринятых мнений.

Тот наивный рационализм, с позиций которого «отец истории» толковал освещенные древностью мифологические сюжеты, проявляется и в тех местах его труда, где он пытается объяснить загадочные явления природы или уточнить географическое описание мира и отдельных стран. В II 28 он передает рассказ хранителя сокровищ, богини Нейт (он называет ее Афиной) о Верховьях Нила. Этот жрец заявил, будто истоки Нила находятся между двумя горами — Крофи и

Мофи. Царь Псамметих пытался измерить глубину этих истоков, но опущенная в них веревка длиной в несколько тысяч саженей не достигла дна. Рассказ этот показался явно нелепым здравомыслящему греку, и он объяснил этот факт следующим образом. По-видимому, в верховьях Нила существуют мощные водовороты, и бурное течение отнесло веревку таким образом, что она не достала дна.

Ливия омывается водой со всех сторон, и первый доказал это фараон Нехо, отправивший финикийцев с приказанием плыть из Эритрейского моря на юг и, обогнув Геракловы Столпы (Гибралтарский пролив), вернуться в Египет. Два года плыли финикийцы и только на третий вернулись в Египет через Геракловы Столпы. Сообщив об этом, Геродот добавляет: «Рассказывали также, чему я не очень верю (другой кто-нибудь, возможно, этому и поверит), что во время этого плавания вокруг Ливии финикийцы видели солнце с правой стороны». По этому поводу Ф. Мищенко замечает: «Добросовестность Геродота как наблюдателя и записывателя доказывается более всего такими случаями, когда он заносит в свой труд показания, которые подтверждаются впоследствии географическими, историческими и этнографическими изысканиями. Геродот не верит тому, будто финикияне во время плавания вокруг Африки имели солнце с правой стороны, так как наш автор не имел еще никакого понятия об эклиптике и экваторе»(77).

Одной из самых, может быть, серьезных ошибок Геродота было высказанное предположение, будто Нил течет в том же

направлении, что и Истр (Дунай): Дунай пересекает Европу с запада на восток, Нил течет параллельно Истру (II 33: «Я предполагаю, что Нил имеет такое же течение, как и Истр»). Но ошибка эта не покажется нам такой большой, если мы вспомним, что эта точка зрения продержалась в Европе до конца XVIII в.(78).

Все части света и страны мира, о которых повествует Геродот, привлекали его не сами по себе, а лишь постольку, поскольку их населяли народы, вызывавшие особый интерес автора. Он уделяет величайшее внимание описанию варварских народов, их быта и обычаев, существующих у них форм брака и семьи, жилищ, и одежды, религии и даже языку, хотя о последнем он очень редко сообщает полезные сведения: лингвистом он не был. Этнографические описания Геродота занимают значительное место в его труде, и в них содержится сравнительно мало неточностей, потому что они являются результатом его личных наблюдений — а смотрел он достаточно внимательно и зорко.

Лучшим образцом этнографического очерка у Геродота является описание Скифии. Оно начинается с обзора географических условий, затем он рассказывает о богах, называя их имена по-скифски, обычаях, жертвоприношениях и гаданиях, военном деле, врачевании, наказании преступников, погребальных обрядах. Как уже указывалось выше, многие из сообщений Геродота подтверждаются археологическими исследованиями(79).

Некоторые из этнографических описаний автору не принадлежат. Таковы сведения о пигмеях в Ливии, полученные даже не из вторых, а из третьих рук. О пигмеях рассказали насамоны аммонскому царю Этеарху, том поведал это киренцам, а от киренцев уже услышал этот рассказ Геродот (II 32).

Жизнь народов, с которыми Геродот знакомился во время своего путешествия, поражала его прежде всего тем, чем она отличалась от жизни эллинов. Она казалась удивительной, а рассказ об удивительном (θωμαστά — 11) был одной из основных целей его труда, как видно из цитированного введения. Автор сам говорит об этом в описании египетских обычаем: «Как небо над египтянами отличается от неба других стран и река их имеет иную природу, чем все прочие реки, так подобно этому многие нравы и обычаи их противоположны нравам и обычаям остальных людей. Женщины у них ходят на рынок и торгуют, а мужчины сидят дома и ткут. У всех остальных людей толкают уток вверх, а у египтян вниз. Мужчины у них носят тяжести на головах, женщины на плечах. Женщины мочатся стоя, мужчины сидя. Испражняются египтяне дома, а едят на улице, говоря, что все непристойное, хотя и необходимое, следует делать скрытно, а пристойное публично. Ни одна женщина не выполняет жреческих обязанностей ни при мужском, ни при женском божестве, и жреческие должности исполняют только мужчины как при богах, так и при богинях. Сыновья вовсе не обязаны, если они того не хотят, содержать

родителей, дочери же, наоборот, обязаны это делать непременно, хотя бы они того и не желали» (II 35).

В некоторых своих описаниях Геродот обратил внимание на такие особенности жизни народов, которыми европейская наука заинтересовалась только в середине XIX в. Он описал жизнь озерных жителей, обитавших в жилищах, построенных на сваях, на основании впечатлений от пребывания в Македонии (V 16). Первые труды о свайных постройках появились в европейской науке только во второй половине XIX в.

Этнография Геродота заслуживает внимательного исследования, но даже беглое знакомство с его трудом позволяет без преувеличения заявить, что «отец истории» является для нас практически первым этнографом Европы (80).

ТРУД ГЕРОДОТА В СВЕТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КРИТИКИ

Необыкновенное разнообразие сведений, относящихся к самым различным областям жизни человеческого общества, художественность изложения, обилие рассказов (*Cic. De leg. I, 1*), фантастические детали, почерпнутые автором из фольклора самых различных народов древности, — все это очень рано навлекло на Геродота обвинение в искажении истины. Особенно ожесточенным противником «отца истории» был Ктесий, бывший при персидском дворе с 415 по 398 г. врачом. В своей «Персидской истории» он изо всех сил старался изобличить Геродота в лживости. Интересно при этом отметить, что труд самого Ктесия, по словам Плутарха (*Artax. I*), содержал

множество ошибок и преднамеренных извращений фактов. О геродотовском описании Египта, как переполненном выдумками и баснями, критически отзывался Диодор (I, 69), отменок недоброжелательности заметен и у Страбона (XI, 6, 3). Но самые резкие выпады против Геродота, обвинения в том, что он был несправедливым и низким человеком, стремившимся увидеть в людях только подлое и злое, что он умышленно умалчивал о благородном и прекрасном в угоду предвзятой точке зрения, мы находим в специально написанном для этой цели трактате Плутарха «О злонравии Геродота»(81). Надо иметь в виду, что он был написан, когда Греция была малозначительной провинцией Ахеей в составе огромной Римской империи. Тяжело переживавшие униженное положение, в которое вверг Элладу могущественный Рим, представители греческих образованных кругов с особой гордостью хранили память о героическом прошлом своей родины. Одной из самых ярких странниц истории этого прошлого были греко-персидские Войны. Но сочинение Геродота менее всего соответствовало устремлениям греческих патриотов, так как в нем откровенно рассказывалось о случаях предательства общенационального греческого дела со стороны ряда греческих государств, о разногласиях в лагере греков. Плутарх обвинил Геродота в недоброжелательности по отношению к беотийцам, полагая при этом, что он выполняет свой долг, становясь «на защиту своих предков и истины» (Плутарх был беотийцем). Сам Плутарх в своих произведениях стремился нарисовать картину тесного единства греков, героически

отстаивавших свободу и независимость своей родины от нашествия варваров.

В эпоху Возрождения латинский перевод труда Геродота, выполненный знаменитым гуманистом Лоренцо Валла (Венеция, 1479), и издание греческого текста не менее знаменитым Альдом Мануцием привлекли интерес читателей нового времени к «отцу истории». Крупнейший французский филолог Этьен (Стефанус) опубликовал в 1566 г. в Женеве свою «Апологию Геродота», но критическое и часто враждебное отношение к первому историку Европы довольно часто давало себя знать вплоть до конца XIX в.

Открытия в области древней истории, сделанные в начале и первой половине XIX в., заставили европейских ученых взглянуть на сочинения Геродота под новым углом зрения. В результате дешифровки египетских иероглифов и вавилонской клинописи исследователям стали доступны первоисточники по истории Древнего Востока, и это позволило выделить историю Древнего Востока в самостоятельную научную дисциплину. Прогресс знаний в этой области вызвал двойственную реакцию в отношении к Геродоту. С одной стороны, обнаружилось, что все рассказанное Геродотом по личным впечатлениям в достаточной мере достоверно и, чем ближе описанные им события к современной ему эпохе, тем его изложение точнее. Как уже давно показали египтологи, сочинение Геродота для Египта Саисской эпохи является единственным источником, позволяющим представить связную историю страны, в основном подтвержденную туземными источниками(82). То же

можно отметить и для истории Персии. Геродот был знаком с официальной документацией канцелярии персидских царей — во всяком случае с теми документами, которые распространялись в греческом переводе.

С другой стороны, многие исследователи, стремившиеся проникнуть в дух и смысл этого удивительного произведения, обратили внимание на большое количество неточностей и ошибок в труде Геродота: древнейшая история Египта в изложении Геродота содержит очень мало достоверного, хотя и здесь нельзя отрицать ценности сведений, сообщаемых им, например, о строительстве пирамид. От Геродота требовали того, что он заведомо дать не мог в силу объективных причин. Источники, которыми он пользовался (в основном устные рассказы часто случайных людей; если он и общался с египетскими жрецами, то только самого низкого ранга, менее всего информированными), были крайне несовершенными. При тогдашнем уровне источниковедения и критики универсальная энциклопедического характера история, созданная Геродотом, могла только впитывать наряду с действительными фактами множество фольклорных сюжетов. Кроме того, сочинение его представляло определенный уже сложившийся жанр, более всего доступный и понятный тому кругу читателей, на который оно было рассчитано с самого начала. Подходя к Геродоту с позиций современной европейской науки, придирчивые критики превращали его то в старательного, но мало разборчивого комилятора, то просто в недобросовестного автора,

намеренно вводящего в заблуждение читателя рассказами о своих мнимых путешествиях(83).

В конце XIX в. в европейской науке наступил перелом в отношении к Геродоту и достоверности его сочинения. Наиболее характерным примером может служить работа Овемта(84). В своем труде Овемт отдал должное энергии, проницательности и доброй воле Геродота, восстановив доверие к его произведению. Майрс подчеркивает, что после придиличной и часто несправедливой критики XIX в. геродотовское описание Египта получило высокую оценку специалистов(85).

Сравнительно-литературоведческие исследования в начале XX в. способствовали оценке Геродота как писателя-новеллиста типа Боккаччо, мастера художественного рассказа. Идею эту усиленно развивал Говальд(86). Она была подвергнута резкой критике Поленцом, подчеркнувшим в своем исследовании, что Геродот прежде всего историк греко-персидских войн(87).

Анализ текста и источников «Истории», проделанный Якоби в его фундаментальном исследовании, подвел итог критическому отношению к «отцу истории». Якоби дал критическую оценку всем теориям, выдвинутым в науке для объяснения происхождения и значения труда Геродота.

Серьезным нападкам подвергался Геродот в качестве военного историка, но его неопытность в военном деле была весьма преувеличена критиками(88). Разумеется, он не может ни в коей мере сравниться с Фукидидом, который был военным по

профессии, но нельзя утверждать, что он не знал совершенно ни тактики, ни стратегии. Работы Гранди, Кромайера и других исследователей, сумевших учесть чисто технические трудности, стоявшие перед Геродотом как военным историком, а также несовершенство источников, которыми он пользовался, восстановили к нему доверие и в этом отношении(89). Особенno важен труд Хигнетта, защищившего Геродота от ряда обвинений в недобросовестности.

Итоги критики труда Геродота на Западе подводит Майрс: «Два поколения тому назад ученые утверждали, исходя из упущений и ошибок Геродота, что в основе его информации лежат сплетни и слухи, а также сочинения других путешественников. Его обычное умолчание об источниках, откуда он черпал информацию, объяснялось как умышленный плагиат. Было сделано заключение на основании все тех же ошибок, что он не посетил тех мест, которые он описывает, и не видел тех объектов, о которых он упоминает. Это было, может быть, неизбежной стадией критического изучения, не зависевшей от позиции отдельных ученых. За этим последовало более тщательное изучение самого текста сочинения Геродота, обстоятельств его возникновения, личности автора; как ее можно представить на основании его труда. Итогом было полное восстановление доброго имени Геродота как правдивого и добросовестного автора и исследователя, признание тех трудностей, которые перед ним стояли. Был принят методически верный принцип различия материалов источников Геродота в зависимости от их качества — дурных

и хороших, предвзятых и непредвзятых, исследована манера использования их автором с целью выяснения особенностей исследовательского метода Геродота. Информация, им представляемая, рассматривается теперь в качестве такой, какую мыслящий и наблюдательный человек его эпохи и воспитания мог по зрелом размышлении на основании собственных наблюдений и по полученным от других сведениям счесть правдивой. Организация всего этого материала, изложение и интерпретация событий большого значения была его собственной»(90).

Выше уже указывалось, что отношение русской исторической критики к труду Геродота было всегда благожелательным. Наиболее ярким примером этому могут служить статьи Ф. Г. Мищенко, помещенные в качестве приложений к его переводу труда Геродота на русский язык. Статья «Геродот и его место в древнеэллинской образованности» является монографическим исследованием, не потерявшим своего научного значения до настоящего времени. Она отличается четкими и строго взвешенными суждениями, свободна от мало обоснованных гипотез, которые, к сожалению, довольно часто встречаются в посвященных Геродоту статьях и книгах(91). Как указывает С. Я. Лурье, в работе Ф. Г. Мищенко мы находим «единственный в мировой литературе связный очерк религиозно-нравственных воззрений Геродота»(92). Эти же высокие качества в полной мере свойственны и второй неоднократно цитированной здесь статье того же автора «Не в меру строгий суд над Геродотом»; см. также статью

«К Вопросу об источниках и добросовестности Геродота»
(ЖМНП, 1888, июль).

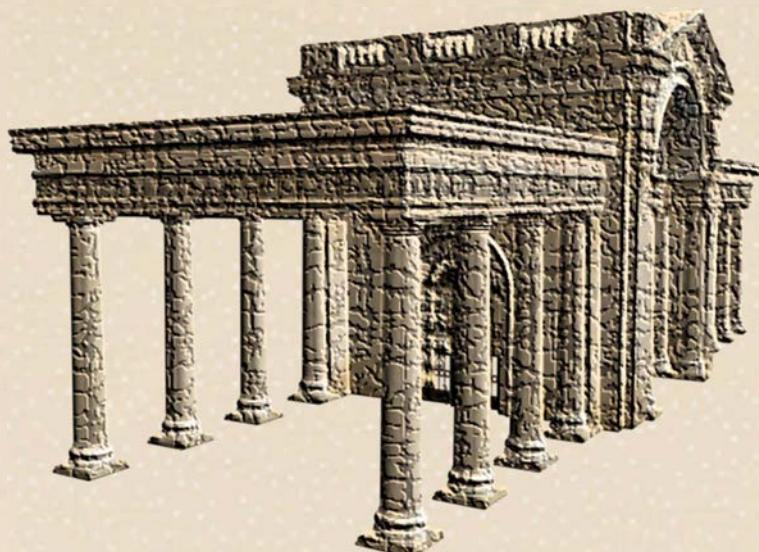
Эти традиции были продолжены в книге С. Я. Лурье «Геродот», ставившей своей целью «представить воззрения человека, которому мы обязаны наиболее достоверным рассказом о греко-персидских войнах и одновременно — первой книгой по истории» (стр. 5). Заслугой С. Я. Лурье является оригинальная и остroумная трактовка мировоззрения Геродота, вскрывающая истинные причины той тенденции его труда, которую более поздние греческие историки и писатели (например, Плутарх) воспринимали как предательство общегреческого дела и нескрываемое сочувствие к варварам (μηδιγός). Хорошо документированной работой является книга А. И. Доватура «Повествовательный и научный стиль Геродота», посвященная проблеме истоков научного стиля прозы Геродота и взаимоотношению между ним и фольклорным стилем в истории Геродота.

Значение Геродота в истории мировой культуры огромно. Он приблизился к подлинному историзму в восприятии событий и фактов, представив человеческую историю как развертывающийся во времени и пространстве процесс, в ходе которого меняются судьбы людей и государств(93).

Ему мы обязаны тем, что события огромного мирового значения, какими были греко-персидские войны, остались навсегда для человечества поучительным примером героизма народа, сражающегося за свою свободу и независимость.

В нем не было и тени расового высокомерия или нетерпимости, что дало повод Плутарху назвать его «филоварваром» в упоминавшемся выше трактате «О злонравии Геродота»(94).

Не было в нем и стремления подчеркнуть свое превосходство над своими предшественниками и современниками, труды которых он критикует в очень сдержанной и безыскусственной манере, искренне смеясь над тем, что казалось ему нелепым (IV 36), или тонко иронизируя по поводу того, что представлялось ему претенциозным или смешным. Читая его труд, мы следим за первыми шагами еще во многом наивной и несовершенной науки. Перед нами свидетельство ее детства, обладающее, однако, неповторимой прелестью, неувядашей свежестью и привлекательностью благодаря всепокоряющему искусству Геродота — пытливого исследователя-историка и увлекательного рассказчика-новеллиста.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Термин «история» (*ιστορία*) был ионийским по происхождению и означал «исследование». Лишь позднее он приобрел значение «исторического исследования», «повествования».
2. Языком ранней греческой прозы становится ионийский диалект в его литературной стилизованной форме. На нем писали и те, для которых он не был родным, как например Гелланик с Лесбоса. Галикарнасс же, родина Геродота, хотя и был дорийской колонией, к V в. до н. э. испытал сильное ионийское влияние: до нас дошли надписи из Галикарнасса на ионийском диалекте.
3. См.: E. Hoffmann. *Qua ratione ἔπος μῦθος αἶνος λόγος et vocabula ab eisdem stirpibus derivata in antiquo graecorum sermone adhibita sunt*. Göttingen, 1922.

4. Термин «логографы» был введен в широкий научный обиход в середине XIX в. (L.Creuzer. *Die historische Kunst der Griechen in ihrer Entstehung und Fortbildung*. Leipzig, 1845) и удержался, несмотря на то что были высказаны веские соображения, заставившие такого крупного исследователя, как Якоби, отказаться от него (см.: RE, s. v. Logographen).

5. Эти цитаты носят случайный характер и далеко не всегда могут служить основанием для суждения о плане всего сочинения, источниках, стиле и т. п. Представим себе, что от прелестной новеллы Геродота о Кандавле и Гигесе (I 8), о которой речь пойдет ниже, сохранилось только ее введение, где дана сухая и сжатая справка о лидийских царях до Кандавла. Каким монотонным и скучным автором предстал бы для нас Геродот, если бы из всего его сочинения сохранилось только это место!

6. См.: RE, s. v. Logographen.

7. Об одной такой карте сообщает Геродот (V 49). Она была вырезана на медной доске, и на ней было «изображение всей земли, море все и реки все...»

8. F 328 В Jacoby (F. Jacoby. *Die Fragmente der griechischen Historiker*. Berlin, 1923).

9. F 30 Jacoby. В отрывке идет речь о судьбе потомков Геракла — Гераклидах, прибывших к Кеику, чтобы спастись от преследований Еврисфея.

10. Свидетельство Памфилы не вполне надежно, так как оно опирается, по-видимому, на хронологические комбинации

александрийских грамматиков, приурочивших самый значительный факт биографии историка — участие в заселении общегреческой колонии Фурии (444 г. до н. э.) — к его «акмэ», т. е. сорокалетнему возрасту. См.: F. Jacoby. Herodotus. RE, Suppl. H. II. S. 229; W. Howa, J. Wells. A commentary on Herodotus, vol. I. Oxford, 1957. См. также: Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнегреческой образованности, стр. LXIII (Геродот. История. М., 1888); С. Я. Лурье. Геродот. М.—Л., 1947, стр. 10.

11. F. Jacoby. Herodotus. S. 232: «Здесь в ряде экскурсов он оправдывает поведение афинян по отношению к Эгине, объясняя изгнание эгинян в 431 г. как следствие продолжающегося гнева богов. Если бы ему была известна их судьба, которую афиняне готовили им в 424 г. (Thuc. IV, 57), он непременно упомянул бы об этом».

12. Эпическая поэзия оказала сильнейшее влияние на труд Геродота: не случайно анонимный критик (Псевдо-Лонгин) называет его «самым гомерическим» писателем (De sublim. 12).

13. Ср. также IV 43, 88, 152; все эти места говорят о прекрасном знании Самоса. Баррон (J. P. Barron. The sixth-century Tyranny at Samos. Classical Quarterly. LVIII. 1964, p. 212) показывает в своей статье, что в основном Геродот опирался на устную местную традицию.

14. Хотя Майрс (J. Myres. Herodotus, Father of History. Oxford, 1953, p. 5) допускает возможность того, что Геродот был

торговцем, он вынужден признать, что в его труде нет и намека на профессию автора.

15. По поводу традиции о чтении Геродотом своего труда в Афинах см.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 18 слл.

16. Геродот был в Египте после битвы при Панремисе (ок. 462—459 гг.), что видно из его описания поля битвы и черепов, там обнаруженных. Но он не мог приехать туда во время восстания 463—456 гг., ибо из его описания ясно вытекает, что весь Египет находился в это время под властью персов. К 445 г. относит это путешествие Браун (T. S. Brown. Herodotus speculates about Egypt. Amer. Journ. Philol. Vol. LXXXVI, 1, 1965, p. 61).

17. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 14.

18. Штрасбургер (H. Strasburger. Herodot und das perikleische Athen. Historia. IV, 1955, SS. 1—25) пытался доказывать, будто Геродот выехал в Фурии не потому, что был близок к партии Перикла, а для осуществления своих панэллинских идеалов, но идея эта не встретила поддержки. См.: F. Harvey. The political sympathies of Herodotus. Historia, XV, 1966, p. 254 sqq.

19. Именно это имеет в виду Страбон (XIV, 2, 16), когда говорит о том, что Геродота прозвали фурийцем, а вовсе не рукописную традицию, как ошибочно полагает Якоби (Herodotos, S. 205).

20. Мейер (E. Meyer. Forschungen zur alten Geschichte. Herodots Geschichtswerk, II, Halle, 1899, SS. 197, 222) предполагал, что

Геродот покинул Фурии после того, как там победила партия, враждебная Афинам. См. так же: C. Hignett. *Xerxes' Invasion of Greece*. Oxford, 1963, p. 26.

21. J. Myres, op. cit., p. 16. Хигнетт (ук. соч., стр. 26) считает более вероятным, что Геродот умер в Фуриях.

22. Хроника Афины Линдосской представляет собой эпиграфический памятник 99 г. до н. э., открытый датчанами в г. Линде на Родосе. Она была впервые издана Блинкенбергом (Ch. Blinkenberg. *La chronique du temple Lindien. Oversigt over det kgl. danske videnskabernes selskabs forhandlinger*, 1912, № 5—6, p. 318 sqq.).

23. Хотя Страбон (XVI, 2, 16), Павсаний (IV, 7, 4) и составитель Линдосской хроники называют Геродота фурийцем, отсюда еще никак не следует, что так именовал себя сам Геродот. Вряд ли можно предполагать, что Геродот нашел для себя в Фуриях, где вскоре после основания началась ожесточенная борьба и влияние Афин упало, свою вторую родину. Может быть, его отношение к этой колонии проявилось в том, что он нигде о ней не упомянул, хотя, как мы видели выше, обнаруживает хорошее знакомство с местностью, где она была основана.

Во времена Геродота жители колоний очень часто продолжали называть себя гражданами того города, откуда они происходили. Так, жители Ольвии еще в V в. до н. э., много лет спустя после основания этой колонии, упорно считали себя милемянами, как сообщает Геродот (IV 78). Дионисий

Галикарнасский, глубоко изучавший труды историков прошлого, называет Геродота галикарнассцем (Thuc. 5). Легран (Ph. Legrand. *Hérodote*. Paris, 1932, p. 13; REA, XXXVI, 1934, p. 407), Полени (M. Pohlenz. *Herodot der erste Geschichtsschreiber des Abendlandes*. Berlin—Leipzig, 1937, S. 44) и С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 26) склоняются в пользу чтения Ἡρόδοτου Θουρίου, следуя Якоби (*Herodotos*, S. 205). Напротив, Майрс (ук. соч., стр. 3) придерживается традиционного чтения рукописей.

24. В понимании этого места имеются известные трудности. Слово ἔργα, которое переведено здесь как «действия», некоторые понимают как «сооружения». Так, С. Я. Лурье (ук. соч., стр. 124) допускает возможность обоих толкований. Полени (ук. соч., стр. 3) решительно отвергает возможность второго из указанных переводов: «Неудачная идея Дильса, интерпретировавшего термин ἔργα как «сооружения», более не нуждается в опровержении... Для грека Дионисия Галикарнасского было само собой разумеющимся толкование ἔργα Геродота как πράξεις (Ad Romp. 3, 3; Thuc. 5)». Слово ἔργον в значении «подвиг, действие» можно обнаружить в ряде контекстов (ср., например: Хен. Сугор. I, 1, 5; I, 4, 25). Литературу вопроса см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957, стр. 185, прим. 2.

25. J. Myres, op. cit., p. 66.

26. K. Marot. *Die Anfänge der griechischen Literatur*. Budapest, 1960, S. 323.

27. Для древности Геродот был прежде всего историком греко-персидских войн, как видно из сочинения Лукиана (*Herod.* 2). См. также: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 65.

28. F. Jacoby. *Herodotos*, S. 281. Якоби, следя в основном идеям Бауэра (A. Bauer. *Die Entstehung des herodotischen Geschichtswerks*. Wien, 1878), предположил, что вначале целью Геродота было создание «Обозрения земли», подобного сочинению Гекатея, и лишь позднее он пришел к идее написать историю греко-персидских войн. Имел ли Геродот в виду эту цель с самого начала работы — это совершенно неразрешимый вопрос ставит также Де Санктис (G. De Sanctis. *La composizione della storia di Erodoto*. Rivista di filologia, 4, 1926, p. 290). По мнению Де Санктиса, логосы Геродота создавались не как независимые сочинения, но как части органически единого труда, посвященного истории Персии. Против мнения Якоби, что Геродот начинал свою деятельность как географ и этнограф, возражает Хигнет (ук. соч., стр. 27).

29. Внутреннее единство, присущее, например, египетскому логосу, отмечает Фогт (J. Vogt. *Herodot in Ägypten. Genethliakon* W. Schmid. Tübing. *Beiträge z. Altertumswissenschaft*. N. V, 1929, S. 130) и Де Санктис (ук. соч., стр. 290), подчеркивающий «органичность» и «артистическое единство» этого логоса.

30. Деление на девять книг, названных именами Муз, принадлежитalexандрийским грамматикам.

31. W. Aly. *Volksmärchen, Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen*. Göttingen, 1921, S. 58.

32. A. Hauvette. *Hérodote historien des guerres médiques*. Paris, 1894, p. 47.

33. J. Myres, op. cit., p. 60.

34. Стиль «милетского рассказа» оказывал влияние на античную прозу до самых поздних времен. «Вот я сплему на милетский манер разные басни...» — начинает свои «Метаморфозы» Апулей.

35. О богатствах Гигеса вспоминает Архилох: Οὕ μοι τὰ Γύγεω τοῦ πολυχρύσου μέλει (Что мне заботы до богатства Гигеса).

36. Та же ирония сквозит в истории перса Отана (V 25): «Отец Отана Сисамн был царским судьей. Царь Камбис за то, что Сисамн, решая судебные дела, брал взятки, казнил его, повелев при этом содрать с него кожу, нарезать из нее ремней и обтянуть ими тот самый трон, сидя на котором Сисамн вершил суд. Затем Камбис назначил судьей вместо Сисамна, с которого он содрал кожу, сына Сисамна, посоветовав ему помнить, на каком троне он будет сидеть, когда будет вершить суд. Вот этот-то Отан, посаженный на такой-то трон, стал тогда преемником Мегабаза...». По поводу иронии у Геродота см.: A. Piatkowski. *Le sourire ironique d' Hérodote*. Studi clasice, X, 1968, p. 51 sqq.

37. Драматическому характеру этой новеллы Геродота посвятил свою статью Шталь (H. R. Stahl. *Herodots Gyges-Tragodie*. *Hermes*, XLVI, 1968, S. 385 ff.). Как полагает Уотерс

(K. H. Waters. *The Purpose of dramatisation in Herodotus*. *Historia*, XV, 1966, p. 157 sqq.), указанная особенность стиля Геродота обусловлена тем, что он адресовался к публике, приученной следить за развитием драматического сюжета на сцене.

38. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 136.

39. Проблеме «удивительного» у Геродота посвятил свою работу Барт (H. Barth. *Zur Bewertung und Auswahl des Stoffes durch Herodot*. *Klio*, 50, 1968, S. 93).

40. Якоби (*Herodotos*, S. 355) считает эти слова ключом ко всему произведению Геродота. См. также: K. Wüst. *Politisches Denken bei Herodot*. Würzburg, 1935, S. 39.

41. W. K. Pritchett. *Marathon*. Univ. of Calif. public., in class. archaeology, vol. 4, Berkeley a. Los Angeles, 1960, p. 143. См.: A. Gomme. *Herodotus and Marathon. More Essays in Greek History and Literature*. Oxford, 1962.

42. Н. Ф. Дератани. Эсхил и греко-персидская война. ВДИ, 1946, № 1, стр. 18 слл.

43. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 17.

44. Хойбек (A. Heubeck. *Das Nationalbewusstsein des Herodot*. Neustadt, 1936, S. 43) подчеркивает, что Геродот, повествуя в слегка ироническом тоне о нерешительности и безответственности спартанцев, одновременно всячески старается извинить аргивян.

45. См.: Ch. W. Fornara. *The cult of Harmodius and Aristogeiton*. *Philologus*, 114, 1970, p. 156: «Поэтому нет сомнения, что

мнение Геродота, будто Алкмеониды были истинными
освободителями Афин... имеет в своей основе информацию,
предоставленную ему заинтересованной стороной...»

46. По поводу источников Геродота в этом месте его труда
см.: А. И. Доватур. Повествовательный и научный стиль
Геродота, стр. 195, прим. 37.

47. F. Jacoby. Herodotos, S. 394.

48. В древности некоторые авторы пытались даже обвинить
Геродота в плагиате, утверждая, что он дословно списывал с
Гекатея (Porph. apud Euseb. Praep. Evang. X, 3, p. 466 B), но, как
замечает Легран (Ph. Legrand. Hérodote, t. I. Paris, 1932, p.
157), Геродот был просто начитанным человеком.

49. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 116.

50. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 98.

51. J. Myres, op. cit., p. 159; C. Hignett, op. cit., p. 32.

52. См.: В. В. Струве. Геродот и политические течения в
Персии эпохи Дария I. ВДИ, 1948, № 3, стр. 13. В этом был
уверен такой крупный знаток истории Древнего Востока,
каким был Б. А. Тураев, писавший по этому поводу: «Зопир,
поселившись в Афинах, делился с Геродотом сведениями из
преданий своего рода, принадлежавшего к числу наиболее
знатных и близких ко двору...» (История Древнего Востока. т.
II. М.—Л., 1935, стр. 127).

53. М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963,
стр. 140.

54. Там же, стр. 145. Геродот иногда довольно точно передает имена персидских вельмож, помогавших Дарию расправиться с магом Гауматой (см.: В. В. Струве, ук. соч., стр. 13).
55. В. В. Струве (ук. соч., стр. 13) со ссылкой на Герифельда (E. Herzfeld. Altpersische Inschriften. Berlin, 1938).
56. См.: F. Jacoby. Herodotos, S. 404; А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186, прим. 3.
57. См.: А. И. Доватур, ук. соч., стр. 186—187, прим. 4.
58. C. Hignett, op. cit., p. 30.
59. F. Jacoby. Herodotos, S. 402: «В большинстве случаев у нас нет никаких оснований сомневаться в том, что Геродот действительно опрашивал представителей каждого народа...»
60. F. Jacoby. Herodotos, S. 478.
61. Как отмечает Якоби (Herodotos, S. 473), Геродот никогда не изменяет традиции по своему усмотрению.
62. G. Sarton. A History of Science. Cambridge, 1960, p. 312.
63. Б. Н. Греков. Скифы. М., 1971, стр. 33. Автор подчеркивает, что геродотовский рассказ, особенно в этнографической части, постоянно подтверждается археологическими данными (стр. 18).
64. А. П. Смирнов. Скифы. М., 1966, стр. 49.
65. К. Э. Гриневич. О достоверности сведений Геродота об Ольвии. ВДИ, 1964, № 1, стр. 105 слл.

66. С. Hignett, op. cit., p. 33: «Его последние три книги, описывающие нашествие Ксеркса и его поражение, являются наиболее удачными с исторической точки зрения, и все последующие рассказы основывались только на них».

67. Там же, стр. 38.

68. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. СХХV.

69. См.: С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 44.

70. F. Jacoby. Herodotus, S. 482.

71. «Делос, как сообщали жители этого острова, постигло землетрясение... Я полагаю, что божество явило людям это чудо как знамение грядущих бед» (VI 98).

72. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41.

73. J. M. Linforth. Greek gods and foreign gods in Herodotus. Univ. of Calif. public., in class. philology, 9, 1, 1926, p. 13.

74. Ф. Мищенко. Геродот и его место в древнеэллинской образованности, стр. СIII.

75. А. И. Доватур, ук. соч., стр. 113.

76. G. Sarton, op. cit., pp. 303—314.

77. Ф. Мищенко. Не в меру строгий суд над Геродотом, стр. LIX (Геродот. История. Т. II, М., 1888).

78. G. Sarton, op. cit., p. 311.

79. «Описания Геродота, проверенные этнографами и археологами, оказались подтверждеными во всех деталях», —

пишет Сартон (указ. соч., стр. 312). Сартон сильно преувеличивает заслуги Геродота, допустившего ряд неточностей. Но, как справедливо подчеркивает Ф. Мищенко (*Геродот и его место в древнеэллинской образованности*, стр. СХХVIII), причиной этих неточностей было несовершенство тогдашних методов исследования, не говоря уже о чрезмерной доверчивости «отца истории». В другой своей статье (*Не в меру строгий суд над Геродотом*, стр. XLVI) Мищенко показывает, как многие обычаи скифов, как например доение кобылиц, при помощи костяных трубок (IV 2), поклонение мечу, подтверждаются соответствующими обычаями и культурами калмыков, аланов, квадов и т. п.

80. «Можно не называть его отцом истории, но уже без всякого сомнения он является отцом этнографии», — замечает Сартон (ук. соч., стр. 312).

81. Перевод см. у С. Я. Лурье (ук. соч., приложение 1, стр. 161 слл.).

82. Это последовательно показывает Шпигельберг (W. Spiegelberg. *Die Glaubwürdigkeit von Herodots Bericht über Ägypten*. Berlin, 1926).

83. Ф. Мищенко в статье «*Не в меру строгий суд над Геродотом*» одним из первых в европейской науке выступил против недооценки труда «отца истории», подвергнув критическому разбору работу Сэйса (Sayce. *Herodotus I—III. The ancient empires of the East*. London, 1883), совершенно незаслуженно обвинившего Геродота в сознательном обмане

своих читателей рассказами о путешествиях, которых не совершал, и фактах, которые не могли иметь места.

84. A. Hauvette. *Hérodote historien des guerres médiques*. Paris, 1894.

85. К работам Видемана, Якоби и Шнигельберга, на которые ссылаемся Майрс (указ. соч., стр. 152), следует добавить исследование Эртеля (F. Oertel. Herodots ägyptischer Logos und die Glaubwürdigkeit Herodots. Bonn, 1970).

86. E. Howald. *Ionische Geschichtsschreibung*. Hermes, 58, 1923, S. 113 ff.

87. M. Pohlenz, op. cit., p. 1 sqq.

88. J. Myres, op. cit., p. 25; C. Hignett, op. cit., p. 37.

89. G. B. Grundy. *The Great Persian War*. London, 1901; J. Kromayer. *Antike Schlachtfelder*. Leipzig, 1924—1931. См. также: A. Ferrill. *Herodotus and the strategy and tactics of the invasion of Xerxes*. Amer. histor. rev., LXXII, 1966, p. 102. Автор показывает, что Геродот обнаруживает гораздо большие знания военной тактики и стратегии, чем обычно полагают.

90. J. Myres, op. cit., p. 31.

91. Даже Майрс, книга которого в основном написана довольно сдержанно и основана на большом фактическом материале, начинает свое изложение с описания того, как пятилетний Геродот вместе со своей матерью встречал флот правительницы Галикарнасса Артемисии, возвращавшейся после сражения при Саламине, и задал матери вопрос, на

который не мог получить ответа всю жизнь: «За что они сражались?»

92. С. Я. Лурье, ук. соч., стр. 41, прим. 2.

93. «Я ... буду продолжать мое повествование, одинаково обозревая большие и малые города людей. Ведь те, кто были великими в древности, в большинстве стали незначительными ныне и, напротив, те, которые при мне стали большими, прежде были малыми» (15).

94. Все народы замечательны в каком-нибудь отношении, все связаны между собой общими судьбами и интересами, все греки и вообще все люди являются создателями единой человеческой культуры — таков явный и скрытый смысл многих экскурсов Геродота. Совершая насилие над подлинным смыслом труда Геродота, Хелльманн (Fr. Hellmann. Herodot. Das neue Bild der Antike, hrsg. v. H. Verve. 1942, S. 248) считал его «великолепным противопоставлением греческого и варварского начала».

От переводчика.

(Г.А.Стратановского)

Для любознательного читателя русского перевода «Истории» Геродота должен представить значительный интерес вопрос об источниках, на которые опирается текст греческого оригинала. Таковыми являются относящиеся к X-XV вв. рукописи, которые отражают непрерывную рукописную традицию, восходящую в конечном счёте к одному из античных изданий. Рукописи эти, вывезенные византийскими учёными в Западную Европу после взятия Константинополя турками (1453 г.), хранятся в настоящее время в библиотеках Рима, Флоренции, Милана, Мадрида, Парижа, Оксфорда, Кембриджа, Тейдельберга и других городов. Число их довольно значительно; так, в капитальном критическом издании Г. Штейна (Берлин, 1869-1881) учтено 46 рукописей. Содержащиеся в них разночтения затрагивают в основном диалектные черты текста Геродота и лишь изредка в них отражены варианты, имеющие смысловое значение. Таким образом, различие рукописей позволяет установить текст, практически не отличающийся от

того, которым пользовался уже младший современник Геродота Фукидид.

Важным подтверждением надёжности средневековой рукописной традиции Геродота послужили найденные в начале нашего века папирусные отрывки Геродота, относящиеся к античной эпохе; древнейший из них, содержащий гл. 115-116 кн. I, датируется примерно I-II вв. н.э. Чтения этих отрывков воспроизведены в издании К. Гуде (*Herodoti Historiae. Recognivit breve adnotacione critica instruxit Carlus Hude. Vol. I-II. Editio altera. Oxonii, 1912*), по которому сделан наш перевод. Переводчиком использованы следующие переводы и комментарии к Геродоту. Русский перевод: Ф.Г. Мищенко. Геродот. История в девяти книгах. Т. I. М., 1885; Т. II. М., 1888. Немецкие переводы: 1) *Das Geschichtwerk des Herodotos von Halikarnassos. Übertragen von Theodor Braun. Stuttgart, 1964*; 2) *Herodot. Historien. Deutsche Gesamtausgabe. Übersetzt von A. Horneffer. Neu herausgegeben und erläutert von H.W. Haussig. Mit einer Einleitung von W.F. Otto. Stuttgart, 1963*; 3) *Die Geschichten des Herodotus, übersetzt von Friedrich Lange. Neu herausgegeben von Dr. Otto Güthling. Zwei Teile. Leipzig (s.a.).* Комментарии: 1) *Herodotus. Für den Schulgebrauch erklärt von Dr. K. Abicht. Fünf Bdchen. Leipzig, 1866-1886*; 2) *Herodotus, erklärt von H. Stein. Fünf Bde. Berlin, 1866-1875*; 3) *W.W. How and J. Wells. A*

commentary on Herodotus, with an introduction and
appendices. Oxford, 1928. Специальный словарь к Геродоту:
A Lexicon to Herodotus by J. Enoch Powell. Second Edition.
Hildesheim, 1960.

Прочая литература, использованная переводчиком

- А.И. Доватур. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957 (А.И. Доватур. Стиль).
- В.В. Ламышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. ВДИ, 1947, №2, стр. 249-288.
- С.Я. Лурье. Геродот. М.-Л., 1947 (С.Я. Лурье. Геродот).
- С. Я. Лурье. История Древней Греции, ч. I. Л., 1940 (С.Я. Лурье. История).
- В.С. Сергеев. История Древней Греции. М., 1963.
- В.В. Струве. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968 (В.В. Струве. Этюды).
- Б.А. Тураев. История Древнего Востока. I-II. Л., 1936.
- J. Beloch. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Strassburg, 1913.
- Herodot. Eine Auswahl aus der neueren Forschung. Herausgegeben von Walter Marg. München, 1962.
- F. Jacoby. Herodotus. Pauly-Wissowa. Realencyklopädie d. klassischen Altertumswissenschaft. Supplbd. 2. Leipzig, 1908.
- E. Meyer. Geschichte des Altertums. 3. Aufl. Stuttgart, 1937.

Список сокращений

Аkk. — аккадский.

Асс. — ассирийский.

Библ. — библейский.

Вав. — вавилонский.

Греч. — греческий.

Др.-евр. — древнееврейский.

Егип. — египетский.

Инд. — индийский.

Иранск. — иранский.

Кар. — карийский.

Карф. — карфагенский.

Критск. — критский.

Лид. — лидийский.

Лик. — ликийский.

Мид. — мидийский.

Миф. — мифический.

Перс. — персидский.

Сем. — семитический.

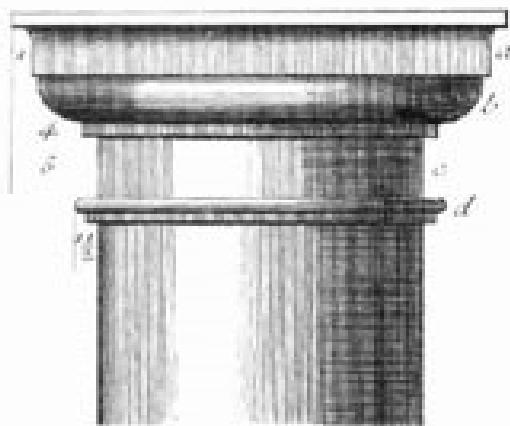
Сир. — сирийский.

Скифск. — скифский.

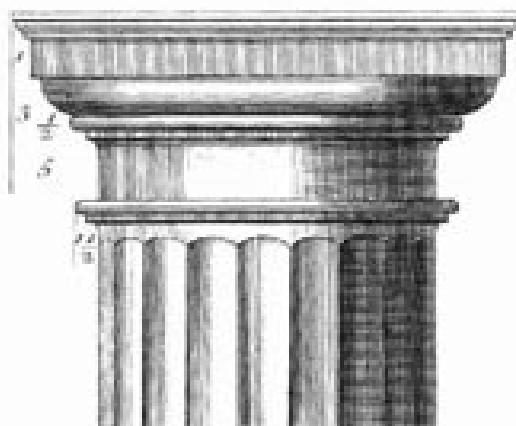
Финик. — финикийский.

Chapiteaux des cinq Ordres, avec le Chapiteau Ionique
Moderne.

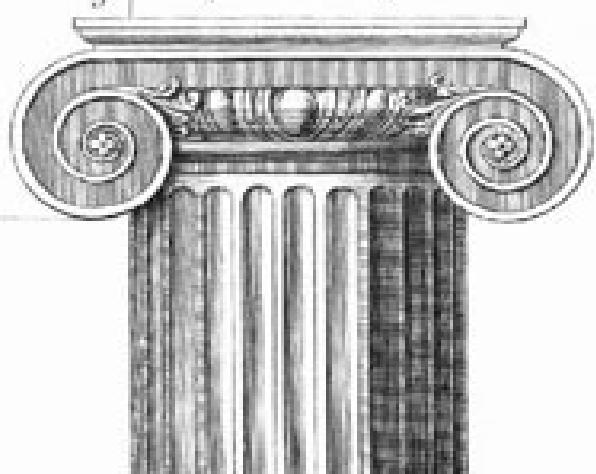
Chapiteau Tessan.

Chapiteau Dorique.

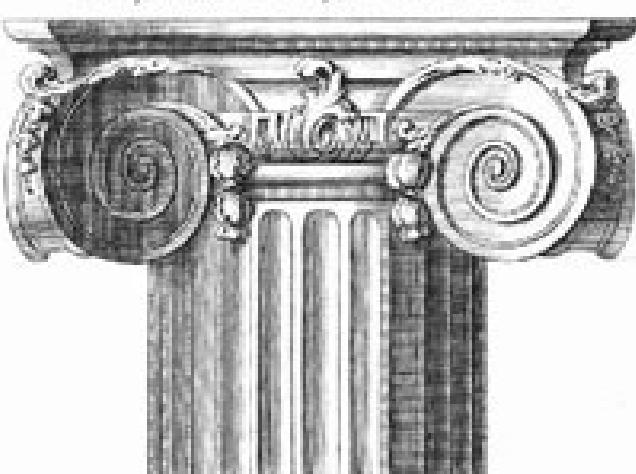

Chapiteau Ionique.

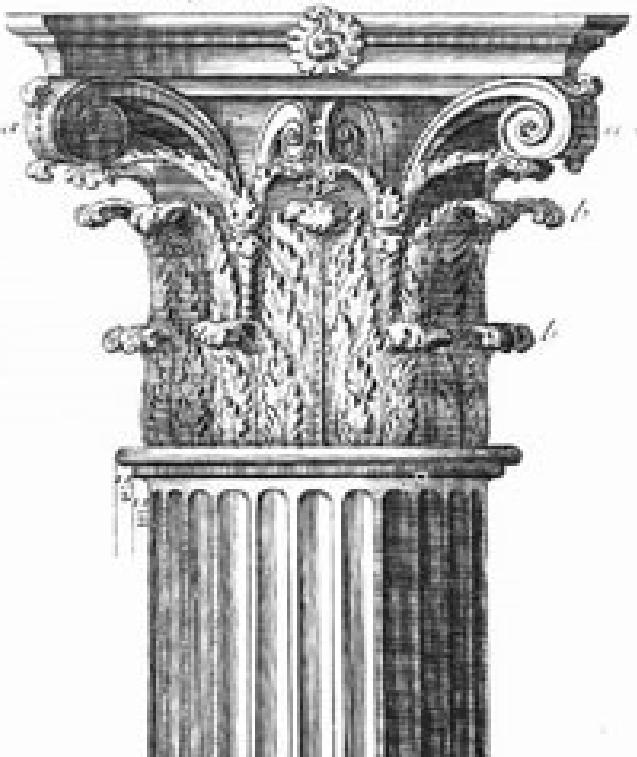

1 Modiolle, ou 24 minutes.

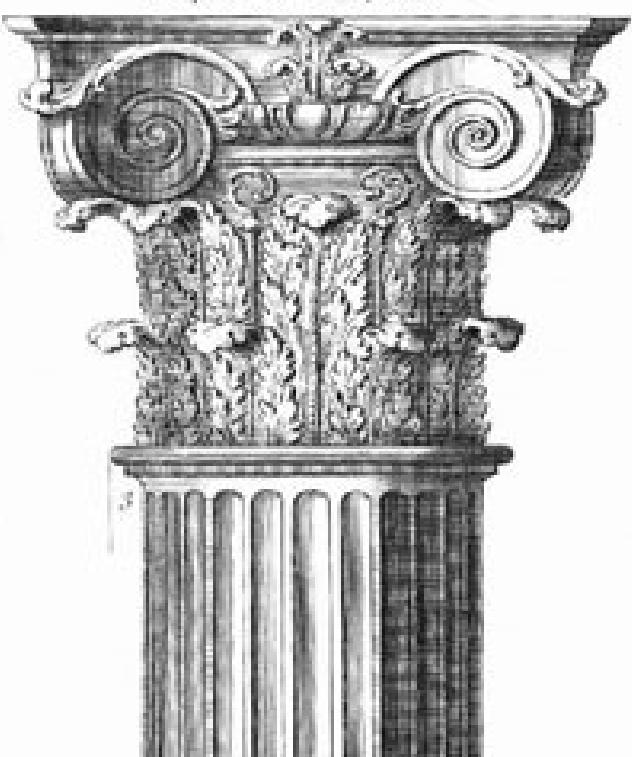
Chapiteau Ionique Moderne.

Chapiteau Corinthe.

Chapiteau Composite.

Античные меры

Меры длины и площади

Дактиль (палец). — 18.5 мм

Локоть. — 440.0 мм

Локоть персидский (царский). — 532.8 мм

Локоть (пигон) = 20 пальцев. — 385.3 мм

Оргия. — 1.776 м

Парасанг (фарсах). — 5549 м

Плеффр. — 29.6 м

Стадий (аттический). — 177.6 м

Стадий (олимпийский). — 192.27 м

Схен (египетский). — 445.20 м

Арура (аттическая). — 0.024 га2

Арура (египетская). — 0.2 га2

Меры веса и ёмкости

Дарейк (золотой). — 8.4 г

Драхма (горсть). — 4.336 г

Мина. — 341.20 г

Мина (персидская). — 420.00 г

Талант (серебряный). — 33.655 кг

Талант (аттический). — 26.196 г

Каиф. — 0.045 л

Комила. — 0.275 л

Арбата (персидская). — 55.08 л

Медимн (аттический). — 52.5 л

Метрем. — 38.88 л

Амфора. — 40 л

Халк. — 0.09 г

Хеник. — 1.08 л

Хус. — 3.24 л

Содержание:

Геродот. История.

Книга пятая. Терпсихора (обл.) стр.1

Геродот. История. В девяти книгах – 2017 стр.3

От редакционной коллегии стр.5

Бюст Геродота. Музей в Неаполе стр.9

Книга пятая. ТЕРПСИХОРА стр.11

Примечания. Г.А.Стратановский стр.95

Вкладка «Карта мира по Геродоту» стр.106

В.Г.Борухович «Научное и литературное значение труда Геродота» стр.108

От переводчика (Г.А.Стратановский) стр.193

Античные меры стр.198

Содержание стр.200

Форзац стр.201

Обложка стр.202

Геродот. История

От редакционной коллегии

Книга пятая. ТЕРПСИХОРА

В.Г.Борухович «Научн. и лит. значение труда Геродота»

Редактор: Амидала

Художественный редактор: Амидала

Технический редактор: YODA

Ответственный за выпуск: YODA

Оформление: Амидала

Утверждено к публикации: 19.01.2017

Формат документа: (А4) 27,9 x 21; 202 стр.

Тираж: Без ограничений.

«ЛУЧШЕ БЫТЬ ПРЕДМЕТОМ ЗАВИСТИ,
ЧЕМ СОСТРАДАНИЯ»

ГЕРОДОТ